

Содержание

Введение.....	4
1. Ассоциативная множественность.....	4
1.1. Определение.....	4
1.2. Предшествующие исследования ассоциативности.....	4
1.3. Терминология.....	7
1.4. Проблемы.....	10
1.5. Итог.....	13
2. Местоименное число.....	13
2.1. Литература.....	13
2.2. Проблемы.....	16
Глава первая. Типология именной ассоциативности.....	18
0. Общее.....	18
1. Множественность, репрезентативность, ассоциативность.....	20
1.1. Структурные типы множественной референции.....	20
1.2. Структурно-функциональные типы репрезентативной множественности.....	25
2. Материал, на котором основано исследование.....	28
3. Ассоциативность в генетической и ареальной перспективах.....	30
3.1. Ассоциативы в выборке ВАЯС.....	30
3.2. Ассоциативность за пределами выборки ВАЯС.....	31
3.3. Генетическая дистрибуция ассоциативной множественности.....	33
3.4. Ареальная дистрибуция ассоциативной множественности.....	34
4. Формальная типология ассоциативов.....	34
4.1. Морфологические ассоциативы.....	36
4.2. Аналитические ассоциативы.....	44
4.3. Синтаксические ассоциативы.....	46
5. Семантическая типология ассоциативов.....	52
5.1. Ассоциативы родства.....	53
5.2. Мягкие ассоциативы.....	56
5.3. Промежуточные случаи.....	56
5.4. Шкала устойчивости группообразующих отношений.....	57
5.5. Возможные исключения.....	60
5.6. Ассоциативность и отношение смежности.....	62
5.7. Корреляция семантического типа ассоциатива со способом его выражения.....	63
6. Лексические ассоциативы.....	64
6.1. Лексические ассоциативы у имен родства.....	64
6.2. Лексические ассоциативы у имен собственных.....	65
6.3. Лексические ассоциативы у неодушевленных имен.....	65
6.4. Неодушевленные лексические ассоциативы и природа ассоциативности.....	67
6.5. Лексическая ассоциативность и парные совокупности.....	68
6.6. Эллиптическая множественность и ассоциативность.....	68
6.7. Продуктивная vs. лексическая ассоциативность.....	70
6.8. Лексическая ассоциативность и ассоциативная множественность.....	71
7. Свойства и параметры ассоциативности.....	72
7.1. Доминанция фокусного референта.....	72
7.2. Исключение фокусного референта.....	75
7.3. Однородность.....	78
7.4. Общая vs. частная референция ассоциатива родства.....	80
7.5. Ассоциатив как именная группа.....	82
8. Явления, смежные с ассоциативностью.....	82
8.1. Классификаторные формы терминов родства.....	82
8.2. Коррелятивные формы терминов родства.....	88
8.3. Симилятивная репрезентативность.....	92
8.4. Ассоциативные модели в терминологии.....	93
8.5. Семантические нейтрализации.....	93
8.6. Коллективная множественность.....	94
9. Типология ограничений на образование форм ассоциативной множественности.....	96
9.1. Функциональная гипотеза.....	97
9.2. Эмпирические данные.....	102

9.3. Контраргументы против функциональной гипотезы	105
9.4. Референциальная гипотеза	107
9.3. Коммуникативная гипотеза	116
10. Культурологическая перспектива	117
Глава вторая. Местоименное число	118
1. Определение репрезентативной модели местоименного числа	118
1.1. Ассоциативная аналогия местоименного числа	118
1.2. Репрезентативность и местоимения второго лица: проблема 'вы'	120
1.3. Репрезентативность и местоимения третьего лица	123
1.4. Формальная специфика местоименной репрезентативности	124
1.5. Функциональная специфика местоименной репрезентативности	126
1.6. Типы комплектации множественной референции личного местоимения	127
2. Локутивные иерархии	134
2.1. Парадокс второго лица	135
2.2. Принцип экспликации доминанты совокупности	136
2.3. Локутивная иерархия в безынклюдивных языках	137
2.4. Языки с инклюдивным местоимением	138
2.5. Терминологические следствия модели	139
2.6. Другие манифестации иерархии {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}	143
2.7. Иерархия локуторов и факультативность местоименного числа	143
2.8. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в языках мира: постановка проблемы	144
2.9. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в морфологии: скрещенные инклюдивы	144
2.10. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в лексике	148
2.11. Иерархия {Адресат > Говорящий} в прагматике: вежливый стиль на Сулавеси	150
2.12. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} и посессивность	151
2.13. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}: типологическая убедительность	152
3. Исключение фокуса из референции личного местоимения (в русском языке)	152
4. Два типа местоименной множественности	154
4.1. Постановка проблемы	154
4.2. Ядерный vs. расширенный инклюдив	157
4.3. Морфология инклюдивного местоимения	158
4.4. Парадигматика инклюдивного местоимения	160
4.5. Подход Конклина и репрезентативная модель местоименного числа	161
4.6. Ядерный инклюдив как местоимение двойственного числа	162
4.7. Ядерный инклюдив совпадает с расширенным инклюдивом	163
4.8. Языки с аддитивной числовой морфологией в местоимениях	163
4.9. Языки с репрезентативной числовой морфологией в местоимениях	164
4.10. Языки, неоднозначные по данному признаку	164
4.11. Языки, неопределенные по данному признаку	165
4.12. Обобщения	165
Глава третья. Конструкции с поглощенным референтом	168
1. Конструкции с поглощенным референтом в русском языке	168
1.1. Условия ПР-интерпретации	169
1.2. Конструкции с именем группы: тоже поглощение?	170
1.3. «С» vs. «К» контексты	170
1.4. «С» vs. «К» контексты и поглощение референта	174
2. Поглощение референта в языках мира	175
3. Объяснительная типология	177
3.1. Поглощение референта и местоименное число	177
3.2. Поглощение референта и именная репрезентативность	178
3.3. Именное vs. местоименное поглощение: проблема типологии	181
Заключение	185
Приложение 1. Выборка языков проекта ВАЯС	187
Приложение 2. Указатель языков	189
Библиография	192

Введение.

Настоящая работа посвящена двум тесно связанным между собой проблемам: типологии именной ассоциативной множественности и проблеме числа личных местоимений.

1. Ассоциативная множественность.

1.1. Определение.

Ассоциативная форма имени N обозначает множество объектов, включающее референт имени N и некоторые другие связанные с ним объекты – например, нивхское *Xevgun-gu* ‘Хевгун и его родственники’, ‘Хевгун и его спутники’, где Хевгун - имя собственное. Как способ обозначения множества объектов, ассоциативная форма имени N противопоставляется форме стандартной (аддитивной) множественности, которая обозначает множество, состоящее из нескольких объектов, каждый из которых является референтом имени N – например, *собаки*.

1.2. Предшествующие исследования ассоциативности.

Собственно, ассоциативность до сих пор не являлась предметом ни одного монографического исследования. Систематическому сбору данных по ассоциативности положило начало интернет-резюме Э. Моравчик [Моравчик 1994], составленное по материалам проведенного ею же интернет-опроса информантов и экспертов по различным языкам, а также аккумулярованные ею в процессе интернет-опроса, но неопубликованные данные (в дальнейшем я буду ссылаться на эти данные, предоставленные мне исследовательницей, как на [Моравчик, подборка]). Ответы, полученные исследовательницей, охватывают материал более чем пятидесяти языков, однако лишь немногие из опрашиваемых отвечают по сути проблемы. Так, отвечая на вопрос о наличии ассоциативных форм (~ «Существует ли в языке форма имени собственного X, обозначающая совокупность родственников X-а»), многие приводили формы множественного числа не индивидуальных имен собственных, а фамилий (русск. *Ивановы* ‘семья Ивановых’, англ. *the Smiths* ‘семья Смитов’ и т.д. во многих и

многих языках), которые ассоциативами, конечно, не являются. Насколько можно судить по довольно кратким сообщениям экспертов, ассоциативность обнаруживается в тридцати пяти из упоминаемых в подборке языков, из них шесть – близкородственные южные банту (сесото, сетсвана, чивенда, ххоса, отжихереро) и несколько креольских языков и пиджинов. Если же ориентироваться на сколько-нибудь глубокий анализ ассоциативности, оказывается, что интересные данные были присланы только по трем-четырем языкам, среди них болгарский, пекинский китайский, нганьгитьемерри. Данные по всем остальным языкам требовали дополнительной проверки. Позднее автору настоящего исследования удалось обнаружить более подробные публикации, подтверждающие существование ассоциативности в некоторых из языков, упоминаемых Э. Моравчик [Моравчик 1994].

Нельзя сказать, что ассоциативность как явление никогда не привлекала внимание исследователей – время от времени та или иная грамматика описывала морфологическую форму, которую с полным основанием можно считать ассоциативом. Самое ранее известное мне упоминание о регулярном образовании форм с интересующей нас семантикой содержится в грамматике тибето-бирманского языка лепча [Мейнверинг 1876]. Более или менее развернутые разделы, посвященные ассоциативности, содержатся, например, в грамматиках табасаранского языка (лезгинский < нахско-дагестанский) [Магометов 1965], нивхского языка [Панфилов 1962], тибето-бирманского языка мейтхей [Челиа 1997], австралийского не паманьюнган языка вардаман [Мерлан 1994], башкирского (тюркский) языка [Псянчин 2000] и др.

В отсутствие типологических обзоров, относительно систематическое описание ассоциативности естественно искать в обзорах категории множественности в рамках отдельных языковых семей и групп; среди таких работ назовем [Кумахов 1971; Суник 1982].

Хуже обстоит дело с теоретическим осмыслением данных по ассоциативности.

Первенство в этом отношении несомненно принадлежит Э. Моравчик – именно она впервые сформулировала принципы доминанции, однородности и проч., обсуждаемые в разделе 7 первой главы настоящей диссертации.

Через некоторое время после обзора Э. Моравчик появилась публикация, впервые использующая термин ассоциативность – [Корбетт, Митун 1996]. Работа ставила целью

определить место ассоциативности в типологии множественности, и анализировала ассоциативность в языках центральный помо (хокальтекский) и юпик (эскимосский), а также, отчасти, в венгерском языке. Авторы исследования, ссылаясь на работу [Смит-Старк 1974], делали попытку применить к ассоциативности положение о том, что наличие или отсутствие определенных категорий у тех или иных классов именной лексики контролируется известной «иерархией одушевленности». Обсуждая возникающие в связи с этим положением проблемы, не имеющие прямого отношения к теме настоящей работы, авторы приходят к выводу, что ассоциативность не является значением категории числа в том смысле, в котором им являются единственное, множественное, двойственное, тройственное или паукальное число. Сам по себе этот вывод не вызывает никаких возражений (с некоторыми оговорками, автор настоящего исследования согласен считать ассоциативность, наряду со стандартной, или аддитивной множественностью, одним из значений поля несингулярности); хочется отметить только, что для обоснования этой точки зрения достаточно было бы рассмотреть, например, формы ассоциативной двойственности, представленной в таких языках как санскрит [Дельбрюк 1893], вардаман [Мерлан 1994], команчи [Чарни 1993], нгиямбаа [Дональдсон 1980], которые показывают независимость противопоставления аддитивность ~ ассоциативность (связанного с однородностью или неоднородностью обозначаемого множества объектов) от противопоставления единственное ~ множественное ~ двойственное и т.д. число (связанное с количественной характеристикой обозначаемого множества). Несомненным достоинством этой работы является введение в рассмотрение данных эскимосского языка юпик, где формы ассоциативной множественности имеют сложный характер; они содержат два морфологически обособленных показателя – показатель ассоциативности и показатель аддитивной множественности.

Кроме того, исследование Э. Моравчик стимулировало целенаправленные занятия ассоциативностью в некоторых языках – назовем несколько работ голландского лингвиста Ханса ден Бестена [ден Бестен 1996; ден Бестен, в печати]; первая из этих работ анализирует синтаксическую структуру ассоциативной конструкции языка африкаанс в рамках теории управления и связывания, а вторая ищет этимологию конструкции среди окружающих африкаанс языков Южной Африки. Здесь же можно упомянуть и статью автора настоящего исследования [Даниэль 1999], которая посвящена анализу типологических характеристик ассоциативности на материале

багвалинского (аваро-индийский) языка и в значительной степени базировалась на результатах Моравчик.

В настоящее время ассоциативность как одна из категорий поля несингулярности начинает фигурировать и в обзорных работах – так, ассоциативности в америндских языках посвящен раздел монографии [Митун 1999]; как морфологическая категория ассоциативность вводится в [Плунгян 2000]; в типологической перспективе она рассматривается в [Корбетт, в печати].

1.3. Терминология.

Специального обсуждения заслуживает связанный с исследуемым феноменом терминологический узус. Наиболее ранним следует признать термин *эллиптическая множественность*, введенный в работе [Дельбрюк 1893]. Этот термин, применяемый Дельбрюком для описания форм структуры санскр. ‘отец’-DU = ‘родители’, лат. ‘Кастор’-PL = ‘Кастор и Поллукс’, со ссылкой на первоисточник впоследствии еще несколько раз возникает в типологических работах [Рукайзер 1997; Кузнецова 1998]. В целом, однако, его нельзя считать прижившимся. Э. Моравчик [в личной беседе] предлагала сохранить термин *эллиптическая множественность* для случаев, когда второстепенные, непосредственно не называемые члены совокупности автоматически вычисляются адресатом. В частности, сюда попадут и примеры эллиптической множественности Дельбрюка. В разделе 6.6 первой главы диссертации показывается, что автоматическая идентификация не называемых членов совокупности является следствием клишированности ассоциативных форм санскрита (которых всего насчитывается не более десятка), т.е. в таком понимании термина эллиптическая множественность эллиптическими могут быть только лексические ассоциативы (см. раздел 6 первой главы). Таким образом, я считаю термин *эллиптическая множественность* избыточным.

В [Есперсен 1958: 220-223] для структурно близкого, но с точки зрения общей грамматики периферийного явления – обозначение декады формой множественного числа от названия первого года декады, например, *шестидесятые годы* (англ. *the sixties*), - вводится термин *аппроксимативная множественность*. Насколько нам известно, нигде, кроме «Философии грамматики» этот термин не употребляется, хотя некоторые авторы ссылаются на этот термин или на Есперсена при обсуждении ассоциативности [Барулин 1980; Корбетт, Митун 1996; Плунгян 2000].

В отдельных работах по нахско-дагестанским языкам (в первую очередь – в сборнике [Микаилов 1985]) для обозначения ассоциативных форм используется термин *ограниченная множественность*. Несколько раз я также сталкивался с термином *групповая множественность*; термин *group plural* некоторое время использовала Э. Моравчик [Моравчик 1994].

В русской востоковедческой традиции (ниже мы увидим, что одним из самых ярко выраженных ареалов распространения ассоциативности является как раз Юго-Восточная Азия) ассоциативные конструкции называются *репрезентативной множественностью*. Этот термин – самый серьезный соперник термина *ассоциативность*. Очевидно, он обладает достаточно мощной внутренней мотивацией (объект, названный основой ассоциатива, например, Хевгун, является «представителем» обозначаемого множества объектов). Термином *репрезентативная множественность* пользовался и сам автор – до того, как столкнулся с постепенно осваиваемым западной типологией термином *ассоциативность*.

Исходя из конъюнктуры, следует признать, что у русскоязычного термина, даже хорошо переводимого на английский язык, гораздо меньше шансов повлиять на англоязычный узус, чем у английского термина – адаптироваться на русской почве. Поэтому мы приняли решение в дальнейшем, вопреки русскоязычной традиции, использовать термин *ассоциативная множественность*.

С другой стороны, в настоящей работе проводится различие между двумя следующими феноменами:

(а) определенный тип структуры множественной референции, когда при обозначении группы объектов эксплицитно называется лишь один из них

(б) частный случай феномена (а), при котором не называемые объекты составляют с названным объектом более или менее тесную замкнутую совокупность, связаны с ним устойчивыми группообразующими отношениями (что и позволяет адресату исходя из названного объекта установить, кто или что не названо)

До сих пор, когда исследователи говорили об именной ассоциативной или репрезентативной множественности, они не проводили различия между этими двумя феноменами и чаще всего имели в виду как раз частный феномен (б). Между тем, у феномена (а) бывают и другие семантические реализации – например, форма может

обозначать открытый класс объектов, прототипом которого является названный объект (русское *танцы-шманцы*; подробнее см. разделы 1.2 и 8.3).

Таким образом, возникает необходимость различения двух феноменов – структуры множественной референции, (а); и частной реализации (а), феномена (б).

Как представляется, для этой цели как нельзя больше подходит противопоставление уже существующих терминов – *репрезентативная* и *ассоциативная множественность*. Действительно, термин *репрезентативная множественность* хорошо применим и для обозначения феномена (а) – каким бы способом адресат не комплектовал референцию формы, будь то прослеживание связей объекта с другими объектами или актуализация его свойств, названный объект в каком-то смысле выступает представителем («репрезентирует») всего обозначаемого множества. В то же время, термин *ассоциативная множественность* как нельзя больше подходит именно для частного случая репрезентативной множественности – такой ситуации, при которой говорящий комплекзует референцию формы репрезентативной множественности, опираясь на группобразующие (ассоциирующие) связи названного объекта с другими объектами.

Таким образом, в работе предлагается использовать термин *репрезентативная множественность* для любого обозначения множества объектов, при котором называется только один из них (более подробный анализ обнаруженных вариантов репрезентативной множественности см. в разделе 1.2), а термин *ассоциативная множественность* – для такого варианта репрезентативной множественности, при котором названный и не названные объекты, обозначаемые формой репрезентативной множественности, образуют более или менее тесную совокупность.

Наконец, определенные проблемы возникают и с термином *ассоциативность*. Во многих описательных грамматиках *формой ассоциатива* называется падежная форма, близкая по своим функциям к генитиву; иногда эта форма называется *социативом*. При этом термин *(ас)социатив* используется не наряду, а вместо термина *генитив*. Мотивация этого узуса достаточно прозрачна – исследователи стремятся отразить в терминологии тот факт, что данная форма обозначает не только посессивность, но гораздо более широкий семантический класс отношений, могущих связывать два предметных (и не предметных) имени. Поэтому Э. Моравчик [в личном сообщении] предлагает называть феномен, являющийся объектом настоящего исследования,

ассоциативной множественностью, оставив термин *ассоциатив* для обозначения формы приименного субстантивного зависимого. В настоящей работе, однако, для краткости вместо *форма ассоциативной множественности* мы будем иногда писать *ассоциатив*, а вместо *ассоциативная множественность* – *ассоциативность*.

1.4. Проблемы.

На мой взгляд, основной проблемой на текущем этапе изучения ассоциативности является определения изучаемого феномена. Подавляющее большинство исследователей имплицитно предполагают, что ассоциативная множественность является функционально-семантической категорией, одной из составляющих поля личной коллективности. Методология современная функциональной типологии, характеризующейся ориентацией на функционирование языка, в принципе не допускает никаких иных моделей; представление о языковой структуре, напрямую не мотивированной функцией, чуждо функционализму.

Как представляется, именно это методологическое ограничение не позволяет адекватно и всесторонне описать феномен ассоциативной множественности. В самом деле, определение ассоциативной множественности как морфологической категории со значением ‘X и его семья’ (самая частая интерпретация ассоциативных конструкций) сразу ведет к неудовлетворительным результатам. Ассоциативными в этом смысле следует признать формы множественного числа фамилий, которые в подавляющем большинстве контекстов обозначают именно членов одной семьи (а не несколько неродственных между собой людей с одной и той же фамилией). В то же время, дальнейший анализ феномена ассоциативной множественности в этом направлении представляется тупиковым; разные исследователи сходятся на том, что форму множественного числа фамилий не следует считать ассоциативом. Причем решение это мотивируется отнюдь не функционально – говорится о том, что только один из элементов множества, обозначаемого ассоциативом X-Ass, должен собственно «быть X-ом», в то время как в случае фамилии *Ивановы* (в прототипическом случае) каждый из элементов множества является Ивановым.

Можно было бы предлагать более тонкое функциональное определение категории ассоциативности: формы ассоциативов обозначают личные совокупности, ранжированные по значимости составляющих их элементов – одно лицо является центральным, доминирующим, а другие играют в обозначаемой совокупности

второстепенную роль. Но и это определение не выдерживает критики; действительно, в таком случае необходимо было бы признать (синтаксическим) ассоциативом сочиненные именные группы, так как порядок сочиняемых членов очень часто является средством выражения относительной значимости референтов сочиняемых именных групп; то же можно сказать и о личноконкативной конструкции типа *Петя с Ваней*.

В настоящем исследовании эта проблема решается путем отказа от функционального определения ассоциативности. Ассоциативность определяется как такой способ обозначения замкнутой личной совокупности (например, семьи), при котором эксплицитно назван лишь один из членов совокупности; этот подход совпадает с подходом, используемым в работах [Кацнельсон 1949; Барулин 1980]. Иначе говоря, ассоциативность определяется не как функциональный, а как структурный феномен, определенный тип множественной референции; в разделе 7.3 первой главы показано, почему с этим типом ассоциируется относительно компактная семантическая категория. В этом разделе предложено объяснение того, почему ассоциатив в подавляющем большинстве случаев выражает личную совокупность; в то же время, далеко не всегда выражение значения личной совокупности принимает форму ассоциатива.

Точно так же структурное решение предлагается для центральной для типологии ассоциативности проблемы появления у форм аддитивной множественности ассоциативной интерпретации (т.е. когда форма ассоциативной множественности совпадает с формой аддитивной множественности; этот тип ассоциативности является типологически самым широко распространенным). Даже при первом знакомстве с данными типологии ассоциативности бросается в глаза следующая очевидная корреляция – ассоциативную интерпретацию имеют формы аддитивной множественности имен собственных, иногда также терминов родства, в то время как формы аддитивной множественности других личных имен нарицательных имеют лишь аддитивную интерпретацию. Для объяснения этого факта функциональный подход естественно обращается к иерархии одушевленности; предполагается, что категория ассоциативности, как и многие другие именные категории, более характерна для имен, высоко расположенных в иерархии одушевленности. Такое объяснение наталкивается на два серьезных возражения.

Во-первых, даже категории, очевидно связанные с иерархией одушевленности (такие как маркирование субъектно-объектных отношений, наличие ~ отсутствие морфологических числовых форм и т.д.) редко в качестве «критической точки» на иерархии одушевленности используют противопоставление личных имен собственных личным именам нарицательным. Гораздо важнее для них противопоставление одушевленного неодушевленному или личного неличному. В то же время именно противопоставление имя собственное ~ имя нарицательное несомненно является наиболее массовым в смысле переключения от аддитивной к ассоциативной интерпретации числовой формы. (Более того, ряд свидетельств, впрочем, относительно периферийных, указывает на то, что противопоставление имя собственное ~ имя нарицательное является более важным, чем противопоставление по личности ~ неличности; так, в первой главе приводится пример татарского имени собственного коровы, форма множественного числа которого имеет ассоциативную интерпретацию ‘X и вторая корова’.)

Во-вторых, если бы предполагаемая семантическая категория ассоциативности ‘X и его группа’ действительно контролировалась бы категорией одушевленности, то мы бы скорее ожидали существования специального показателя, выражающего это значение и сочетающегося только с именами собственными. Мы же имеем дело не с автономной категорией, а с интерпретацией категории аддитивной множественности. Можно было бы сказать, что в этом проявляется тенденция к экономии выразительных средств – поскольку аддитивная множественность плохо сочетается с именами собственными, язык использует для выражения ассоциативности тот же показатель, что и для выражения аддитивной множественности. Такой подход обладает определенной объяснительной силой, но, на наш взгляд, все же не объясняет столь широкой распространенности феномена.

Отказавшись раз от функционального подхода к определению ассоциативности, настоящее исследование объясняет ассоциативную интерпретацию форм аддитивной множественности не функциональными, а структурными причинами. Дело не в том, что язык приписывает категорию ассоциативности к верхнему участку иерархии одушевленности и в дальнейшем использует для выражения этой категории «незанятой» в этом участке показатель аддитивной множественности. Первичной является именно незанятость показателя аддитивной множественности – ассоциатив возникает как интерпретация формы, семантика которой несовместима или плохо

совместима с семантикой основы. Аналогом этого феномена может служить оптативная интерпретация формы императива от глаголов, обозначающих неконтролируемые процессы: например, *расти большой*.

1.5. Итог

Таким образом, стоящие перед исследователями ассоциативности две базовые проблемы (отграничение ассоциативности от других форм с семантикой личной коллективности и мотивация распространенности ассоциативного прочтения форм аддитивной множественности от имен собственных) настоящее исследование решает путем отказа от функционального подхода к ассоциативности (поэтому мы избегаем называть ассоциативность категорией) и определением ее как особого типа множественной референции.

2. Местоименное число.

2.1. Литература.

В отличие от именной ассоциативной множественности, местоименное число уже давно служит предметом пристального анализа как типологов, так и специалистов по конкретным языкам.

Одним из самых фундаментальных трудов по типологии выражения местоименного числа является исследование [Форххаймер 1953]. В работе рассматривается огромный по тем временам языковой материал (около сотни языков), которые разделяются на типы в соответствии со способом выражения числа; предлагаемая типология, на наш взгляд, представляет значительный интерес и сегодня и может служить отправной точкой дальнейших исследований. С другой стороны, исследователь почти не уделяет внимания вопросу, что такое местоименное число, в чем заключаются отличия местоименного числа от субстантивного числа. Кажется, автора больше интересует глоттогенетический аспект проблемы, и он пытается показать первичность местоименного числа по отношению к числу имени существительного.

Говоря об исследованиях местоименных систем, нельзя не упомянуть работу Н.К. Соколовской [Соколовская 1980], систематизировавшей материал около четырех сотен языков, что даже и в настоящее время является выдающимся по масштабу

исследованием. (К сожалению, выборка Соколовской, хотя и охватывает языки самых различных ареалов и семей, все же организована не в соответствии с требованиями типологической репрезентативности – некоторые семьи и ареалы представлены лучше, чем другие.) Однако результаты, собранные Соколовской, не могут быть прямо использованы в нашем исследовании. Дело в том, что следуя строго в русле структурного подхода к языку, Соколовская описывала именно местоименные системы, то есть наборы различных категорий лица-числа, совершенно не принимая во внимание способ выражения этих категорий. Иначе говоря, все языки с противопоставлением местоимений единственного и множественного чисел попадали у Соколовской в одну категорию, вне зависимости от того, было ли местоимение ‘мы’ производным от местоимения ‘я’, как в китайском, или имело независимую основу, как в английском или русском. Очевидно, поэтому, что Соколовская не могла получить результатов, сравнимых по «неожиданности» с результатами исследования инклюзивности в работе Конклина [Конклин 1962] – категории, привлекавшиеся Соколовской для анализа (в частности, понимание категории числа) носили априорный характер. Все, сказанное о работе Соколовской, вполне применимо и к менее яркой работе [Членова 1972]

Для настоящего исследования представляет гораздо больший интерес лишенная почти всякого типологического базиса знаменитая статья Э. Бенвениста [Бенвенист 1974], в которой речь идет как раз о семантическом сопоставлении местоименного и субстантивного числа. Введенная в этой статье формулировка стала классической: форма множественного числа субстантива *S* обозначает множество объектов, каждый из которых может быть обозначен соответствующей формой единственного числа того же субстантива *S* (например, *собаки* = ‘собака + собака + ... + собака’); поэтому местоимение *мы* не является множественным числом от местоимения *я*, так как *мы* – это не ‘я + я + ... + я’, а ‘я + другие’ (обсуждение проблемы числа личного местоимения второго лица, которое, на первый взгляд, вполне допускает и обычную плюральную семантику типа ‘ты + ты + ты’, см. во второй главе настоящего исследования). Именно поэтому, утверждает Бенвенист, личные местоимения множественного числа с материальной точки зрения не являются формой множественного числа от соответствующих личных местоимений единственного числа – ср. англ. *I* ~ *we*, русск. *я* ~ *мы*, *ты* ~ *вы*.

Наблюдения Форххаймера над типологией местоименных систем прямо противоречат соображениям Бенвениста о семантике местоименного числа – в некоторых языках, в первую очередь, в языках Юго-Восточной Азии, местоимения множественного числа являются формами множественного числа соответствующих местоимений единственного числа.

В книге [Майтинская 1969] рассматриваются самые разные аспекты типологии местоименных систем – категория лица, различные типы дейктических структур и т.д. Специальный раздел посвящен категории числа у личных местоимений; этот раздел в определенном смысле является компиляцией типологических результатов Форххаймера и семантических соображений Бенвениста, но при этом никак не анализирует противоречие в результатах двух исследователей.

В работе [Барулин 1980] выводы Бенвениста подвергаются критике. Автор указывает, что типологическое разнообразие категории множественности не исчерпывается формулой ‘ $X + X \dots + X$ ’ – наряду с такой, аддитивной (термин *аддитивная множественность* введен именно в этой работе) множественностью, существуют и иные типы множественности, например, репрезентативная (в нашей терминологии – ассоциативная, см. выше). Барулин приводит примеры форм субстантивной ассоциативной множественности и эксплицитно формулирует аналогию между именной ассоциативностью и местоименной множественностью. Независимо от Барулина, об ассоциативном характере местоименной множественности говорят Э. Моравчик [Моравчик 1994] и, вслед за ней, Корбетт и Митун [Корбетт, Митун 1996]. Насколько нам известно, впервые такое сближение проводится в [Есперсен 1958: 221]. Аналогия между субстантивной ассоциативной и местоименной множественностью в определенном смысле служит отправной точкой настоящего исследования.

Несколько в стороне от изучения категории местоименного числа стоит серия исследований инклюзивности – работы [Аустерлиц 1959; Конклин 1962; МакКэй 1978; Гринберг 1988], описывающие местоименные системы, в которых инклюзивное местоимение двойственного числа парадигматически относится к местоимениям единственного числа. Подробнее эти результаты описываются во второй главе диссертационного исследования; здесь отметим, что они относительно неожиданно смыкаются с предлагаемым в настоящем исследовании подходе к местоименной множественности.

Отметим также, что, вместе с некоторыми другими исследователями, мы оспариваем традиционную точку зрения на инклюзивное местоимение как на местоимение первого лица (инклюзив = ‘мы включая адресата речи’ vs. эксклюзив = ‘мы исключая адресата речи’). Инклюзивное местоимение – это, по определению, местоимение, используемое для обозначения группы лиц, в которую входит говорящий и адресат, причем говорящий и адресат являются совершенно равноправными членами обозначаемой совокупности. В наиболее отчетливом виде эта точка зрения была сформулирована в небольшой работе [Холленбах 1970], но по сути содержится и в упомянутых выше работах Аустерлица, Конклина, Гринберга и пр.

2.2. Проблемы.

Остается неясным, каким образом можно проводить аналогию между ассоциативной множественностью, обычно определяемой формулой ‘X и его группа’ и личными местоимениями множественного числа, имеющими гораздо более широкую сферу применения. Конечно, между ассоциативностью и местоименной множественностью есть много общего – и в том, и в другом случае обозначается совокупность, один из элементов которой назван, а остальные не называются. И все же следует уточнить взаимоотношения между двумя категориями.

Кажется, почти никто из исследователей не обращает внимание на то что толкование местоимения *мы* как ‘я и другие’ (я бы считал эту формулу не толкованием, а моделью структуры референции, и говорил бы не о том, что местоимение *мы* значит ‘я и другие’, а о том, что местоимение *мы* обозначает совокупность, в которую входит говорящий) мало что дает для объяснения того, каким образом адресат «заполняет» референцию этого местоимения в дискурсе. Важным исключением является небольшая работа [А.А. Кибрик 1989], описывающая разные интерпретации местоимения *мы*. На мой взгляд, эту работу необходимо развить в типологию интерпретаций личных местоимений множественного числа; предварительный эскиз такой типологии приводится во второй главе диссертации.

Наконец, важнейшую роль в настоящем исследовании играет «парадокс второго лица». Допустим, что местоименное число аналогично формам ассоциативной множественности. Тогда местоимение ‘мы’ записывается как ‘говорящий и другие’, местоимение ‘вы’ – как ‘адресат и другие’. Однако, например, в русском языке местоимение *вы* используется для только для обозначения таких личных

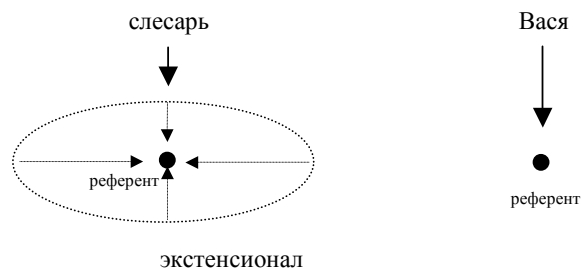
совокупностей, в которые не входит говорящий, так что этому местоимению, должна, казалось бы, соответствовать формула ‘адресат и другие, но не говорящий’. Если записывать местоимение ‘мы’ как ‘говорящий и другие’, а местоимение ‘вы’ – как ‘адресат и другие, но не говорящий’, местоимения ‘мы’ и ‘вы’ оказываются семантически асимметричными – отношение между ‘я’ и ‘мы’ оказывается нетождественным отношению между ‘ты’ и ‘вы’. Отсюда с неизбежностью следует вывод: личные местоимения множественного числа вообще не обладают единой количественной категорией, так как количественная характеристика в первом и втором лицах семантически разнородна (различается на элемент ‘но не говорящий’, наличествующей во втором, но отсутствующий в первом лице). Сказанное справедливо в отношении языков без инклюзива; проблемы иного рода, но не менее значительные, возникают и при рассмотрении языков с инклюзивным местоимением.

Именно разрешение этого парадокса оказывается центральным во второй главе диссертации и приводит к довольно неожиданным выводам относительно общей природы категории местоименного лица в местоимениях множественного числа, в том числе категории инклюзивности, смыкаясь с результатами Е.Ю. Филимоновой [Филимонова 1997].

Глава первая. Типология именной ассоциативности.

0. Общее

Для обозначения единичного объекта говорящий может прибегнуть к одной из двух основных стратегий. С одной стороны, он может референтно употребить имя нарицательное; этот способ доступен для объектов любой природы (во всяком случае, для таких объектов, природу которых говорящий способен идентифицировать и которые вообще способен назвать), но является в определенном смысле «энергоемким», так как включает лингвистические механизмы установления референциальных отношений между словом и объектом действительности, или механизмы актуализации. Поэтому в ряде случаев язык предоставляет говорящему возможность воспользоваться именем собственным объекта – таким языковым знаком, который, по мнению говорящего, устойчиво связан в сознании адресата с одним и только одним объектом действительности (по меньшей мере в рамках ситуации, в которой разворачивается речевой акт) и который, таким образом, позволяет идентифицировать референта без процедуры актуализации. Очевидно, каждый объект действительности не может иметь своего имени собственного – естественный язык предоставляет это средство в основном для личных референтов, иногда для одушевленных неличных референтов и только в очень редких культурных контекстах для неодушевленных референтов – например, рог и меч Роланда. (Исключение составляют географические объекты; кроме того, не вполне очевидно содержание противопоставления имя собственное ~ имя нарицательное в случае объектов, концептуализируемых естественным языком как уникальные – например, луна, солнце, небо). Конечно, если не во всех, то, по крайней мере в большинстве языковых культур имена собственные не уникальны, то есть существует несколько объектов, носящих одно и то же имя собственное. И все-таки представляется разумным считать, что по меньшей мере в части языков в рамках конкретной ситуации априори предполагается единственность объекта, носящего конкретное имя собственное. Именно поэтому предложения типа *Васи уже давно пришли* в русском языке воспринимаются как маргинальные.



Рассмотрим теперь стратегии обозначения **замкнутого множества** конкретных объектов. Во-первых, возможно референтное использование формы множественного числа – говорящий выбирает языковой знак, экстенционал которого включает все эти объекты и далее, как и в случае имен нарицательных в единственном числе, прибегает к актуализирующим языковым механизмам для того, чтобы сузить этот экстенционал до обозначаемого класса (рис. 2а).

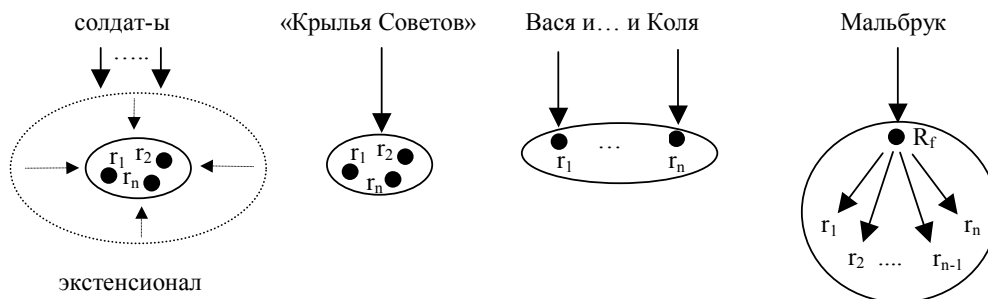
Существует ли «экономичная» стратегия обозначения множества объектов, аналогичная использованию имени собственного для обозначения одного объекта? В ряде случаев имена собственные бывают и у множеств объектов – например, название спортивной команды (рис. 2б); но, пожалуй, этот тип номинации множества объектов как раз и исчерпывается именами участвующих в состязании совокупностей лиц (далее – личные совокупности). Конечно, можно прибегнуть к перечислению имен собственных составляющих группу референтов – это также позволяет говорящему избежать процедуры актуализации, но такую стратегию вряд ли можно назвать экономичной (рис. 2в).

Представим себе, что обозначаемое множество объектов характеризуется наличием устойчивых отношений, связывающих элементы этого множества между собой; будем говорить, что такое множество является группой. Если несингулярный характер референта ИГ подразумевается ситуацией, то указание на одного из членов группы может естественно интерпретироваться как указание на группу в целом; постоянный характер и контекстуальная независимость отношений, связывающих членов группы между собой позволяет обойтись без механизмов актуализации (в том случае, если референция самой этой ИГ актуализирована). Ср.:

Мальбрук в поход собрался.

Так как в поход не ходят в одиночку, очевидно, что кроме герцога Мальборо в поход также собираются подчиненные ему войска. С другой стороны, ИГ *Мальбрук* состоит

из имени собственного, так что для установления того, что она референтна на герцога Мальборо, адресат также не должен осуществлять процедуру актуализации референции ИГ.



В данном контексте вывод о том, что в поход отправляется вся группа, с которой ассоциируется герцог Мальборо, сделан на основании умозаключения. Если же указание на то, что в означаемое, помимо эксплицитно упомянутого объекта, входят также и связанные с ним группообразующим отношением объекты, выражено морфологически или синтаксически, мы будем говорить об ассоциативном морфологическом показателе или ассоциативной синтаксической конструкции, соответственно.

В качестве примера морфологического ассоциатива приведу нивхскую словоформу *Xevgun-gu* (Хевгун-PI) со значениями ‘Хевгун и его семья’, ‘Хевгун и его спутники’.

1. Множественность, репрезентативность, ассоциативность

1.1. Структурные типы множественной референции

В настоящем разделе определяются основные способы обозначения множества объектов, или структурные типы множественной референции.

Способ обозначения множества объектов, которому посвящено исследование, характеризуется неравноправностью элементов обозначаемого множества с точки зрения структуры множественной референции.

Рассмотрим, например, татарскую словоформа форму *Ahmet-ler* (Ахмет-PI) ‘Ахмет и его семья / друзья / спутники’. Эта словоформа эксплицитно называет только один из элементов обозначаемого множества, указывая, что в это множество, помимо эксплицитно названного элемента, входят также и другие элементы. Я буду называть

эксплицитно названный элемент множества эксплицированным референтом, а остальные элементы множества – неэксплицированными референтами; соответственно, в структуре референции словоформы я буду различать эксплицитную и неэксплицитную составляющую, или, для краткости, эксплицитную vs. неэксплицитную референцию словоформы.

С точки зрения морфологической структуры этой формы, то, что референция формы включает Ахмета, определяется основой словоформы, в то время как включение в референцию формы всех остальных элементов обозначаемого множества не может атрибутироваться основе, так как эти элементы не (обязательно) являются носителями имени Ахмет. Таким образом, в структуре референции формы *Ahmet-ler* следует различать референцию к Ахмету, «включаемую» основой словоформы, и референцию ко всем остальным элементам, «включаемую» использованием тех или иных грамматических средств языка (в данном случае, показателем множественного числа – *ler*). В соответствии с этим, я буду различать лексическую и грамматическую референцию словоформы – основа формы *Ahmet-* референтна на Ахмета (и поэтому референция к Ахмету носит лексический характер), но не референтна на другие элементы обозначаемого множества (референция к ним носит грамматический характер).

Очевидно, что в рассмотренном случае противопоставление эксплицитной и неэксплицитной референции совпадает с противопоставлением лексической и грамматической референции. Это совпадение, однако, не обязательно. Так, в рассмотренном выше контексте *Мальбрук в поход собрался* также можно различать эксплицированный (герцог Мальборо) и неэксплицированные (его войско) референты, но включение в референцию ИГ неэксплицированных референтов в данном случае никак не маркируется лингвистическими средствами и вытекает лишь из контекста. Можно говорить, что в таких контекстах референция к неэксплицированным референтам носит имплицитный характер, противопоставляя имплицитную референцию грамматической референции словоформ типа *Ahmet-ler*. Расхождение между противопоставлением лексическая vs. грамматическая референция и противопоставлением эксплицитная vs. неэксплицитная референция также окажется очень существенным при типологическом моделировании категории числа у личных местоимений, у которых и эксплицитная, и неэксплицитная составляющие референции могут в некоторых языках носить лексический характер (см. главу 2).

(Теоретически нельзя исключать, что при наличии в структуре референции словоформы как эксплицитной, так и неэксплицитной составляющих число эксплицированных референтов превышает единицу. Убедительный пример такой структуры референции встречается, однако, только в личных местоимениях множественного числа; я вернусь к нему в главе 2 при обсуждении инклюзивного местоимения.)

Такой тип множественной референции, при котором референция к одним элементам обозначаемого множества носит эксплицитный, а к другим – неэксплицитный характер, я буду называть репрезентативной структурой множественной референции, или репрезентативной множественностью (иногда, для краткости, просто репрезентативностью). Внутренняя форма термина очевидна – из множества элементов выбирается лишь один элемент, который «репрезентирует» все множество в целом; о терминологии подробнее см. введение.

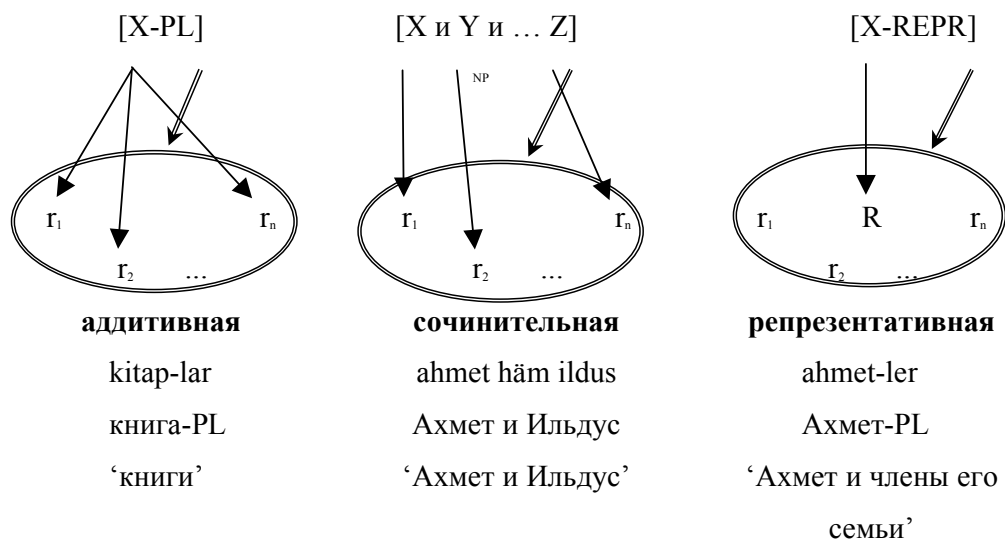
Репрезентативная множественность противопоставлена по крайней мере двум другим, сравнительно более частым типами множественной референции:

а) Аддитивная множественная референция (термин введен в [Барулин 1980]). Русская словоформа *собак-и* лексически референтна на все элементы обозначаемого множества, так как каждый из них может быть признан референтом основы *собак-*. Множественная референция этой словоформы однородна и в случае каждого из элементов множества носит эксплицитный характер. Особый случай составляют языки, в которых немаркированная форма в некоторых контекстах может иметь множественную референцию; в таких контекстах турецкая словоформа *köpek* ('собака, собаки') эксплицитно и лексически референтна на каждый из элементов обозначаемого этой словоформой множества, то есть также является формой аддитивной множественности (хотя сам множественный характер референции носит имплицитный характер).

б) Сочинительная множественная референция. Как и в случае аддитивной множественности, в русской сочиненной ИГ *Петя и Вася* референция к каждому из элементов обозначаемого ИГ множества является эксплицитной и лексической. Отличие от аддитивной множественности заключается в том, что на каждый из элементов совокупности референтна своя основа.

Различия в структуре референции в трех случаях схематически изображены на следующей схеме на примере татарского языка (показатели *-lar* и *-ler* являются сингармоническими вариантами и не связаны с противопоставлением референциальных типов множественности):

Схема 1



Здесь же следует отметить общее основание, могущее в первом приближении служить базой противопоставления трех типов множественной референции. Употребление формы репрезентативной множественности часто бывает связано с эксплицированием более важного референта в ущерб менее важному. Можно говорить о том, что референциальная неоднородность формы репрезентативной множественности отражает коммуникативно релевантную неоднородность обозначаемой совокупности; при этом эксплицированный референт соответствует коммуникативной доминанте совокупности. Отличительным свойством формы аддитивной множественности, напротив, является референциальная однородность (все референты равно эксплицированы), поэтому такие формы можно считать коммуникативно немаркированными, или коммуникативно однородными. В этом отношении форма сочинительной множественности, для которой относительный порядок сочиняемых членов также часто отражает распределение коммуникативной значимости между обозначаемыми объектами, но все референты которой равно

эксплицированы, в определенном смысле занимает промежуточное положение между репрезентативной и аддитивной множественностью.

С другой стороны, как репрезентативная, так и сочинительная множественность не во всех случаях связана с отражением коммуникативных приоритетов. Так, структура референции личного местоимения 'мы', характеризуемая мною как репрезентативная (см. главу 2), опирается на прагматическую константу – принцип доминанции говорящего, неизменно присутствующий во всех речевых актах в пределах конкретного языка – и поэтому не может выражать никаких дискурсивных коммуникативных значений, то есть не отражает коммуникативно релевантную неоднородность обозначаемой личной совокупности. То же можно сказать и об обсуждаемой ниже анафорической репрезентативности. Относительный порядок сочиняемых членов также далеко не всегда является значимым. Поэтому можно сказать, что, хотя репрезентативная и сочинительная структуры множественной референции и **предрасположены** к выражению неравномерного распределения коммуникативной значимости между своими референтами, они **не обязательно предполагают** такое неравномерное распределение.

Как из последнего замечания, так и в целом из очерченного выше подхода к определению трех типов множественной референции, видно, что настоящая работа исходит из посылки о том, что репрезентативная, сочинительная и аддитивная множественность являются не функциональными категориями (не принадлежат к полю тех или иных семантических или коммуникативных значений), а структурными категориями (или феноменами). Несомненно, из структурных характеристик этих категорий может проистекать их предрасположенность к выражению тех или иных функциональных категорий, но работа опирается на представление о вторичности этой предрасположенности и о ее детерминированности структурой формы множественности. Очевидно, такой подход является предметом выбора исследователя – можно пытаться описывать рассматриваемые в работе феномены исключительно в функциональных терминах. Предпочтительность того или иного подхода должна оцениваться, очевидно, с точки зрения приносимых им результатов.

Одним из примеров, демонстрирующих преимущество выбранного мною подхода, является только что описанный характер взаимосвязи между выражением коммуникативной значимости и структурой множественной. Ниже я несколько раз

возвращаюсь к этой проблеме, указывая на факты, также свидетельствующие, на мой взгляд, на оправданность моего выбора.

1.2. Структурно-функциональные типы репрезентативной множественности

Общая модель референциальной структуры репрезентативного типа была представлена на схеме 1. Как видно, лексический компонент формы не дает никаких сведений о неэксципированных референтах, входящих в референцию формы. Каким же образом адресат получает информацию о том, кто является неэксципированными референтами формы? Иными словами, каким образом комплектуется референция этой формы? Существует несколько структурных подтипов репрезентативной множественности.

1. Форма репрезентативной множественности может обозначать замкнутую устойчивую совокупность объектов. Таким образом, получаемая адресатом информация выглядит следующим образом: данная форма обозначает совокупность, в которую входит X (эксципированный референт). Опираясь на собственную модель мира, адресат определяет, членом какой совокупности является X и отождествляет референцию формы в целом. Такой структурный подтип репрезентативной множественности я буду называть ассоциативной множественностью (иногда, для краткости, ассоциативностью); формы, имеющие ассоциативную структуру множественной референции – ассоциативными формами или ассоциативами; эксципированный референт – фокусным референтом (ср. сходный термин в [Аустерлиц 1959; Мерлан 1994]), неэксципированные референты – ассоциированными референтами. В самом общем виде значение ассоциативной формы может быть записано как ‘X и его группа’. Упоминаемые выше примеры репрезентативности из нивхского и татарского языков являются примерами ассоциативной множественности; ср. также пулар-фульфульде (западноатлантический; Африка) *Samba-'en* (Самба-Pl) ‘Самба и его семья / друзья’, юкаг. *qristos-tang-pe* (Христос-Ass-Pl) ‘Христос и его люди’ [Елена Маслова, электронное сообщение], брахуи (дравидийский) *lumma-ghask* (мать-Ass) ‘мать и ее группа’ [Брейс 1909, стр. 41]. Заметим, что если в татарском, нивхском и пулар-фульфульде ассоциативная форма материально совпадает с формой аддитивной множественности (используется характерный для данного языка показатель аддитивной множественности), то в случае языка брахуи в форме

ассоциатива используется специфический для этой формы показатель (-*ghask*), а в юкагирской форме содержится как показатель аддитивной множественности (-*pe*), так и ассоциативный показатель (-*tang*); подробнее о формальной типологии ассоциативов см. ниже.

2. Форма репрезентативной множественности может обозначать класс объектов, включающих эксплицированный референт и другие объекты, обладающих чертами сходства с эксплицированным референтом. В этом случае адресат комплектует референцию репрезентативной формы, исходя из знания свойств фокусного референта. Следует подчеркнуть, что репрезентативность такого рода, в отличие от ассоциативности, обозначает открытые классы объектов, не связанные между собой никакими отношениями, кроме абстрактных отношений сходства. Такой структурный подтип репрезентативной множественности я буду называть симилятивной репрезентативностью; форму с подобной структурой множественной референции – симилятивом; а эксплицированный референт – прототипическим референтом. В качестве примера приведу форму языка думи (киранти < тибето-бирманский):

dza:-mił	yəkh-ini
рис-PI	кормить-PI23

Накормите их рисом и всем остальным [ван Дрим, 1993: стр. 61]

Симилятивные формы также отмечаются во вьетнамском [Панфилов 1993], тюркских (например, [Кононов 1956]), многих индоиранских, дравидийских, кавказских и других языках.

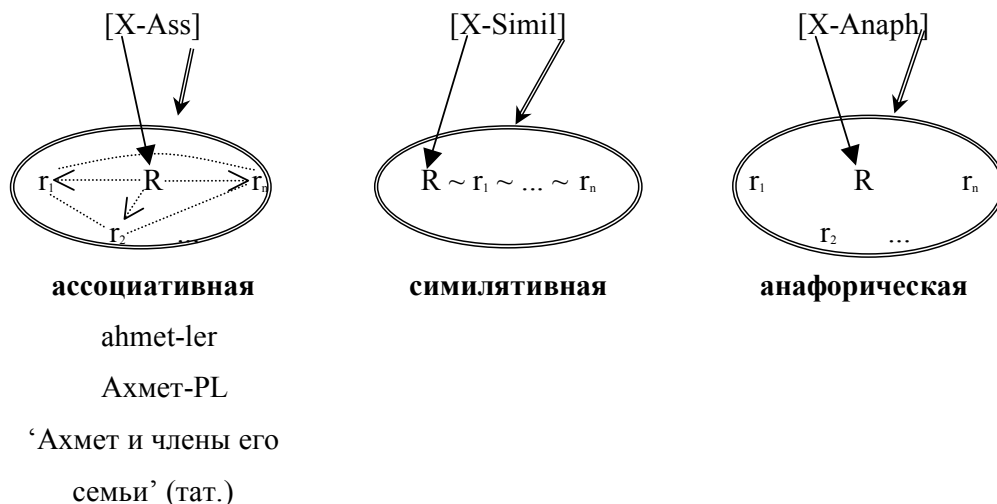
3. Форма репрезентативной множественности может обозначать совокупность, состоящую из эксплицированного референта и одного или многих других ранее актуализированных референтов. В качестве дискурсивного аналога этой формы в русском языке можно привести конструкцию *они с X*:

- А где Коля?
- [Они с Васей] пошли курить.

Судя по данным описательных грамматик, репрезентативность такого рода встречается в языках чадском языке кера [Эберт 1979], языке гуниянди (бунабан, Австралия) [МакГрегор, 1990; также устные сообщения], возможно также в древнеисландском [Кацнельсон 1949]. В таких случаях адресат заполняет референцию репрезентативной формы, исходя из текущих установок дискурса. Этот подтип репрезентативности я буду называть анафорической репрезентативностью. Данных по этому типу

репрезентативности явно недостаточно; необходим анализ текстовых примеров. Я специально остановился на нем в первую очередь потому, что представление о репрезентативности этого вида крайне важно при описании категории числа личных местоимений.

Схема 2



Как видно из приведенных определений, ассоциативная и симилятивная репрезентативность, в отличие от репрезентативной множественности в целом, являются уже не просто структурными характеристиками множественной референции, но связаны с выражением определенного значения – группы лиц (значение личной коллективности) в случае ассоциативной множественности, подобия в случае симилятивной репрезентативности. Иными словами, ассоциативная и симилятивная репрезентативности являются не просто структурными, а структурно-семантическими типами репрезентативной множественности. Тот факт, что ассоциативная множественность имеет смешанную структурно-семантическую природу, окажется важен в дальнейшем.

Описанный выше референциальный подход к моделированию ассоциативной множественности в значительной степени базируется на работах [Кацнельсон 1949] и [Барулин 1980]; он также близок к точке зрения Э. Моравчик [высказанной в личной беседе]. Основным отличием предлагаемой мною модели является выделение двух

уровней классификации референциальных структур, то есть различие подтипов репрезентативной множественности. В репрезентативном типе референции я предлагаю выделить структурные подтипы, важнейшие из которых, ассоциативный и симилиативный, кажется, не различаются этими исследователями. Такое различие представляется необходимым, так как ассоциативная и симилиативная репрезентативность существенно различаются в функциональном плане.

2. Материал, на котором основано исследование

Настоящая работа базируется на трех типах источников языкового материала: описательные грамматики; устные и электронные сообщения экспертов; проведенная автором работа с носителями.

Полевая работа по сбору языкового материала осуществлялась мною в двух экспедициях МГУ под руководством А.Е. Кибрика в селении Кванада Цумадинского района Дагестана (багвалинский язык, аваро-андийская группа нахско-дагестанских языков) и в экспедиции МГУ под руководством С.Г. Татевосова и К.И. Казенина в поселке Татарский Елтань Чистопольского района Татарстана (мишарский диалект татарского языка). Я также работал с носителями языков пулар-фульфульде (западноатлантический < нигер-конго), сонгай (нило-сахарский), пекинского диалекта китайского языка, грузинского языка.

Дескриптивная база настоящего исследования в значительной мере пересекается с дескриптивной базой проекта «Всемирный атлас языковых структур» (World Atlas of Linguistic Structures), далее ВАЯС, координаторами которого являются Бернад Комри, Давид Гил и Мартин Хаспельмат. Целью проекта является установление ареальных закономерностей на представительной выборке языков мира – типологи, специализирующиеся в различных областях теоретической лингвистики, исследуют значение типологических параметров ряда лингвистических феноменов на выборке из двухсот языков. Задачей автора в рамках проекта ВАЯС является исследование 1) ассоциативности (в соавторстве с Э. Моравчик) и 2) способов выражения множественного числа у личных местоимений. (В диссертации последовательно различены эмпирические данные, собранные самим автором, и данные, собранные Э. Моравчик.)

Основным принципом выборки ВАЯС является ее типологическая репрезентативность – степень генетической и ареальной связности языков выборки выдерживается на определенном уровне, таким образом, чтобы представленность в выборке языков, принадлежащих к одной семье или языковому ареалу была сравнима с представленностью в ней языков, принадлежащих к другим семьям или языковым ареалам. Этот принцип отчасти нарушается в отношении индоевропейских языков Европы (так называемого европейского стандарта), которые представлены несколько полнее, чем языки других семей. Выборка ВАЯС приведена в приложении 1 (1а в генетическом и 1б в алфавитном вариантах). Координаторы ВАЯС предложили участвующим в проекте исследователям библиографию описательных грамматик языков выборки. В случае неудовлетворительности данных описательной грамматики координаторы предложили обращаться с запросами к исследователям, согласившимся участвовать в ВАЯС в качестве экспертов по конкретным языкам.

Благодаря содействию Й. ван дер Ауверы (UIA University of Antwerpen), который предоставил мне возможность работать с собранными в его типологической лаборатории материалами, входящими в библиографию ВАЯС, на настоящий момент я с разной степенью подробности ознакомился с материалом большей части (примерно девять десятых) описательных грамматик библиографии ВАЯС.

К сожалению, даже в случае добросовестного и подробного описания, отсутствие в грамматике информации по ассоциативной множественности не может считаться положительным указанием на отсутствие ее в языке; в ряде случаев о наличии в языке ассоциативности я узнавал лишь из личного сообщения эксперта. Упоминание или неупоминание ассоциативных форм в грамматике языка может обуславливаться различными факторами: наличием традиции описания таких форм в языках этого ареала, их текстовой частотностью и др.

Поэтому в тех случаях, когда в грамматическом описании языка не содержится никаких сведений об ассоциативности, предпочтительно обратиться с вопросом непосредственно к эксперту по этому языку. На настоящий момент наиболее содержательные ответы я получил от Ноэль Рюд (язык нез персе < сахаптинский < пенутийский; США) и Билла МакГрегора (язык гуниянди < бунабан; не пама-ньюнга, Австралия).

В диссертации используются также материалы языков, не вошедших в выборку ВАЯС. Для того, чтобы читатель мог судить о степени типологической репрезентативности того или иного феномена или утверждения, я буду выделять названия языков, входящих в выборку ВАЯС, полужирным шрифтом.

В библиографию исследования внесены только те описательные грамматики, в которых содержатся данные, подтверждающие наличие ассоциативных форм, или информация, релевантная для главы 2 (посвященной местоимениям). Источники библиографии ВАЯС, с которыми я работал, но которые не упоминают ассоциативность, я не включил в библиографию настоящей работы.

3. Ассоциативность в генетической и ареальной перспективах.

3.1. Ассоциативы в выборке ВАЯС

Мне удалось определенно установить наличие ассоциативных форм в следующих языках выборки ВАЯС: **абхазский** [Кумахов], **араона** (таканоан; Южная Америка) [Питман 1980], **бамана** [Выдрин 1997], **баскский** [Кинг 1994], **брахуи** (дравидийский) [Брейс 1909], **букийип** (торичелли; Папуа Новая Гвинея) [Конрад 1991], **бирманский** [Мазо], **вардаман** (гунвингуан; Австралия) [Мерлан 1994], **венгерский** [подборка Э. Моравчик], **гаро** (барик < тибето-бирманский) [Бёрлинг 1991], **чукотский** [Скорик 1961: 153], **грузинский** [работа с информантом], **йидин** (пама-ньюнга) [Диксон 1977], **каях ли** (каренский < тибето-бирманский) [Солнит 1997], **команчи** (нумик < юто-ацтекский < ацтеко-танойский) [Чарни 1993], **конго** (бантоидный) [Бентли 1887], **корейский** [Сон 1994], **кронго** (кадугли < нило-сахарский) [Ре 1985], **китайский** (пекинский) [работа с информантом; также Солнит 1997], **лакский** (нахско-дагестанский) [Жирков 1955: 34], **лезгинский** [Хаспельмат 1993], **лепча** (тибето-бирманский) [Мэйнверинг 1876], **мейтхей** (куки-чин-нага < тибето-бирманский) [Челлиа 1997], **монгольский** [Поппе 1954, стр. 107]; **нивхский** [Панфилов 1962], **рапануи** (океанический) [Дю Фё 1996], **санго** (адамауа-убангийский < нигер-конго) [Самарин 1967], **сонгай** (нило-сахарский) [работа с информантом], **тагальский** [Шахтер, Отанес 1972], **турецкий** [Льюис 1967], **эве** (ква < нигер-конго) [Вестерман

1963], **эвенкийский** [Недялков 1996], **западно-гренландский эскимосский** [Фортескью 1984], **зулу** (бантоидный) [Каноничи 1995], **юкагирский** [Елена Маслова, личное сообщение], **японский** [Хиндс 1986]; всего тридцать восемь языков. Четырнадцать из этих языков фигурируют также в материалах, собранных Э. Моравчик [Моравчик, подборка].

Требует дополнительной проверки и анализа возможное наличие ассоциативности в следующих языках выборки ВАЯС: **гуньянди** (бунабан; Австралия, не пама-ньюнга) [МакГрегор 1990], **карок** (хокан; США) [Брайт 1957], **паумари** (арауанский; Амазония) [Чепмен, Дербишир 1990], **урубубу-каапор** (тупи-гуарани; Амазония) [Какумасу 1986], **санума** (яномамский; Амазония) [Боргман 1990], **дани** (дани-кверба < трансновогвинейский) [Бромлей 1981], **кера** (восточно-чадский) [Эберт 1979].

Согласно данным электронной конференции [Моравчик, подборка] и которые в некоторых случаях также требуют дополнительной проверки, ассоциативность отмечена в следующих языках выборки ВАЯС (привожу здесь только те языки, которые входят в выборку ВАЯС – о других языках см. ниже): **персидский**, **нама** (койсанский), **хауса** (западно-чадский), **суахили**, **кирибате** (ядерный микронезийский), **маори** (океанический).

Языков выборки ВАЯС, наверняка или с большой степенью вероятности не имеющих ассоциативных форм, значительно меньше – **английский**, **французский**, **немецкий**, **новогреческий**, **русский**, **испанский**, **армянский**.

3.2. Ассоциативность за пределами выборки ВАЯС

Среди языков, по моим данным обладающих ассоциативностью, но не входящих в выборку ВАЯС, назову следующие: древнеисландский [Кацнельсон] и африкаанс [ден Бестен 1996; ден Бестен, неопубликованная рукопись] (германские); татарский [работа с информантами], тофаларский [Рассадин 1978: 19], узбекский [Кононов 1960], башкирский [Псянчин 2000] и чувашский [Андреев 1957: 10] (тюркские); адыгейский и кабардинский [Кумахов 1971: 24-25; Коларуссо 1992: 48-49] (абхазо-адыгские); аварский [Алексеев, Атаев 1997], чамалинский [Магомедова 1985] и багвалинский [работа с информантами] (аваро-андийские < нахско-дагестанские); агульский [сообщение Солмаз Мердановой, носительницы хпюкского диалекта], табасаранский [Магометов 1965: стр. 95-96] (лезгинские < нахско-дагестанские); даргинский, в том числе его кубачинский диалект [Магометов 1965: 91] (нахско-дагестанский);

чеченский [Джоанна Николс, в личном сообщении] (нахский < нахско-дагестанский); коми [Лыткин 1976] и марийский [сообщение Елены Калининой] (финно-угорские); корякский, керекский [Жукова 1974] и алюторский [сообщение А.Е. Кибрика и И.А. Муравьевой] (чукотско-камчатские); нанайский и ороцкий [Суник 1982] (тунгусо-маньчжурские); лимбу [ван Дрим 1987: стр. 30] и кулунг [Толсма 1999: стр. 20] (киранти < тибето-бирманские); кантонский китайский [Меттьюз, Йип 1994], невари [Королев 1989] и лаху [Матисофф 1973] (тибето-бирманские); центральный помо (хокан; США) [Митун 1999], апалаи (Амазония), нубийн (нубийский < нило-сахарский) [Вернер 1987], пулар-фульфульде (западно-атлантический) [работа с информантом], догон (гур < нигер-конго) [Плунгян 1995], а также нага-пиджин. Отмечу, что некоторые из этих языков являются близкими родственниками языков выборки ВАЯС, что позволяет с определенной степенью вероятности предполагать наличие ассоциативности и в соответствующих языках выборки; вот эти пары: центральный помо и **юго-восточный помо**, нубийн и **донголезский нубийский**.

Следующие работы характеризуют ассоциативность как черту, распространенную в определенной генетической совокупности языков: [Кумахов 1971] об абхазо-адыгских языках, [Суник 1982] о тунгусо-маньчжурских языках, [Выдрин 1997] о языках манде (нигер-конго).

Кроме того, согласно данным, полученным Э. Моравчик в ходе электронной конференции 1994 года [Моравчик, подборка], ассоциативность отмечена в следующих языках: древненорвежский, фризский и африкаанс [подробнее ден Бестен]; польский и болгарский; саамский; казахский и уйгурский; бенгали; чантал (тибето-бирманский); инупиатун, северно-квебекский эскимосский и центральный юпик (эскимосские); банди, кпелле, лоома и локо (манде < нигер-конго), кхо-кхо (койсанский), ик (куляк; Уганда); ххоса, луганда, отжихереро, сесото, сетсвана, тимбукушу, чивенда (банту); калиспел (салишский); гавайский (океанический); гуринджи (южный пама-ньюнга; Австралия); нганьгитьемерри (не пама-ньюнга); ряд креольских языков, такие как карибские креольские (на базе английского), ямайский креольский, австралийский туземный английский, бербайс голландский креольский, папиаменту (португальский креольский).

Особенно информативны данные, собранные Моравчик для следующих языков: болгарскому [источник Иван Держански], чантал [источник Мики Нунэн], кантонскому

и пекинскому китайскому [источники Даниэль С. Юрафский, Стэфан Меттьюз, Реймонд Танг и другие], ик [источник Фриц Серциско], японскому [многочисленные источники], нганьгитьемерри [источник Ник Рейд].

На основании этих, пока еще неокончательных результатов, которые должны быть уточнены контактами с экспертами проекта ВАЯС (в случае тех грамматик, которые не упоминают об ассоциативности), можно сделать предварительные выводы о генетической и ареальной распространенности ассоциативности.

3.3. Генетическая дистрибуция ассоциативной множественности

Ассоциативность характерна для следующих семей:

Алтайские языки, включая японский и корейский (дополнительная информация должна быть собрана по монгольским языкам, из которых на настоящий момент ассоциативность засвидетельствована только в монгольском).

Нахско-дагестанские, и, шире, северокавказские языки (абхазский, адыгейский, кабардинский, аварский, багвалинский, чамалинский, лезгинский, табасаранский, агульский, даргинский, лакский).

Тибето-бирманские языки; возможно также шире – сино-тибетские языки. (Последнее предположение требует дополнительной проверки: не исключено, что в данном случае имеет место совокупное действие генетических и ареальных факторов).

Чукотско-камчатские языки.

Эскимосские языки (материалами по ассоциативности в алеутском языке я не располагаю).

Генетические обобщения относительно семей других ареалов требуют сбора дополнительной информации.

3.4. Ареальная дистрибуция ассоциативной множественности

Имеющиеся в нашем распоряжении данные также позволяют сделать некоторые ареальные выводы, например, утверждать, что ассоциативность распространена в Восточной Азии, как в ее северной (чукотско-камчатские, юкагирский, нивхский, эскимосские, тунгусо-маньчжурские), так и в южной (тибето-бирманские, алтайские) частях.

Наличие ассоциативности не только в абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языках, но и в грузинском языке позволяет выдвинуть предположение о том, что ассоциативность является ареальной чертой языков Кавказа; это утверждение, однако, требует тщательной проверки. В этом отношении наиболее важным представляется вопрос о наличии ассоциативности в иранских языках Кавказа и в картвельских языках (кроме грузинского), так как обнаружение ассоциативности в тюркских языках Кавказа, например, кумыкском, не доказательно (ассоциативность очевидно может быть признана генетической чертой тюркских языков). В армянском языке ассоциативность не обнаружена.

Отсутствие ассоциативности характерно для языков Западной и отчасти Восточной Европы.

Если предварительная ареальная характеристика распространения ассоциативности в Евразии ясна, то относительно африканских, тихоокеанских, австралийских и америндских семей и ареалов выводы делать преждевременно. По всей вероятности ассоциативность характерна для многих африканских языков, ср. также [Вестерман 1963]. Она также отмечается в некоторых австронезийских языках, в некоторых языках Папуа Новой Гвинеи и в некоторых америндских языках, но степень генетической или ареальной «обязательности» этого признака здесь не ясна.

Следует также отметить, что ассоциативность характерна для креольских языков.

4. Формальная типология ассоциативов

Первый вариант формальной типологии ассоциативов был предложен Э. Моравчик в резюме проведенной ею электронной конференции по ассоциативам [Моравчик 1994]. Предлагаемая мною классификация почти полностью совпадает с формальной типологией Моравчик. Американская исследовательница, однако, ограничилась простой констатацией существования тех или иных типов (возможно, свою роль

сыграли жанровые ограничения резюме электронной конференции). В настоящем разделе я изложу минимально дополненную формальную классификацию и сосредоточусь на обсуждении порождаемых ею проблем.

Представляется необходимым различение двух формальных признаков ассоциативной формы (конструкции).

Первым признаком является природа ассоциативного показателя. Различаются морфологические, аналитические и синтаксические ассоциативы, причем существует, по-видимому, по крайней мере два независимых подтипа синтаксического ассоциатива. Многочисленные примеры морфологического ассоциатива уже упоминались выше (татарский, нивхский и т.д.). Аналитическим ассоциативом (Э. Моравчик не выделяет этот тип) я предлагаю называть сочетание имени с приименным служебным словом, например:

тагальский [Шахтер 1972: 113]

si-na Maria

Art-Pl Мария

‘Мария и другие’

Аналитические ассоциативы отмечаются также в **рапануи** [Дю Фе 1996], возможно, в **суахили** [Моравчик, подборка].

Синтаксические ассоциативы делятся на две группы: ассоциативную структуру референции имеет несочинительная ИГ, состоящая из имени (называющего эксплицированный референт) и местоимения множественного числа или имени с групповой семантикой:

китайский (пекинский) [подборка Моравчик; также Солнит 1997]

John ta-men

Джон он-Pl

‘Джон и другие’

Такие ассоциативы отмечаются также в **кобоне** (транс-новогвинейский) [Дейвис 1981], многочисленных креольских [Моравчик, подборка]; подробнее об этом типе см. ниже.

Иная синтаксическая ассоциативная конструкция засвидетельствована в мальтийском диалекте арабского языка, где ассоциативную интерпретацию получает морфологически сингулярная ИГ, контролирующая глагольное согласование по множественному числу [подборка Моравчик].

Другим важнейшим основанием для формальной классификации ассоциативов является разграничение таких средств, употребление которых обязательно приводит к ассоциативной интерпретации формы, и таких средств, которые отмечаются также в ИГ с не ассоциативной структурой референции. Приведенные выше формы языка **брахуи**, выражающие значение ‘X и его группа’, содержат показатель *-ghask*; все формы с этим показателем являются ассоциативами. В то же время, тюркские ассоциативные формы образуются с помощью показателя аддитивной множественности (татарский показатель *-lar ~ -ler*); тот же показатель используется и в форме *kitap-lar* (книга-Pl) ‘книги’, не являющейся ассоциативом. Таким образом, ассоциативные средства можно разделить на собственно средства кодирования ассоциативной референции (собственно ассоциативные показатели, dedicated associative markers – слово *dedicated* в этом смысле предложили использовать Людо Лежен и Йохан ван дер Аувера) и средства, употребление которых при определенных условиях порождает ассоциативную интерпретацию ИГ (несобственно ассоциативные показатели, non-dedicated associative marker).

Для всех языков с ассоциативностью последнего типа встают вопросы (1) о дистрибуции ассоциативной интерпретации показателя или конструкции (при каких условиях выбирается ассоциативная, а при каких – неассоциативная интерпретация), (2) можно ли постулировать между ассоциативной и неассоциативной интерпретацией показателя отношения производности и если да, то (3) в какую сторону они направлены.

Ниже я перечислю основные типы обнаруживаемых ассоциативов и охарактеризую их с точки зрения предлагаемых оснований классификации.

4.1. Морфологические ассоциативы

(а) Показатель ассоциативной множественности носит морфологический характер и совпадает с показателем аддитивной множественности (например, **нивхский** *Xevgun-gu* ‘Хевгун и его группа’, букв. ‘Хевгун’-Pl). Данный тип, несомненно, является наиболее распространенным в языках мира. Он отмечен в узбекском, татарском, **турецком**, тофаларском, чувашском и башкирском (тюркские); кабардинском (абхазо-адыгский); агульском (лезгинский < нахско-дагестанский); аварском и багвалинском (аваро-андийские < нахско-дагестанские); чукотско-камчатских; коми и марийском

(прибалтийско-финские); удэгейском и маньчжурском (тунгусо-маньчжурские языки); **монгольском; корейском; японском;** многих тибето-бирманских; пулар-фульфульде (западно-атлантический < нигер-конго); **сонгай** (нило-сахарский) и многих других языках. Дистрибуция ассоциативной интерпретации различна в разных языках. Так, татарские информанты признавали равнодопустимыми две интерпретации формы *Ahmet-ler* – ‘Ахмет и его группа’ или ‘несколько людей по имени Ахмет’. В то же время, в багвалинском языке показатель *-āri* при каждой отдельно взятой лексеме имеет определенную интерпретацию, либо ассоциативную (*saʕit-āri* ‘Саид и его семья’), либо аддитивную (*ʕurus-āri* ‘русские’). Общим для большинства таких языков, однако, является следующее свойство лексической дистрибуции ассоциативной интерпретации: ассоциативная интерпретация появляется при оформлении показателем аддитивной множественности имен собственных, часто также некоторых имен родства, в то время как ассоциативная интерпретация оформленных тем же показателем имен личных нарицательных крайне редка (полностью достоверных случаев вообще нет!) Ниже (раздел 9) я подробно обсуждаю проблему этой дистрибуции; сейчас отмечу только, что исходной функцией таких показателей я считаю выражение значения аддитивной множественности; ассоциативность я считаю вторичной функцией. Тем самым, в таких случаях я буду говорить об ассоциативной интерпретации форм аддитивной множественности.

Говоря об этом типе ассоциативных конструкций, следует специально оговорить, что ассоциатив может (но конечно, не должен) тяготеть к конкретному семантическому типу форм аддитивной множественности – а именно, к коллективности. Так, Десмонд Дербишир [в переписке с Э. Моравчик] подчеркивает, что в языке **хишкарьяна** (карибский) показатель *-koto*, используемый в форме ассоциатива, имеет значение коллективной множественности; тот же коллективный характер семантики показателей множественности подчеркивает и ван Дрим для описываемого им языка лимбу (киранти < тибето-бирманский) [ван Дрим 1987: 30]. Такое сближение представляется вполне естественным – действительно, ассоциативность, как она была определена выше, опирается на группообразующие отношения внутри обозначаемого множества объектов, и указание на эти же отношения входят собственно в само значение показателей коллективной множественности.

(б) Формы ассоциатива имеют уникальный морфологический показатель; все формы с этим показателем имеют ассоциативную структуру референции (например, вышеупомянутая форма дравидийского языка **брахуи** *lumma-ghask* (мать-Ass) ‘Мать и ее группа’ [Брейс 1909: 41]). Ассоциативы этого типа отмечаются в **эвенкийском**, эвенском, нанайском и ороцком (тунгусо-маньчжурские) [Недялков 1996; Суник 1982]; **абхазском** (абхазо-адыгский) [Хьюит 1979]; табасаранском [Магометов 1965: 95-96], даргинском [Талибов 1985] и чамалинском [Магомедова 1985] (нахско-дагестанские); **конго** (бантоидный) [Бентли 1887], в диалектах **турецкого** [Льюис 1967: 65], в языке **лепча** (тибето-бирманский) [Мэйнваринг 1876].

(в) Важным формальным типом ассоциатива, в определенном смысле связанным с описанным выше типом (б) и описываемым ниже типом (г) и вероятно поэтому не оговариваемым Э. Моравчик, являются такие ассоциативные формы, в составе которых можно выделить показатель аддитивной множественности в комбинации со специальным показателем ассоциативности, например, науканско-эскимосское *Parí-nku-t* (Пари-Assoc-Pl) ‘Пари и его семья, его люди’ [Меновщиков 1975: 73]. На ассоциативность этого типа в юпике (эскимосский) впервые обращает внимание статья [Корбетт, Митун 1996]. Корбетт и Митун анализируют показатель *-nku* как сложный показатель, состоящий из собственно показателя ассоциативности *-nku-* и показателя множественного числа *-t* (например, *ju-t* ‘мужчины’).

Очевидно, существует два способа анализа таких форм. Во-первых, можно выделять в составе формы показатель множественности и говорить о комбинации показателя ассоциативности и показателя множественного числа; во-вторых, можно считать, что в форме выделяется единый показатель ассоциативности (и тем самым относить форму к типу (б)). В случае юпика языка Корбетт и Митун выдвигают в пользу первого анализа дополнительный аргумент – существует форма ассоциативной двойственности, которая, в составе которой можно выделить все тот же показатель ассоциативности *-nku-* и показатель двойственного числа *-k*. С другой стороны, уже языке науканских эскимосов этот аргумент ослаблен. Форма *Parí-nku(-)k*, аналогичная форме ассоциативной двойственности в юпике, существует и здесь, но она выступает только в сочинительных контекстах типа *Máša-nkú(-)k Parí-nku(-)k* ‘Маша и Пари’ [Меновщиков 1975: 74] и самостоятельного употребления не имеет. Несомненно тесная связь комитативного употребления с семантикой ассоциативности – для науканских

форм ассоциативной множественности отмечаются комитативные употребления, а формы ассоциативной двойственности в юпике имеют в том числе и комитативные употребления [Корбетт, Митун 1996], одновременно ассоциативные и комитативные употребления имеет также форма двойственного числа в санскрите ([Дельбрюк 1893; Рукайзер 1997]; см. также главу 3). Можно, например, предположить диахроническое развитие науканской ассоциативной формы на *-nku(-)k* в исключительно комитативный показатель. Это не отменяет, однако, положения об ослабленности синхронной связи показателя *-nku(-)k* с показателем ассоциативной множественности *-nku(-)t* в языке науканских эскимосов по сравнению с аналогичными показателями в языке юпик, что отчасти ослабляет аргументацию в пользу синхронного выделения в этом показателе двух компонентов.

Еще более спорный характер носит морфологический анализ форм ассоциативной множественности в тех языках, где категория двойственного числа отсутствует. Так, **венгерская** форма *Péter-ék* [сообщение Э. Моравчик] или **лезгинская** форма *Ali-dbur* [Талибов 1985; Хаспельмат 1993] вне всякого сомнения содержат формант множественного числа (*-k* для венгерского, *-r* для лезгинского), однако выделение особых ассоциативных показателей *-é-* или *-dbu-*, соответственно, не поддерживается дополнительными данными. Исторически более чем вероятно, что обе формы восходят к плюрализованному посессиву (ср. тип (г) ниже), однако синхронно такой анализ не вполне удовлетворителен в случае венгерского (притяжательный показатель *-é-*, существующий в современном венгерском, сочетается не с показателем *-k*, а с другим показателем множественного числа *-i* [Моравчик, личное сообщение]) и невозможен в случае лезгинского (показатель *-dbu-*, или, если признать *-d-* показателем косвенной основы, показатель *-bu-* в современном лезгинском не существует [Хаспельмат 1993]). Поэтому исследователи либо вообще не выделяют в таких формах показатель множественного числа и показатель ассоциативности, либо считают выделение или невыделение этих показателей предметом личного предпочтения. Отмечу, что попытки сближения «ассоциативного форманта» в случае **венгерского** или **лезгинского** с другими показателями выводят нас из типа (в) в тип (г) (см. ниже).

В ряде исследований и дескриптивных грамматик языков, обладающих ассоциативными формами, в которых обнаруживается формант множественного числа, выделение этого форманта даже не обсуждается и форма трактуется как содержащая

специальный показатель ассоциативности (то есть принадлежащая к типу (б)) – см., например, данные табасаранского языка в [Магомедов 1965: 95-96].

(г) Форма ассоциатива материально совпадает с формой множественного числа посессива; например, **грузинская** форма *Giorgi-an-ebi* ‘Георгий и его семья’. Кроме грузинского, формы этой структуры существуют также в болгарском [Моравчик, подборка; Маслов 1956: 72], польском [Моравчик, подборка]. С несколько меньшими основаниями можно говорить о посессивном характере ассоциативных форм в **венгерском** [Моравчик, подборка; Моравчик, в печати]. Ассоциативы этого типа я буду называть посессивными ассоциативами.

В принципе, можно было бы считать, что в таких случаях в роли ассоциатива выступает собственно посессив и приписывать посессивному показателю вторичную функцию кодирования ассоциативной референции. Этому мешает, однако, то, что форма X-Ass-Pl включает референт собственно основы формы X, что для формы X-Poss-Pl невозможно (‘относящиеся к X’ не могут включать самого X-а).

Несомненно, существует альтернативное описание таких форм. Можно считать, что посессивы в подобных языках обладают «особым свойством» включать в свою референцию самого посессора. Но если мы отождествим в болгарской форме *Мари-ин-и* в значении ‘Мария и ее семья’ показатель *-ин-* с показателем посессива *-ин-* в той же форме *Мари-ин-и* в значении ‘имеющие отношение к Марии’, то значение ассоциативности, которое в данном случае сводится к способности формы включать референт основы *Мари-*, должно приписываться показателю множественного числа *-и*, так как формы единственного числа *Мари-ин* и *Мари-ин-а* не могут быть референтны на Марию. В таком случае основа формы *Мари-ин-и*, а именно *Мари-ин-*, оказывается лексически референтной на все элементы обозначаемой совокупности, кроме доминанты (самой Марии), на которую она референтна грамматически. В то же время основа обычной формы ассоциативной множественности, описанной в типе (а), наоборот, лексически референтна только на доминанту совокупности, и грамматически – на все остальные элементы совокупности. Иными словами, если мы признаем идентичность показателя, употребляемого в форме с семантикой ‘X и его семья’, притяжательному показателю, употребляемому в формах посессива, оказывается, что мы не можем признать эту форму собственно ассоциативной (хотя функционально она несомненно тождественна ассоциативам родства).

Еще одним аргументом в пользу синхронного разграничения посессивных ассоциативов и плюрализованных посессивов является несовпадение их семантических и синтаксических свойств. Действительно, прототипический посессив занимает атрибутивную позицию, причем значение посессивности интерпретируется у атрибутивных посессивов широко – например, включает отношения обладания (например, *Петин букварь*). С другой стороны, описываемые выше посессивные ассоциативы не могут употребляться атрибутивно, причем значение посессивности у них ограничено обозначением родства.

Если учесть при этом, что собственно посессив в большинстве языков может употребляться субстантивно и обозначать отношения родства, станет более чем вероятной гипотеза о развитии посессивных ассоциативов из посессивов путем сужения их синтаксических (атрибутивное употребление + субстантивированное употребление → только субстантивированное употребление) и семантических (различные значения зоны посессивности [в том числе, отношение родства] → только отношение родства) возможностей. Ниже предлагается вероятная диахроническая модель такого развития.

Начну с того, что приведу несколько примеров. **Грузинский** суффикс *-an(i)-*, употребляемых в формах типа *Giorgi-an-ebi*, носит очевидно посессивный характер. В современном грузинском языке он выходит из употребления, сохраняя лишь часть своего узуса (например, избыточно при притяжательных формах личных местоимений или при именах собственных с определенными коннотациями) [предварительные результаты работы с информантом]. **Венгерский** суффикс *-é-*, который можно выделить в ассоциативных формах типа *Péterék* (от имени собственного *Péter*), имеет несомненно посессивную историю – в современном венгерском языке тот же суффикс употребляется в формах посессива. Суффикс посессива *-é-* и сегмент *-é-* ассоциативной формы различаются сочетаемостью – посессивный суффикс сочетается с суффиксом множественного числа посессивного склонения *-i*, в то время как показателем множественного числа в форме *Péterék* является субстантивный суффикс множественного числа *-k* [Моравчик, личное сообщение]. Сегменты *-ов-* и *-ин-* в болгарских мужских и женских ассоциативных формах *Стоянови* ‘Стоян и его семья’ и *Мариини* ‘Мария и ее семья’ совпадают с мужским и женским посессивными показателями *-ов-* и *-ин-*, соответственно [Маслов 1956]. Несомненно посессивное происхождение имеет сегмент *-ow-* в польских формах типа *Adamowie* ‘Адам и его

семья' (ситуация, однако, осложнена существованием субстантивного показателя множественности *-owie*, так что форму *Adamowie* теоретически можно было бы отнести и типу (а)). Посессивное происхождение сегмента *-dbu-* остается гипотезой (вероятно, < d_{Obl}-bu_{Poss}, см. [Хаспельмат 1993]).

Ключевым моментом развития формы множественного числа посессива в форму ассоциатива можно считать включение посессора в референцию субстантивированной формы множественного числа посессива (ср. русский разговорный субстантивированный посессив *Машины* 'члены семьи Машки', не могущий включать в свою референцию посессора, с болгарской формой *Мариини* 'Мария и ее семья'). Доступный нам материал позволяет, однако, предположить существование некоторых других важных этапов грамматикализации, связанных с закреплением за субстантивированным посессивом обозначения родства. В качестве рабочей гипотезы я предлагаю следующие стадии грамматикализации посессива:

Собственно посессив (например, **английский** посессив на *-'s*). Форма посессива X-Poss служит приименным атрибутом существительного, обозначающего ассоциированный с референтом X объект, например, *John's place*; форма множественного числа посессива X-Poss-Pl служит приименным атрибутом существительного, обозначающего совокупность объектов, ассоциированных с референтом X, например, *John's eyes* 'глаза Джона' (в частном случае – совокупность лиц, ассоциированных с референтом X, например, *John's folks* 'родители Джона').

Посессив субстантивируется в значении 'родственник(и) X-а' (например, **русский** посессив на *-ин* или украинский посессив на *-ів/-ов*). В русском разговорном языке обозначение родства выделяется в качестве особой сферы посессивности – субстантивированные употребления посессивов обозначают только родственников X-а (употребление характерно в первую очередь для разговорной речи):

Петькина-то как вырядилась! (о жене)

Машкины все в гвардии. (о сыновьях)

Васькины с югов приехали на неделю раньше, а его дома нет трети сутки (о жене и детях)

(Аналогичную семантику имеют субстантивированные притяжательные местоимения первых двух лиц *мой, твой, наш, ваш*.) Именная группа, состоящая из посессива на *-ин*

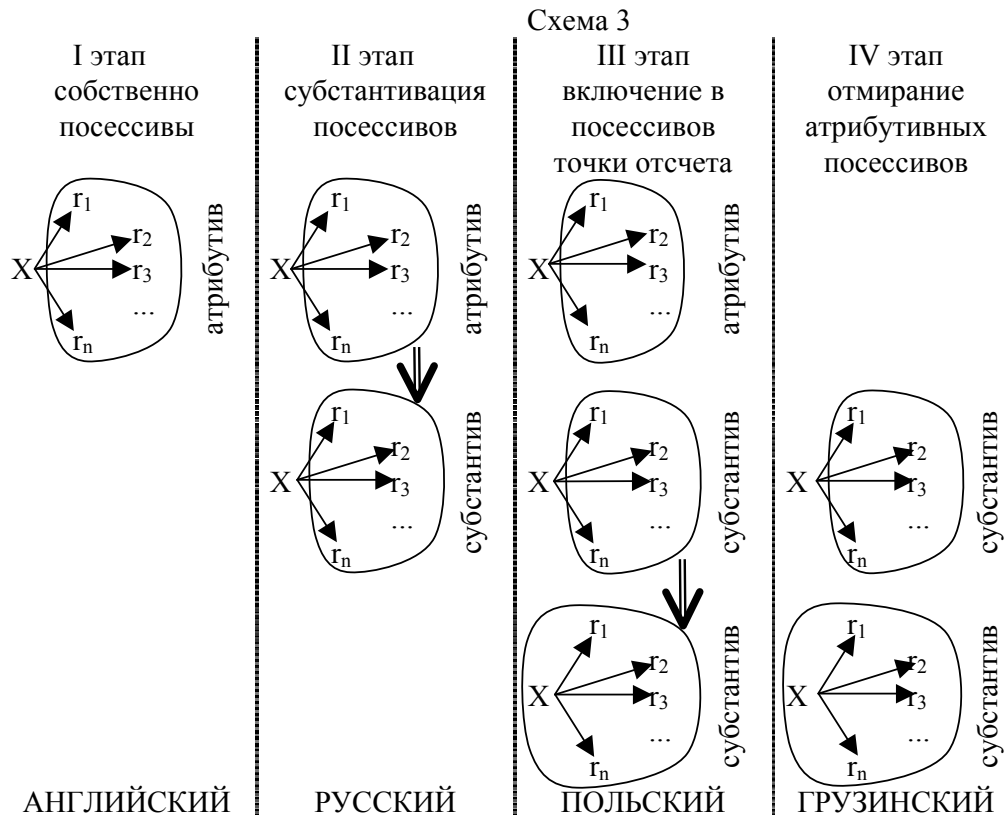
с отсутствующей вершиной, может быть понята иначе, чем ‘родственник X-а’, только если такая референция навязывается контекстом; такие употребления естественно считать эллиптическими. Например:

- Как компьютеры? – Мишин сломался, а мой вот пока работает.

Посессив в функции ассоциатива (болгарские посессивы на *-ови*, *-ини*; польский посессив на *-owie*). Функции посессива в целом аналогичны функциям, описанным выше для русского языка, за важным исключением – референция субстантивированной формы X-Poss-Pl в значении ‘члены семьи X-а’ может включать самого X-а. Форма с такой семантикой более не может считаться собственно посессивной, так как сам X не может описываться единственным числом посессива X-Poss. Именно это свойство позволяет говорить об переходе посессива в ассоциатив.

Бывший посессив постепенно утрачивает посессивные функции и становится собственно ассоциативом. Здесь в качестве примера можно привести **грузинские** формы на *-anebi* и **венгерские** формы на *-ék*. Грузинские посессивы на *-ani* в некоторых специальных условиях еще употребительны, хотя их использование в современном грузинском значительно сузилось. Венгерские же формы на *-ék*, хотя и содержат притяжательный компонент *-é-*, не могут быть интерпретированы собственно посессивно. В этой связи интересно, что грузинская форма *Giorgi-an-ebi* ‘Георгий и его семья’ значительно легче допускает интерпретацию ‘семья Георгия (без самого Георгия)’, чем венгерская форма *Péterék* – интерпретацию ‘семья Петера (без самого Петера)’, что может считаться указанием на их относительную дистанцию от их диахронического источника – формы множественного числа посессива (см. ниже раздел 7.2). Если гипотеза о посессивном происхождении **лезгинского** показатель *-dbu-* верна, он является примером дальнейшего отдаления ассоциатива от плюрализованного посессива.

Предположительные этапы развития посессива в ассоциатив отражены в следующей схеме:



Следует признать, что в случае **грузинского** и **венгерского** языков можно предлагать два морфологических анализа формы ассоциатива. С одной стороны, можно считать что *-anebi* и *-ek* синхронно не членимы – действительно, сегменты *-an-* и *-e-* уже могут как отождествляться, так и не отождествляться с посессивными показателями – есть аргументы в пользу и против их выделения. С другой стороны, сегменты *-ebi* и *-k* легко отождествляются с показателями множественного числа; поскольку при этом ассоциативность подразумевает множественность, выделение показателя множественности семантически также вполне естественно. В связи с этим на настоящем этапе исследования мне представляются равно приемлемыми оба способа разбиения - *-é-k* Ass-Pl или *-ék* ASS.

4.2. Аналитические ассоциативы

Материалов по этому типу ассоциативов в моем распоряжении крайне мало. В пределах выборки ВАЯС мне встретилось два языка, в которых ассоциативная референция имени связана с употреблением приименного служебного слова. Это австронезийские **тагальский** язык (филиппинский) и язык **рапануи** (океанический)

[Шахтер, Отанес 1972: 113; Дю Фе 1996], а также кабардинский и адыгейский языки (абхазо-адыгские) [Кумахов 1971: 25]. (В адыгском языке встречаются два типа ассоциативов – см. 4.1). Кроме того, ассоциативность этого типа, по данным Э. Моравчик [Моравчик, подборка], отмечается в **маори** (также океанический).

тагальский

si-na Maria

ArtPers-Pl Мария

‘Мария и другие’

рапануи

kuá Nua

Ass Имя.Собственное

‘Нуа и ее группа’

кабардинский

Sofjat sume

Софият Ass

‘Софият и другие’

Кабардинский показатель *sume* употребляется лишь в сочетании с именами собственными (пишется отдельно) и всегда выражает ассоциативное значение. Грамматика **рапануи** определяет показатель *kuá* как специальный маркер множественности со значением ‘X и его группа, не менее трех человек’, поэтому я также глоссировала его как Ass. **Тагальская** форма *sina* соотносится с личным артиклем *si*, используемым при именах собственных (*-na* – показатель множественного числа), поэтому я глоссировала форму *si-na* как ArtPers-Pl. Несмотря на это, сама форма *sina*, сопровождающая имена собственные, по-видимому всегда определяет ассоциативную интерпретацию ИГ, и поэтому может считаться собственно ассоциативным аналитическим показателем.

Обращает на себя внимание то, что три из четырех языков являются австронезийскими; это делает перспективным поиск в этой семье других случаев аналитической ассоциативности.

4.3. Синтаксические ассоциативы

Синтаксические ассоциативы подразделяются на три независимых группы, причем в первой группе (а) выделяются два варианта (а1) и (а2):

(а1) Ассоциатив выражается синтаксической конструкцией Имя + местоимение множественного числа (порядок не существен).

пекинский китайский [Моравчик, подборка; Солнит 1997]

Rénzi tamen

Жень-цзы они

‘Жень-цзы и другие’

хауса [Моравчик, подборка]

su Audu

они Ауду

‘Ауду и его спутники’

Ассоциативы этого типа обнаруживаются также в древнеисландском [Кацнельсон 1949], бенгали (индоиранский) [Моравчик, подборка], **эве** (ква < нигер-конго), йоруба (дефоид < нигер-конго), нама (кхо-кхо) (койсанский), малайский (австронезийский) [ден Бестен, в печати], а также в многочисленных креольских языках и пиджинах [ден Бестен, в печати; Моравчик, подборка]. С некоторыми оговорками существование таких ассоциативов следует признать также в африкаанс [ден Бестен, в печати].

(а2) Ассоциатив выражается синтаксической конструкцией Имя + существительное с коллективной семантикой

пекинский китайский [работа с информантом]

Rénzi yǐhuo

Жень-цзы люди

‘Жень-цзы и другие’

английский пиджин австралийских аборигенов [Моравчик, подборка]

Bill mob

Билл группа

‘Билл и его группа’

Ассоциативы этого типа засвидетельствованы также в гавайском креольском английском, гавайском английском пиджине [Моравчик, подборка].

Синтаксические конструкции, описанные в (a1) и (a2), проблематичны в следующем отношении. Выше я определил ассоциативность как подтип репрезентативности, а определяющим признаком репрезентативности является лексическая референция к одному из членов группы при отсутствии лексической референции к остальным членам группы. С другой стороны, в примерах на типы (a1) и (a2) используется местоимение множественного числа и существительное с групповой семантикой, соответственно. Таким образом, рассматриваемые конструкции теоретически можно было бы отождествить, например, с заведомо нерепрезентативной (а значит и не ассоциативной) конструкцией *them and Pete*, где референция ко всем членам группы выражена лексически – к одному из членов обозначаемой совокупности именем собственным, к остальным – местоимением.

Чтобы доказать, что конструкции обсуждаемого типа действительно имеют репрезентативную структуру референции, мы должны показать, что употребление местоимений в данном случае носит не лексический, а грамматический характер, то есть что местоимение в конструкциях этого типа грамматикализованы. Существует несколько возможных аргументов в пользу тезиса о грамматикализованности таких местоимений:

1) Фонетическое сращение. В некоторых из перечисленных языков сращение местоимения с основой сопровождается характерными фонетическими изменениями (так называемое опрошение), свидетельствующими о клитизации местоимения. Китайское местоимение *tāmen* ‘они’ в ассоциативной конструкции теряет тон основы, и весь сегмент принимает нейтральный тон [Моравчик, подборка]. Другим примером опрошения является бенгали ассоциатив [Моравчик, подборка] *Smith-ra* ‘Смит и компания’ < *Smith ora* с тем же значением, где исходная конструкция характеризуется лишь отсутствием сочинительного маркера между именем собственным и местоимением *ora* ‘они’, а в дальнейшем местоимение фонетически сращивается с основой.

2) Синтаксическое сращение. Если бессоюзное сочинение не характерно для рассматриваемого языка, отсутствие сочинительного союза оказывается важным

аргументом в пользу признания грамматикализованного статуса местоимения (или коллективного имени). Отсутствие сочинительного союза (ср. англ. *them and Pete* и карибский креольский английский) говорит о том, что связь между именной лексемой и местоимением в данном случае теснее, чем при сочинении, а значит усложняется и вопрос о характере референции.

в) Референциальное сращение. Семантически сращивание местоимения с основой проявляется в эффекте «референциального поглощения»: включения референции имени в референцию местоимения множественного числа. Действительно, конструкция *X tamen* может быть референтна на группу из двух человек, в то время как в независимом употреблении местоимение *tamen* уже само по себе референтно на множество, состоящее как минимум из двух элементов. Следует подчеркнуть, что референциальное поглощение может и не сопровождаться формальным сращением и, тем самым, не является само по себе признаком грамматикализации местоимения: ср. ниже материал главы 3 о русских конструкциях с поглощением референта, например, *мы_{i,j} с тобой_i* [вдвоем].

В отдельных случаях возникают дополнительные аргументы в пользу тезиса о грамматикализованном характере местоимений (или коллективных имен). В языке **каях ли** (каренский < тибето-бирманский) ассоциативность выражается личным местоимением множественного числа второго, а не первого лица [Солнит 1997]. В данном случае грамматический характер употребления местоимения очевиден, так как его значение в автономном употреблении существенно отличается от значения, которое он выражает в рассматриваемой конструкции.

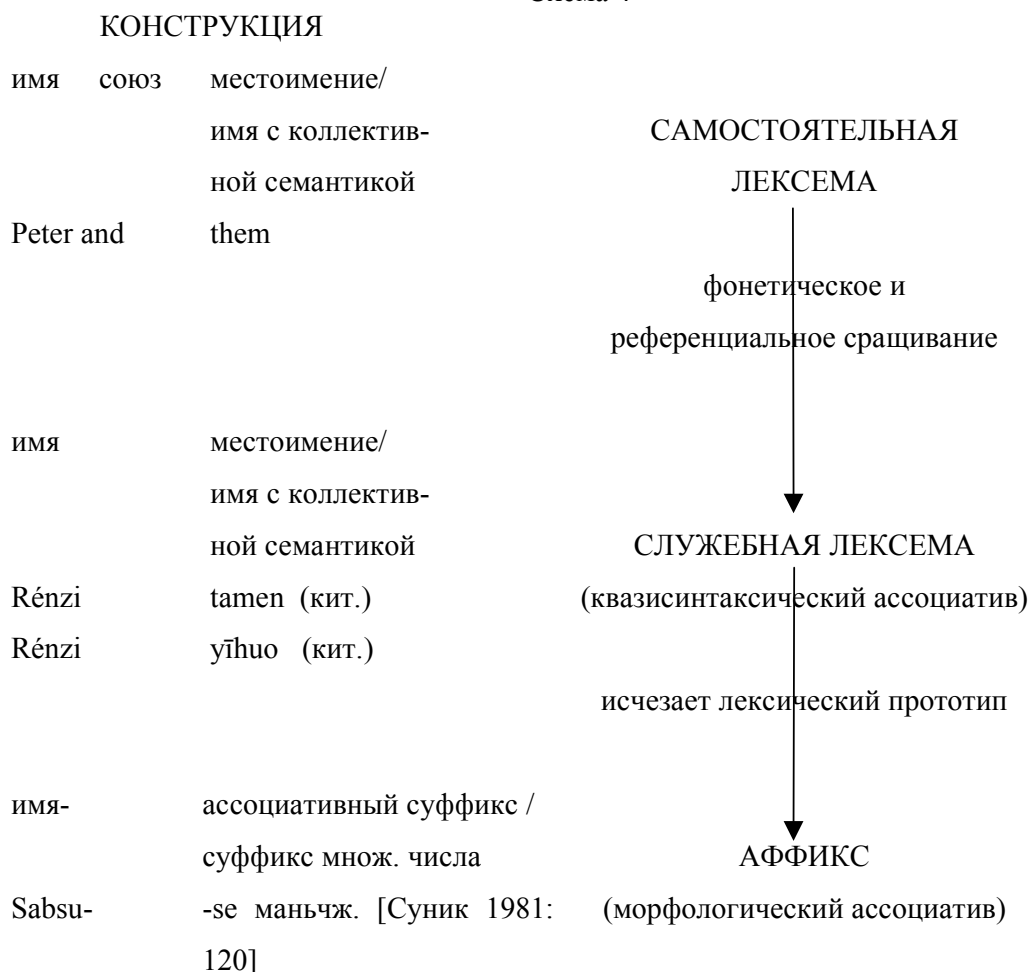
Грамматикализация местоимения может выражаться в закреплении за местоимением в приименной позиции определенной грамматической формы – например, форма африкаанс *pa-hulle* (отец-III.Pl.Асс) содержит формант *-hulle*, совпадающий с формой аккузатива местоимения третьего лица множественного числа. Аккузативная форма местоимения, однако, не отражает в этом контексте никаких аргументных или иных значений, и поэтому может считаться признаком грамматикализации местоимения в ассоциативной функции.

Я не располагаю прямыми свидетельствами фонетического сращивания коллективного существительного и основы. С другой стороны, гипотезы о происхождении суффиксальных показателей множественного числа из имен с коллективной

семантикой выдвигались для многих языков, причем в ряде случаев эти же показатели выражают ассоциативность - см. например [Суник 1981], - так что естественно предположить для истории таких языков фазу, которая характеризовалась бы частичной лексической самостоятельностью ассоциативного показателя (существование самостоятельной лексемы, материально близкой к служебному слову) при элементах фонетического сращения этого показателя с основой.

Вообще, легко заметить, что типы (a1) и (a2) занимают промежуточную позицию между неассоциативным сочетанием двух самостоятельных субстантивных лексем и морфологической ассоциативностью или аналитической ассоциативностью и поэтому лишь условно могут считаться синтаксическими. Переход в сферу ассоциативности связан с утратой лексического прототипа и фонетическим опрощением показателя (а в случае типа (a1) также со стиранием словораздела), то есть как раз с утратой ими синтаксической самостоятельности. Таким образом, эти конструкции являются ассоциативными лишь постольку (и в той мере), поскольку они не являются синтаксическими. Поэтому я буду называть такие конструкции квазисинтаксическими ассоциативами. Предположительные этапы грамматикализации полноценных синтаксических оборотов в морфологические и аналитические ассоциативы через квазисинтаксические ассоциативы отражены на следующей схеме:

Схема 4



(б) Синтаксический ассоциатив представляет из себя сочетание имени с сочинительным союзом в отсутствие второго сочиняемого члена:

баскский [Аскуэ 1906; Кинг 1994]

Jonek eta

Хуан и

‘Хуан и другие’

Этот же способ выражения ассоциативности засвидетельствован в **йидине** и дирбале (пама-ньюнга; Австралия) [Диксон 1972; Диксон 1977]. На первый взгляд, нет никаких сомнений в первичности сочинительной функции показателей, в таких контекстах приобретающих функции ассоциативных маркеров. Выясняется, однако, что и с этим типом ассоциативов связана проблема интерпретационного плана.

Оказывается, что во многих языках ассоциативные показатели используются в сочинительных конструкциях. Так, санскритская лексическая форма ассоциативной двойственности *Mitr-ā* (букв. ‘Митра’-Du), в собственно ассоциативном употреблении означающая ‘Митра и Варуна’ (см. ниже раздел 6.2), используется также в сочинительных контекстах *Mitr-ā Varuna* (букв. ‘Митра’-Du ‘Варуна’) и *Mitr-ā Varun-ā* (букв. ‘Митра’-Du ‘Варуна’-Du); обе конструкции, как и сама исходная ассоциативная форма, означают ‘Митра и Варуна’. Связывая эти формулы с ассоциативностью, можно предложить для них толкования ‘Митра и еще один бог, а именно Варуна’ (для ‘Митра’-Du ‘Варуна’) и ‘Митра и еще один бог, Варуна и еще один бог, эти два бога’ (для ‘Митра’-Du ‘Варуна’-Du).

Выше (см. раздел 4.1) уже обсуждалось использование ассоциативной формы в юпике в конструкции, аналогичной второй санскритской конструкции (Имя-Ass-Du Имя-Ass-Du) [Корбетт, Митун 1996; Фортескью 1984]; в языке науканских эскимосов форма, формально содержащая показатель ассоциативности и показатель двойственного числа, может быть использована только в таких сочинительных контекстах [Меновщиков 1975: 74]. Сходные употребления формы двойственного числа засвидетельствованы во многих финно-угорских языках, например, в хантыйском (обско-угорский); подробнее см. [Кузнецова 1998].

Таким образом, оказывается, что показатель множественного (в первую очередь, двойственного) числа в ряде языков используется для оформления сочиняемого имени и что такая функция может быть соотнесена с ассоциативной референцией формы. Таким образом, первоначальное предположение о единственно возможном направлении производности функций показателей сочинения и ассоциативности в **баскском**, **дирбале** и **йидине** должно быть более тщательно проанализировано.

Так, в языках **дирбал** и **йидин** зафиксированы фактически те же конструкции, что и в санскрите; ср. употребление показателя *-ba* в йидине *yīṇu buṇa:-ba* ‘эта женщина и кто-то еще’ и *waguḍa-ba buṇa:-ba* ‘мужчина и женщина’ (при обсуждении этих примеров Диксон дает толкования, совпадающие с приведенными выше для санскрита). При этом следует отметить, что использование аффикса *-ba* при сочинении личных имен существительных обязательно [Диксон 1977: 145-146]. Вопрос о том, какая из двух функций показателя в таких случаях первична, а какая – вторична, в общем виде остается для меня открытым. Возможно, одним из аргументов в пользу

того или иного решения можно считать сравнительную частотность этих функций в тексте. С этой точки зрения санскритский и юпик показатели являются несомненно показателями двойственного числа, а **баскский** показатель *eta*, по всей видимости, показателем сочинения. Статус аналогичных показателей в йидине и дирбале требует дальнейшего исследования. Наиболее проблематичным остается хантыйский показатель двойственного числа, который употребляется либо в значении аддитивной двойственности, либо в сочинительной конструкции (Имя-Du Имя-Du) и в функции ассоциативной двойственности вообще не засвидетельствован. (См. также главу 3).

(в) Третий и последний известный мне способ синтаксического выражения ассоциативности – сочетание имени в единственном числе с формой глагола, согласованной по множественному числу. Такая ассоциативная конструкция отмечается в мальтийском арабском, болгарском [Моравчик, подборка] и, по данным Г. Корбетта, в русских диалектах [лекции на типологической школе в Майнце]: болгарский [Моравчик, подборка – источник Иван Держански; согласно его свидетельству, для болгарского данная конструкция периферийна]

Иван кога пристигнаха?

Иван когда приехали

‘Когда приехали Иван с компанией?’

5. Семантическая типология ассоциативов

По грамматическим описаниям ассоциативных форм далеко не всегда можно четко определить характер кодируемых ими группообразующих отношений, то есть отношений, связывающих ассоциированные референты с фокусным референтом, и, возможно, между собой. Довольно часто грамматики ограничиваются формулировкой ‘X and his associates’, которая, подобно русскому ‘X и его группа’, не дает никакой информации о содержании таких отношений. На основании собранных мною по нескольким языкам данным, а также отчасти на основании косвенных указаний описательных грамматик, можно составить следующий список возможных интерпретаций ассоциативных форм: ‘X и его семья’, ‘X и его близкие’, ‘X и те, кто живет там же, где живет X’, ‘X и его друзья’, ‘X и его единомышленники’, ‘X и его

спутники’. Этот список, вероятно не исчерпывающий, может служить отправной точкой в настоящей работе.

(Любопытная типология значений ассоциативных форм в башкирском языке проведена в работе [Псянчин 2000]. На материале анализа текстов автор выделяет следующие значения: ‘X и его семья’, ‘X и его единомышленники’ (для обозначений политических движений), ‘X и его коллеги’, ‘X и его возрастная группа’. К сожалению, в автореферате не приводятся примеры на два последних семантических варианта ассоциативной формы.)

Конечно, нельзя быть уверенным в том, что выделенные значения представляют собственно языковые категории ассоциативности. Это те толкования, которые были предложены носителями или описательными грамматиками в качестве возможных интерпретаций ассоциативных форм.

Для изучения категоризации группообразующих отношений в языках мира следует установить, как организовано это множество значений – то есть какие из значений могут / должны кодироваться совмещенно, одной и той же формой; какие значения наоборот, могут / должны кодироваться отдельно; и выяснить, существуют ли какие-то признаки, преобразующие это множество в упорядоченное пространство значений. На настоящем этапе исследования ассоциативов мои результаты могут иметь лишь предварительный характер; мне кажется, однако, что высказанные ниже гипотезы обладают по меньшей мере типологически правдоподобны.

5.1. Ассоциативы родства

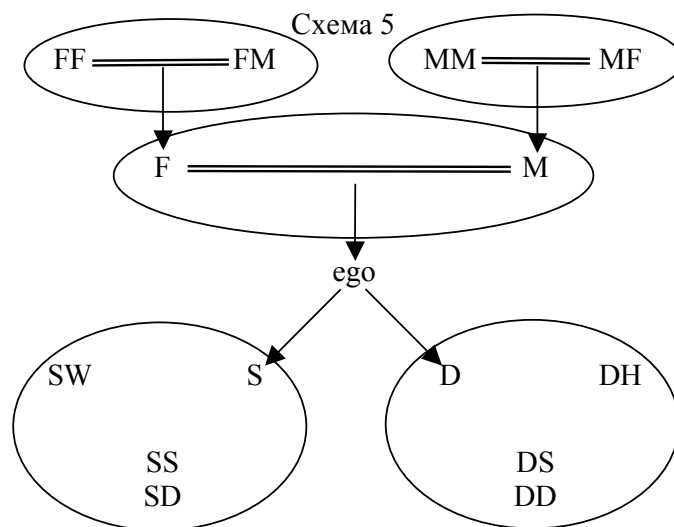
Абсолютное большинство известных мне ассоциативных форм могут обозначать совокупности родственного типа – ядерную семью, род и т.д. Существенно при этом то, что в ряде языков формы ассоциатива могут обозначать только совокупности родственного типа – багвалинская форма *ʕisāri* от имени *ʕisa*, агульские ассоциативы [сообщение С. Мердановой] болгарские формы *Стоянови* и *Маришни* от имен *Стоян* и *Мария* [Моравчик, подборка; Маслов 1956: 72] могут обозначать лишь семьи фокусных референтов. Таким образом, формула ‘X и его семья’ в этих языках оказывается единственно возможной интерпретацией ассоциатива; подобные формы я буду называть ассоциативами родства.

Относительно ассоциативов родства нужно также заметить, что они обозначают родственные совокупности замкнутого типа, такие как семья, род и т.д., причем прототипически речь идет по всей видимости о таких родственниках, которые проживают совместно. Так, вопрос о том, о ядерной или расширенной семье идет речь, решается в зависимости от социокультурной характеристики общества конкретного языка. Можно предположить, что в патри- или матрилокальных культурах (совместно проживает расширенная семья, включающая представители трех или более различных поколений), ассоциативы обозначают расширенную семью, а в так называемых неолокальных культурах (совместно проживает ядерная семья) - ядерную семью. Никакие совокупности родственников, которые являются подмножеством совокупности замкнутого типа (например, отец и сын), или, наоборот, нарушают границы таких совокупностей (например, сын сестры и брат матери в патрилокальном обществе), по всей видимости, не могут обозначаться формой ассоциатива. В этом они коренным образом отличны от близких к ним по типу номинации коррелятивных форм терминов родства, для которых характерны значения 'отец и сын' и 'сын сестры и брат матери' (подробнее см. ниже).

Кроме того, следует отметить одну особенность ассоциативов родства, образуемых от терминов родства. Выше я сказал, что форма ассоциатива может иметь значение только совокупности замкнутого типа, т.е. 'X, его жена и дети', и не может обозначать совокупность, являющуюся подмножеством совокупности замкнутого типа. Но одной из самых распространенных ассоциативных форм является форма множественного числа от лексемы 'отец' со значением 'родители', которая, очевидно, нарушает это ограничение, так как сам термин 'отец' предполагает наличие непосредственных потомков, которые заведомо включаются даже в семью ядерного типа. Разобраться в причинах этого противоречия удобно на примере ассоциативных форм багвалинских терминов родства.

В багвалинском языке формы ассоциативной множественности образуются от мужских терминов прямого родства по восходящей линии *ima* 'отец', *wašašuw ima* 'дед по отцу' (букв. *отец отца*), *ilaḥiḥ ima* 'дед по матери' (букв. *отец матери*) и от терминов прямого родства по нисходящей линии *waša* 'сын', *jaš* 'дочь', *wašašuw waša* 'внук по линии сына' (и т.д.). Но если ассоциативы от терминов родства по нисходящей линии обозначают родственные совокупности замкнутого типа

(например, *waṣāri* ‘семья сына, он, его жена и дети’, то ассоциативы от терминов родства по восходящей линии имеют значение ‘X и его жена’ (например, *imāri* ‘родители’).



Такое распределение может быть объяснено следующим образом. Употребление термина родства ‘отец’ обязательно предполагает наличие точки отсчета (эго), которой может быть локутор или актуализированный нелокутор. Очевидно, что референт эго более актуализирован, чем референт определяемого относительно эго термина родства. С другой стороны, если бы форма *imāri* имела бы стандартную семантику ассоциатива родства ‘X и его семья’, то эго был бы одним из ассоциированных референтов. Таким образом, один из ассоциированных референтов оказался бы более актуализированным, чем фокусный референт, что противоречит принципу доминанции фокусного референта (подробнее см. ниже) – природа ассоциатива такова, что референция к ассоциированным референтам опосредована референцией к фокусному референту, в то время как в такой форме фокусный референт (отец эго) сначала определялся бы через эго, а потом служил бы посредником референции к тому же самому эго.

В случае, если эго совпадает с говорящим, ситуация еще более отчетливая. Форма ассоциатива с фокусным референтом ‘мой отец’ не может включать потомков такого фокусного референта, потому что тогда она включала бы и самого говорящего. В то же время говорящий всегда автоматически выбирается фокусным референтом группы, в

которую он входит (в большинстве языков, см. главу 2), и потому для обозначения такой группы употребляется местоимение ‘мы’.

Кажется, что важнейшим компонентом значения ассоциатива родства является идея совместного проживания членов группы. Отмечу в связи с этим, что, по моим наблюдениям, одним из самых частотных типов использования ассоциативов родства является его использование в контексте локативного показателя; образующиеся формы структуры X-ASS-LOC имеют результирующее значение ‘дома у X’ (ср. также, например, [Псянчин 2000]). Как видно из толкования, ассоциативная семантика в таких контекстах сильно ослабляется – значения ‘там, где живет X’ vs. ‘там, где живет X и его семья’ (если учесть при этом, что семью мы определили как ‘те, кто живут с X-ом’, то результирующее значение принимает вид ‘там, где живет X и те, кто живет с X-ом’) фактически совпадают.

5.2. Мягкие ассоциативы

Существуют, с другой стороны, языки, в которых разнообразие допустимых для ассоциативов группообразующих отношений очень велико. В татарском языке ассоциативы могут обозначать семью или иную устойчивую совокупность. Но моя информантка допустила также обозначение формой ассоциатива группы, объединенной лишь совместной вовлеченностью в одну и ту же ситуацию (например, формой ассоциатива была обозначена группа, состоящая работавших «в паре» одного из участников экспедиции и одной из информанток). В [Панфилов 1962: 111-116] для нивхского языка приводятся как примеры ассоциативов, обозначающих семью или иную устойчивую совокупность людей (компания, бригада), так и формы, толкующиеся как ‘X и его спутники’. Ассоциативные формы, покрывающие все типологически засвидетельствованные семантические интерпретации (или, по крайней мере, базовые интерпретации ‘X и его семья’, ‘X и его товарищи’, ‘X и те, кто с ним’), я буду называть мягкими ассоциативами (loose associatives).

5.3. Промежуточные случаи

На основании данных, которыми я располагаю на настоящем этапе, можно говорить о существовании языков, в которых семантика ассоциативов с одной стороны не ограничена обозначением исключительно совокупностей по родству, а с другой – уже,

чем семантика мягких ассоциативов, описанных в предыдущем разделе для татарского языка.

Так, все примеры ассоциативов, приводимые для тибето-бирманских языков **мейтхей** [Челиа 1997] и невари [Королев 1989] интерпретируются как ‘X и его семья’, ‘X и его семья и друзья’, ‘X и его друзья’; ни одного примера на значение типа ‘X и его спутники’ или ‘X и те, кто с ним’ не приведено. Описанные в работе [Песянчин 2000] типы употребления башкирских ассоциативов – семья, единомышленники, коллеги, возрастная группа – также не включают совокупности комитативного типа.

Общим для таких употреблений является наличие устойчивых группообразующих отношений, имеющих не актуальный, а постоянный характер (по крайней мере, эти отношения имеют место не только во временных рамках описываемой ситуации, но и за ее пределами). Личная совокупность, состоящая из участника экспедиции и информанта, упоминаемая выше для татарского языка, после завершения работы (то есть после окончания урока) прекращает свое существование, в то время как совокупности, обозначаемые формами ассоциативов в башкирском, мейтхей и некоторых других языках, существуют постоянно или длительное время. Это свойство сближает такие совокупности с совокупностями родственного типа, обозначаемыми ассоциативами родства.

Иначе говоря, ассоциативными формами в таких языках могут обозначаться любые устойчивые личные совокупности, вне зависимости от того, существуют ли между элементами такой совокупности родственные отношения или нет. Ассоциативы такого рода я предлагаю называть групповыми ассоциативами.

5.4. Шкала устойчивости группообразующих отношений

Итак, мы подразделили ассоциативы на три типа в соответствии с их способностью выражать более или менее широкий круг значений поля личной коллективности – ассоциативы, обозначающие родственные группы (ассоциативы родства); ассоциативы, обозначающие произвольные устойчивые совокупности людей и в том числе родственные совокупности (групповые ассоциативы); и ассоциативы, обозначающие как устойчивые совокупности людей (в том числе родственные совокупности), так и актуальные совокупности типа ‘X и те, кто с ним’ (мягкие ассоциативы).

Иными словами, семантическое разнообразие ассоциативов предлагается описывать в терминах трех категорий – совокупности родственного типа, устойчивые совокупности неродственного типа и актуальные совокупности. При этом в большинстве языков любые ассоциативы, могущие выражать актуальные совокупности, могут также выражать устойчивые совокупности, а любые ассоциативы, могущие выражать устойчивые совокупности неродственного типа, могут также выражать совокупности родственного типа.

Данное обобщение, носящее характер имплицативной универсалии, может вызвать следующие возражения.

Возражение 1. В случае, если обозначаемая ассоциативом актуальная совокупность состоит из родственников, как определить, в каком значении выступает ассоциативная форма? Допустим, что существует язык, в котором единственным значением ассоциатива является актуальная совокупность. Но такая актуальная совокупность ‘X и те кто с ним’, определяемая наличием между ее элементами актуальных группообразующих отношений, должна быть «нечувствительна» к тому, не связывают ли ее элементы также отношения другого рода. В частности, такие ассоциативы могут обозначать и актуальные совокупности родственников, и тем самым, на первый взгляд, выступать в роли ассоциативов родства. Если каждый ассоциатив, который может обозначать актуальную совокупность, по определению может также обозначать и родственную группу, то имплицативное обобщение теряет смысл.

Возражение 2. Та же проблема (в зеркальном отражении) связана и с ассоциативами родства. Допустим, некоторая форма может обозначать только родственную совокупность, но ведь родственники могут образовывать актуальную совокупность, например, когда семья в полном составе идет в гости. На первый взгляд, в данном случае ассоциатив родства выражает ассоциативность актуального типа. Если любой ассоциатив родства может выражать также и актуальную совокупность, то, по определению, любой ассоциатив является мягким, и построенная типологии (не говоря уже об имплицативной универсалии) теряет всякий смысл.

Иначе говоря, всякая актуальная совокупность может состоять из родственников, что создает впечатление отсутствия границ между ассоциативами родства и мягкими ассоциативами.

На мой взгляд, эти возражения связаны с некорректным анализом значения ассоциативной формы. Тот факт, что ассоциатив родства может выражать актуальную совокупность (например, в багвалинском), не делает его мягким ассоциативом. Так, багвалинский ассоциатив на *-āri* может обозначать как актуальную, так и неактуальную совокупность, но всегда обозначает группу родственников. Наличие или отсутствие актуальных группообразующих отношений не входит в значение формы, а определяется ситуацией или контекстом. Иными словами, граница между ассоциативами родства и мягкими ассоциативами остается вполне четкой, что является ответом на возражение 2.

С другой стороны, гипотетическая форма ассоциатива, обозначающая только актуальные совокупности, должна была бы, наоборот, обозначать как актуальные совокупности, состоящие из родственников, так и произвольные другие актуальные совокупности; при этом такая форма не должна была бы обозначать родственные совокупности, не являющиеся актуальными совокупностями (то есть родственники, объединенные в совокупность здесь и сейчас). Отсутствие такой формы как раз и утверждается предложенной выше импликацией.



С такой формой представления ассоциативов согласуется гипотеза о том, что центральным, прототипическим значением любых ассоциативов, в том числе и мягких ассоциативов, является обозначение совокупности родственного типа (гипотеза основана на том, что даже в языках с максимально широкой применимостью ассоциативных форм, типа татарского, наиболее частотным является обозначение ассоциативами родственных групп). Иными словами, я предполагаю, что прототипическим значением ассоциатива, функционально тяготеющего к полю личной

коллективности, является культурно прототипическая форма личной коллективности – семья.

Взаимную упорядоченность ассоциативов, отраженную на схеме семантическим «вложением», ассоциативов родства в ассоциативы устойчивых совокупностей, а ассоциативов устойчивых совокупностей – в мягкие ассоциативы, я буду ниже называть импликативной гипотезой. Эта гипотеза позволяет перейти от носящей чисто логический характер древовидной классификации к типологической скалярной классификации по степени устойчивости группообразующих отношений – ассоциативы родства допускают лишь максимально устойчивые группообразующие отношения, ассоциативы устойчивых отношений допускают любые устойчивые группообразующие отношения, а мягкие ассоциативы допускают вообще любые группообразующие отношения, от максимально устойчивых отношений родства до актуальных отношений совместной вовлеченности в ситуацию. Возможно, шкала устойчивости в реальности имеет более тонкие градации; сейчас я выделяю только три предложенные категории.

На данном этапе рано полностью исключать существование таких языков, которые противоречили бы принципу вложенности ассоциативных типов – например, языка, в котором форма ассоциатива обозначает лишь актуальные совокупности ‘X и его спутники’, и не может обозначать неактуальные родственные совокупности ‘X и его семья’ (см. следующий раздел). Я предполагаю, однако, что сам предлагаемый параметр семантики ассоциативов – устойчивость группообразующего отношения – в любом случае релевантен для типологии ассоциативов и носит скалярный характер. Иными словами, можно с большой степенью уверенности говорить о том, что не существует языков, в которых одна и та же ассоциативная форма может обозначать ‘X и его семья’ и ‘X и его спутники’, но не может обозначать ‘X и его друзья’.

5.5. Возможные исключения

Один из описанных выше формальных типов ассоциативов, возможно, может обозначать лишь актуальные совокупности (тем самым противореча импликативной гипотезе). Речь идет о тех случаях, когда репрезентативную структуру референции имеет сочетание ИГ с сочинительным союзом в отсутствие второй сочиняемой ИГ (**баскский, йидин**, дирбал). Если подавляющее число описательных грамматик в качестве примеров на ассоциативную форму приводят значение ‘X и его семья’, то в грамматиках дирбала и йидина [Dixon 1972; Dixon 1977] приводятся только примеры

актуальных совокупностей. Несмотря на то, что эти описания не позволяют мне с уверенностью говорить об отсутствии у таких форм значения родственной совокупности, эти данные, очевидно, сильно подтачивают типологическую убедительность имплицативной гипотезы.

Представляется вероятным, что в таких случаях мы имеем дело с формами, хотя и характеризующимися репрезентативной структурой референции, но, строго говоря, не являющимися формами ассоциативной множественности.

Для того, чтобы пояснить, о чем идет речь, вернемся к обсуждаемым выше типам репрезентативности. Если для ассоциативной репрезентативной множественности важно представление о совокупности, элементов, связанных между собой устойчивыми группообразующими отношениями, то в определение анафорической репрезентативности (аналог русского 'они с X-ом') идея совокупности вообще не входит – речь идет о нескольких референтах, один из которых актуализируется (или повторно актуализируется) основой формы анафорического репрезентатива, а другие актуализированы предконтекстом (**гуньянди, кера**).

Обсуждаемые формы языков **йидин** и дирбал и **баскского** языка, в принципе, могут оказаться иначе описанными анафорическими репрезентативами. С другой стороны, они могут оказаться и другим типом репрезентативной множественности (отличным как от ассоциативной, так и от анафорической репрезентативности), называющей один из элементов совокупности, указывающей на присутствие в этой совокупности других элементов, но, в отличие от форм ассоциативной или анафорической множественности, никак не специфицирующей эти элементы.

Так или иначе, сфера обозначения актуальной совокупности оказывается той зоной, где затруднительно отличить ассоциативность от анафорической или иной репрезентативности. По сравнению с ассоциативами родства или групповыми ассоциативами требования мягких ассоциативов к группообразующим отношениям настолько ослаблены, что само представление о совокупностном характере обозначаемого формой множества оказывается в таких случаях стертым, так что ассоциативные формы становятся плохо отличимы от иных форм репрезентативности.

Действительно, в описанной выше для татарского языка ситуации совместной вовлеченности в ситуацию, такую совместную вовлеченность можно считать группообразующим отношением. С другой стороны, такая же группа, в случае

актуализированности одного из ее элементов, могла бы быть обозначена формой анафорической репрезентативности (**кера, гуниянди**). А в случае существования гипотетических неопределенных ассоциативов такая совокупность естественно обозначалась бы формой неопределенного ассоциатива (**баскский, йидин**). Решение о том, о какой репрезентативности речь идет в каждом конкретном случае, может приниматься только на основании анализа широких контекстов или экспликации интроспекции носителя.

5.6. Ассоциативность и отношение смежности

В определенном смысле в качестве альтернативы идее совокупности и группообразующих отношений как основе типологии ассоциативности может служить представление о пространственной смежности (*spatial contiguity*) референтов формы ассоциатива, на важность которого указала Э. Моравчик [в личной беседе].

Различия между двумя моделями ассоциативности оказываются не столь кардинальными, вопрос в расстановке акцентов. Действительно, отношение пространственной смежности может считаться группообразующим; множество смежных в пространстве объектов является пространственной совокупностью. В ряде случаев обращение к пространственной составляющей значения личной коллективности оказывается неизбежным. Как уже говорилось выше, одним из наиболее частотных морфологических контекстов ассоциативной формы является локативный падеж, т.е. форма ассоциатива употребляется в первую очередь при идентификации места жительства фокусного референта и его группы. Другой пример: обобщенным толкованием формы ассоциатива в пулар-фульфульде оказывается 'X и те кто живут вместе с ним' – альтернативой семье явилась интерпретация живущих вместе неродственников, например, студентов, живущих в одном общежитии [сообщение Абдулая Ба].

Саму описанную выше типологию ассоциативности, базирующуюся на степени устойчивости группообразующих отношений, легко спроецировать в категории пространственной смежности. Ассоциативам родства будет соответствовать пространственная смежность референтов по их основной локативной атрибуции (месту проживания); более того, дальнейшие исследования могут показать, что кодируемое ассоциативом родства представление о семье коррелирует с тем, какая родственная совокупность в данной культуре проживает совместно.

Групповым ассоциативам ('X и его друзья') соответствует такая пространственная смежность, которая часто имеет место, т.е. группу составляет X и те, кого часть можно встретить вместе с ним. В значениях типа башкирского 'X и люди, придерживающиеся тех же взглядов', пространственная составляющая может быть затушевана; но в прототипе группового ассоциатива, несомненно, заложено представление о пространственной смежности.

Наконец, ассоциативному значению актуального типа ('X и его спутники') соответствует пространственная смежность, имеющая место в настоящий момент. Действительно, совместная вовлеченность обозначаемых лиц в ситуацию (группообразующее свойство) и их актуальная пространственная смежность в значительной степени предопределяют друг друга.

Иными словами, пространственная смежность множества лиц и представление о множестве лиц как о совокупности оказываются тесно связанными. Несмотря на это, я склонен считать первичным наличие группообразующих отношений, а признак пространственной смежности определять как важный, но производный элемент семантики ассоциатива. Во-первых, как уже говорилось выше, само отношение пространственной смежности можно считать группообразующим отношением; в то же время не любое группообразующее отношение предполагает пространственную смежность (например, отношение брат матери ~ сын сестры). Во-вторых, если принять пространственную смежность первичным признаком ассоциативности, становится необъяснимой ограниченность применимости ассоциативности сферой личной коллективности, так как пространственные совокупности вполне могут образовывать и неодушевленные объекты (например, расположенные рядом река, лес и холм). Последний аргумент, на мой взгляд, показывает, важность наличия отношений социального типа, связывающих элементы обозначаемой формой ассоциатива совокупности лиц.

5.7. Корреляция семантического типа ассоциатива со способом его выражения

Представляется вполне вероятным существование определенных корреляций между семантической характеристикой ассоциатива и способом его выражения. Так, ассоциатив, исторически представляющий собой форму множественного числа атрибутивной формы, сохранит семантику тесных связей между фокусным референтом

и ассоциированными референтами и вряд ли попадет в класс мягких ассоциативом – исконная притяжательная семантика показателя приведет к тому, что эта форма окажется ассоциативом родства (как в болгарском, польском и, вероятно, в **грузинском**). С другой стороны, ассоциативы, выражаемые формой множественного числа, могут принадлежать к любому из типов – быть ассоциативами родства, как в багвалинском; групповыми ассоциативами, как в **мейтхей**; или мягкими ассоциативами, как в татарском или **нивхском**.

6. Лексические ассоциативы

Настоящее исследование в первую очередь посвящено обзору феномена ассоциативности на более или менее широких лексических классах – таких как имена собственные и имена родства (багвалинский), имена собственные (татарский), мужские имена собственные (**грузинский**). Такую ассоциативность я буду называть продуктивной. С другой стороны, даже в тех языках, в которых ассоциативность не является продуктивным грамматическим явлением, у отдельных лексем иногда встречаются формы с очевидно ассоциативной семантикой. Такие формы я буду называть лексическими ассоциативами.

6.1. Лексические ассоциативы у имен родства

Одним из самых распространенных лексических ассоциативов является форма множественного (или двойственного, при наличии такового) числа от лексемы ‘отец’, выражающая значение ‘родители’. Если говорить только о тех языках, в которых продуктивная ассоциативность не существует или по крайней мере не засвидетельствована, форма множественного числа от лексемы ‘отец’ имеет значение ‘родители’ в испанском (*mis padres*), **калькатонго миштек** [Маколи 1996], украинском (*батькі*), **кетском** (*kovaŋ* букв. ‘твои отцы’ [Крейнович 1969: предложение 233]), татарском, санскрите (*pitárāu*; двойственное число), авестийском (также двойственное число) [Молчанова 1975: 205]. В некоторых из этих языков значение ‘родители’ может также передаваться формой множественного числа от лексемы ‘мать’: например, в санскрите *mātárāu* (букв. ‘две матери’) и татарском.

6.2. Лексические ассоциативы у имен собственных

Лексические ассоциативы могут образовываться и от имен собственных. Среди отмечаемых Дельбрюком [Дельбрюк 1893; Рюкайзер 1997] случаев лексически изолированных форм ассоциативной (в терминах Дельбрюка-Рюкайзер – эллиптической) множественности следующие имена собственные: в древнегреческом *Κάστορε* ‘Кастор и Поллукс’ (братья-близнецы из греко-римской мифологии; букв. ‘Касторы’), *Αΐαντε* ‘Аякс и Тевкр’ (два друга из греко-римской мифологии; букв. ‘Аяксы’), в латыни *Castores* ‘Кастор и Поллукс’, *Cereres* ‘Церера (Деметра) и Прозерпина (Персефона)’ (в греко-римской мифологии богиня урожая и ее дочь; букв. ‘Цереры’), в санскрите *Mitrā* ‘Митра и Варуна’ (в древнеиндийской мифологии боги света и неба, соответственно; букв. двойственное число от *Mitra* ‘Митра’), *Adhvaryū* ‘Адхварью и Претипрестхатар’ (в древнеиндийской мифологии жрец и его помощник; букв. двойственное число от ‘Адхварью’).

Следует отметить, что образуемые от имен собственных лексические ассоциативы со значением ‘X и его семья’ отмечаются и в речи отдельных носителей **русского** языка – *Мики* ‘Мика и его семья’ [пример Г.Д. Муравьевой], *Гехи* ‘Геха и его семья’ [пример А. Бонч-Осмоловской], *Радесы* ‘Радес и его семья’ [пример А.И. Коваль]. Обращает на себя внимание то, что во всех трех случаях имя собственное уникально для русского языка. Ср. также форму ассоциативной множественности в заголовке текста В.А. Успенского «К Мельчукам», где *Мельчуки* означает ‘И.А. Мельчук и его группа’ (включающая А. Жолковского и некоторых других лиц).

6.3. Лексические ассоциативы у неодушевленных имен

Формы множественного числа, имеющие ассоциативную референциальную структуру, отмечаются и у отдельных неодушевленных имен. Дельбрюк [Дельбрюк 1893: 137 и далее] приводит следующие древнеиндийские формы: *āulūkhalāu* ‘ступа и пест’ (форма двойственного числа адъектива, образованного от существительного *ulūkhala* ‘ступа’ – буквально ‘пара ступовых’; ср. с посессивными ассоциативами в болгарском, польском, **грузинском**, **лезгинском**; ср. также авестийское *hāvana* ‘ступа и пест’, букв. ‘ступа’-Du [Молчанова 1975: 205]), *dyšādāu* ‘верхний и нижний мельничный жернова’ (букв. форма двойственного числа от *dyšād* ‘верхний

мельничный жернов', при *úpalā* 'нижний мельничный жернов'), *áhanī* 'день и ночь' (букв. форма двойственного числа от 'день'), *uśāsā* 'утро и ночь' (форма двойственного числа от 'утро'), *dyāvā* 'небо и земля' (форма двойственного числа от 'небо').

В отличие от личных ассоциативов, неодушевленные ассоциативы не могут не быть лексическими. Говоря об ассоциативности как о структурно-семантическом типе репрезентативной множественности, я сказал, что определяющим признаком ассоциативности является способ заполнения референции репрезентативной формы – в референцию включаются объекты, образующие с эксплицированным референтом устойчивую совокупность. Любой человек может входить в социальные совокупности с другими лицами, поэтому образование форм ассоциативности для личных имен может быть продуктивно, по меньшей мере внутри отдельных лексических классов имен (например, внутри класса имен собственных).

Образование формы ассоциативной множественности от одного или двух имен собственных должно поддерживаться литературной традицией либо быть свойством идиолекта, так как образование формы с ассоциативной семантикой только от одного имени собственного, например, от русского имени *Саша*, принципиально не может быть устойчивым. Дело в том, что имена собственные не приписывают своим референтам никаких экстенциональных характеристик, и грамматическое поведение одного из них не может принципиально отличаться от грамматического поведения другого (за исключением морфонологических закономерностей, которые могут оказывать влияние на грамматическую сочетаемость).

Совершенно иначе обстоит дело у предметных и иных неодушевленных имен. Совокупности артефактов по определению не могут носить социальный характер. Такие объекты, как ступа и пест, лук и стрелы, верхний и нижний жернова, образуют функциональные совокупности; теоретически можно было бы предположить, что лексические ассоциативы могут обозначать также такие совокупности, как молот и наковальня, огнестрельное оружие и пули, холодное оружие и ножны, ключ и замок и т.д. Но большинство артефактов не образуют функциональных совокупностей (т.е. могут быть использованы по назначению без дополнительных приспособлений), а потому не могут служить основой для образования ассоциатива. Поэтому функциональные ассоциативы не могут быть регулярной морфологической категорией.

Санскритские формы со значением ‘небо и земля’, ‘утро и ночь’, ‘день и ночь’ можно назвать концептуальными совокупностями; как и в случае артефактов, теоретически возможны и другие концептуальные совокупности, такие как свет и тьма. Однако представляется очевидным, что число неодушевленных имен, референты которых являются членами устойчивых функциональных или концептуальных совокупностей, в абсолютном отношении крайне мало.

Иными словами, ассоциативность в сфере личных имен собственных должна быть регулярной (так как личная ассоциативность выражает социальные совокупности, а референты различных имен собственных не различаются своими свойствами и любой из них может являться членом социальной совокупности), а в сфере неличных и неодушевленных имен не может быть регулярной (так как неличная ассоциативность выражает функциональные и концептуальные совокупности, членами которых может являться ограниченное число объектов действительности).

6.4. Неодушевленные лексические ассоциативы и природа ассоциативности

Существование неодушевленных ассоциативов – важный аргумент в пользу тезиса о двояком, структурно-семантическом характере ассоциативности. Действительно, если принимать во внимание лишь ассоциативы от личных имен существительных, можно было бы настаивать на том, что ассоциативность – чисто функциональный феномен, покрывающий относительно компактное семантическое поле обозначения социальных коллективов, таких как родственные группы и т.д. Но формы типа ‘верхний жернов’-DU ‘верхний и нижний жернов’, которые с точки зрения структуры референции несомненно относятся к репрезентативной множественности, в рамках репрезентативной множественности целесообразно также отнести к ассоциативности, несмотря на существенные отличия их семантики от семантики личных ассоциативов. Действительно, как и в случае личных ассоциативов, в случае неодушевленных ассоциативов адресат заполняет референцию репрезентативной формы, исходя из представления о том, в какую совокупность входит эксплицированный референт.

Определенная таким образом, ассоциативность объединяет самые разные семантические типы совокупностей – от родственных до функциональных или концептуальных, и сближение основано в первую очередь на структуре референции. Соединив воедино разные семантические реализации ассоциативной множественности,

мы приходим к выводу, что за всеми этими случаями стоит достаточно абстрактное представление о естественной совокупности, которую во всех случаях образуют обозначаемые объекты и именно представление о которой позволяет адресату заполнять референцию ассоциативной формы.

6.5. Лексическая ассоциативность и парные совокупности

Приводя ассоциативные формы, обозначающий парные совокупности объектов (ассоциативная двойственность), Дельбрюк обращает внимание на то, что множественные формы с таким же значением обнаруживаются только в тех индоевропейских языках, где двойственное число утрачено, например, в латыни. Из этого Дельбрюк делает вывод, что эллиптическая (=ассоциативная) множественность характерна лишь для парных совокупностей. Очевидно, что если отождествлять формы эллиптической множественности с ассоциативными формами других языков, оказывается, что для имен лиц это утверждение неверно – многочисленные языки имеют ассоциативные формы для обозначения совокупностей, состоящих из более чем двух элементов. Но даже для неличных имен это утверждение сомнительно; так, в нганасанском языке форма множественного числа от лексемы ‘лук’ в следующем контексте обозначает ‘лук и стрелы’:

d'intə-güa-t'ə n'i-ntə-b¹ambj-ŋ koi-ʔ (нган.)

лук-го-Асс.Pl.2Sg Neg-Fut-Ren-2Sg оставить-Сп

Лук и стрелы свои не забудь!

[пример предоставлен В.Ю. Гусевым]

6.6. Эллиптическая множественность и ассоциативность

Э. Моравчик [в личном сообщении] предложила различать ассоциативную и эллиптическую множественность на основании того, что в случае эллиптической множественности второй член обозначаемой совокупности фиксирован – если **нивхская** форма ассоциативной множественности *Xevgun-gu* имеет значение ‘Хевгун и его спутники’, то древнегреческая форма эллиптической множественности *Α ἕαυτε*

обозначает не просто Аякса и его спутника (или спутников), но именно Аякса с Тевкром. Представляется, однако, что фиксированность второго члена совокупности является прямым следствием непродуктивного, лексического характера этих форм. Действительно, в случае татарского ассоциатива *ätimler* ‘родители’ (букв. ‘мои отцы’) второй член совокупности (мать) также фиксирован, как и в случае испанского *mis padres* с тем же значением. С другой стороны, в татарском существует также форма *babajlar* ‘дедушка и бабушка’ (букв. ‘дедушки’); для того, чтобы грамматически свести значение татарского показателя множественного числа к одному мы постулируем значение ‘и супруга’. Таким образом, единственным отличием испанского лексического ассоциатива, по предложению Э. Моравчик являющегося эллиптическим ассоциативом, от татарского ассоциатива, является непродуктивность модели, а значение показателя множественного числа и в случае испанского, и в случае татарского языка в этих случаях удобно сводить к одному и тому же (‘и супруга’).

То же верно и в отношении лексических ассоциативов, образованных от имен собственных. Так как ассоциативы обозначают устойчивые совокупности, значение ‘Аякс и Тевкр’ оказывается частным случаем одного из типично ассоциативных значений ‘X и его постоянный спутник / спутники’. Подставляя в эту формулу вместо X Аякса и принимая во внимание то, что постоянным спутником Аякса является, согласно литературной традиции, Тевкр, автоматически получаем значение ‘Аякс и Тевкр’ (то же для латинского *Castores*, санскритского *adhvaryú* и русского *Мельчуки* и для греческого и древнеиндийского лексических ассоциативов, обозначающих два тесно связанных парных божества).

Очевидно, что если рассматривать лексические ассоциативы даже одного языка не по отдельности, а одновременно (например, *Κάστωρε* ‘Кастор и Поллукс’ и *Αΐαντε* ‘Аякс и Тевкр’), и пытаться уложить их в рамки одной семантической модели, то тезис о фиксированности нефокусного референта совокупности не выдерживает критики. Можно сказать, что нефокусный референт фиксирован в случае каждого отдельного ассоциатива; но это в определенном смысле справедливо и в отношении конкретных ассоциативов в языках с продуктивной ассоциативностью.

Таким образом, представление о фиксированности нефокусного референта совокупности в случае лексического ассоциатива в действительности является

неточной интерпретацией, вытекающей из непродуктивного характера ассоциативных форм.

6.7. Продуктивная vs. лексическая ассоциативность

Выше я определил лексическую ассоциативность как образование форм с ассоциативной семантикой от небольших замкнутых наборов субстантивных лексем. Следует отметить, что последовательно провести это противопоставление не всегда возможно.

Рассмотрим образование ассоциативов от терминов родства. В языке пулар-фульфульде форма ассоциатива образуется от всех терминов родства. В багвалинском языке ассоциативы образуются от мужских имен прямого родства по восходящей и имен прямого родства по нисходящей линии, всего около десяти основ. В татарском языке формы ассоциатива образуются от слов *eti-m* ‘мой отец’, *eni-m* ‘моя мать’, *babaj* ‘дедушка’ и *kada* ‘сват, отец супруга (супруги) дочери (сына)’. В санскрите формы ассоциатива образуются от лексем ‘отец’ и ‘мать’. В испанском языке форму ассоциативной множественности имеет единственный термин родства – *padre* ‘отец’. Так как лексический класс терминов родства вообще относительно малочислен, проведение границы между продуктивной и лексической ассоциативностью на материале терминов родства нецелесообразно.

Гораздо более четко граница между ними проходит в классе имен собственных. Но и здесь вполне возможны промежуточные ситуации. В пулар-фульфульде и татарском языках формы ассоциатива образуются от всех имен собственных, в багвалинском – предпочтительно от мужских, в **грузинском** – только от некоторых мужских имен, в латыни, древнегреческом и санскрите – только от нескольких имен собственных, а в русском – только в речи отдельных носителей, причем в их речи – только от одного имени (разного в случае разных носителей).

Если ассоциативы образуются от любых имен собственных или если ограничение на образование ассоциативов от имен собственных мотивировано функционально, то ассоциативность носит продуктивный характер. Так, ассоциативность продуктивна в пулар-фульфульде и татарском языках; в багвалинском языке, где ассоциативы образуются предпочтительно от мужских имен собственных, ассоциативность также

может считаться продуктивной, потому что это ограничение может быть интерпретировано как проявление принципа доминанции фокусного референта (см. ниже). С другой стороны, ассоциативность у личных имен в классических индоевропейских языках (по данным Дельбрюка) носит очевидно лексический характер.

Остается неясным статус грузинской ассоциативности – образование форм ассоциатива от одних мужских имен и невозможность этих форм для других мужских имен носит явно асемантический характер; с другой стороны, число таких форм значительно больше, чем число ассоциативов в случае латыни, древнегреческого и санскрита. Если строго придерживаться принципа функционально семантической мотивации ограничений на образование ассоциативов от имен собственных как основополагающего признака продуктивной ассоциативности, грузинскую ассоциативность следует признать лексической.

6.8. Лексическая ассоциативность и ассоциативная множественность

Как легко заметить, все приведенные выше примеры лексических ассоциативов формально являются числовыми формами. Причина этого, по всей видимости, следующая. Лексическая ассоциативность по определению фактически ограничена небольшим числом лексем (ср. однако предыдущий раздел о грузинских ассоциативах) – использование специального показателя в таких случаях неэффективно, а потому маловероятно. Таким образом, ассоциативность у лексических ассоциативов должна выражаться грамматическим средством, также выражающим другое значение. В большинстве языков с продуктивной ассоциативностью таким средством является показатель множественного числа, поэтому вполне естественно что лексические ассоциативы образуются присоединением показателя множественного числа. (Ср. впрочем лексический ассоциатив *āulūkhalāu* ‘ступа и пест’, являющийся формой двойственного числа от адъектива и аналогичный, тем самым, посессивным ассоциативам типа болгарского *Мари-ин-и*).

7. Свойства и параметры ассоциативности

7.1. Доминанция фокусного референта

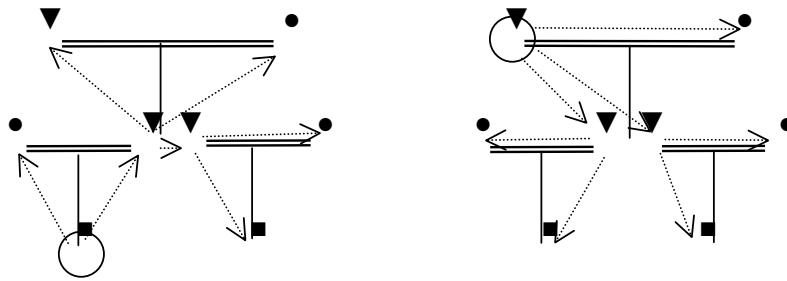
В работе [Моравчик 1994] отмечается важнейшее свойство семантической структуры ассоциативов – фокусный референт занимает в пределах обозначаемой группы выделенную, доминирующую позицию. Так, багвалинские формы ассоциативной множественности могут образовываться от имени главы семьи, но не от имени ребенка: форма *saŷitāri* значит ‘Саид, его жена и их дети’, но не, например, ‘Саид, его родители, братья и сестры’.

Доминанция фокусного референта вполне объяснима с функциональной точки зрения. Прежде всего, она является следствием универсальной тенденции к формальной доминации более важного над менее важным. Так, предложение *На встречу прибыл министр и товарищ министра* более приемлемо, чем предложение *На встречу прибыл товарищ министра и министр*. Здесь формальная доминация выражается в отношении линейного предшествования – более важное предшествует менее важному.

При принятии решения о том, какой именно референт формы ассоциатива получит эксплицитное выражение, говорящий отдает предпочтение тому члену группы, который занимает в этой группе выделенное, доминирующее положение. В случае ассоциатива формальная доминация более важного над менее важным выражается в эксплицитности vs. неэксплицитности референции к тому или иному элементу совокупности.

Кроме того, если понимать ассоциатив как способ номинации группы, опосредованный референцией к одному из ее членов, нужно отметить, что принцип доминации в ряде случаев может упрощать внутреннюю структуру ассоциативной референции. Представим себе форму ассоциатива, обозначающую расширенную семью (семью, включающую как минимум три поколения).

Схема 7



На этом рисунке треугольниками изображены мужчины, кругами – женщины, двойными линиями – брачные отношения, простыми линиями – отношения родитель ~ ребенок, обведены фокусные референты двух альтернативных ассоциативов, а стрелками обозначены пути ассоциации фокусного референта с ассоциированными референтами, совпадающие с элементарными родственными отношениями родитель ~ ребенок, супруги, сиблинги (дети одних родителей). Как видно, в случае, если фокусным референтом выбран глава расширенной семьи, отношение ассоциации, связывающее ассоциированные референты с фокусом, имеет максимум два шага, и включает лишь отношения брака или прямого родства, в то время как во втором случае существует ассоциированный референт, отстоящий от фокусного референта на три шага, причем подключается третье отношение (сиблинг ~ сиблинги).

С другой стороны, сложность референциальной структуры ассоциатива не может объяснить все аспекты доминанции фокусного референта – например, во многих языках в качестве фокусного референта ассоциатива родства выбирается мужчина, но не женщина. Так, в багвалинском языке форма ассоциатива образуется почти исключительно от мужских имен (от женских, например, в том случае, если имя главы семьи – мужчины слишком частое и затрудняет идентификацию семьи), а в **грузинском** ассоциативные формы на *-anebi* от женских имен собственных вообще не образуются.

Семантика доминанции фокусного референта варьирует от языка к языку. Так, в отличие от грузинских форм на *-anebi*, болгарские ассоциативы родства (также восходящие к множественному числу атрибутивной формы) могут образовываться как от мужских, так и от женских имен собственных (*Мариини, Стоянови* [Моравчик, подборка; Маслов 1956: 72]). Если в багвалинском языке фокусным референтом ассоциатива родства может становиться лишь представитель старшего поколения семьи, то для пулар-фульфульде это противопоставление (как и противопоставление по

полу) не существенно. Релевантность vs. нерелевантность информации о половой характеристике референта также хорошо видна при сравнении в различных языках ассоциативных форм, имеющих значение ‘родители’. Если в испанском, украинском, багвалинском это значение выражается лишь ассоциативом структуры ‘отец’-P1, то в санскрите и татарском оно же может выражаться как формами структуры ‘отец’-P1, так и формами структуры ‘мать’-P1. Впрочем, языки, в которых это значение может выражаться лишь формой структуры ‘мать’-ASS, мне неизвестны; существование таких языков представляется мне сомнительным.

В качестве примера ассоциативной формы, нарушающей принцип доминанции фокусного референта, Э. Моравчик [Моравчик 1994] приводит следующий пример.

Американская девочка гостила в японской семье. Хозяйка обращается к американке и собственной дочке, используя форму ассоциативной множественности, образованную от имени одной из них. При этом, подчеркивает Моравчик, основой для формы ассоциатива оказывается имя не американской, а японской девочки. На первый взгляд, в данной ситуации фокусным референтом должна оказываться американка – она старше японской девочки по возрасту, и к тому же является гостьей. Кажется, однако, что данный случай не обязательно противоречит принципу доминанции фокусного референта; в этой ситуации принцип доминанции вполне можно спасти, предположив, что для японского ассоциатива существенна дистанция, отделяющая говорящего от фокусного референта. Доминирует тот из членов группы, который расположен ближе к говорящему; дочь хозяйки ближе к ней, чем ее гостья.

Приведем другой пример подобного рода доминанции. В багвалинском языке, как уже говорилось выше, в качестве фокусного референта ассоциативов от имен собственных и терминов родства выбирается мужчина. Из этого правила существует единственное исключение – форма ассоциатива образуется также от существительного *jaš* ‘дочь’ (*jašāri* ‘дочь и ее семья’). Это исключение объясняется тем, что доминанция по половому признаку подавляется доминанцией по структурному признаку – дистанция от эго до его дочери меньше, чем дистанция от эго до мужа дочери. Дочь эго занимает более важное положение в мире эго, поэтому именно она выбирается фокусным референтом формы.

Другой пример из пулар-фульфульде – придумывая ситуацию, в котором в качестве фокусного референта ассоциатива может выступать имя ребенка, а не одного из

родителей, мой информант предложил следующее. Адресатом является ребенок – друг ребенка, который выступает в качестве фокусного референта. Иначе говоря, фокусным референтом оказывается лицо, близкое адресату (или иному лицу, выступающему в качестве точки отсчета) – вне зависимости от социальной (в том числе, семейной или гендерной) иерархии.

Таким образом, в качестве фокусного референта выбирается член группы, доминирующий в ее пределах. Такая доминация может быть обусловлена различными экстралингвистическими факторами – социальным положением (древнеисландский пример), культурно значимый признак (гендер), поколение (для ассоциативов родства), структурная дистанция от говорящего или эго (багвалинский), прагматическая дистанция от адресата (японский пример или пример пулар-фульфульде). Факторы доминации не тождественны в различных языках, и иногда могут взаимодействовать и конфликтовать (как доминация по полу и по структурному расстоянию до эго в случае багвалинской формы *jašāri* ‘дочь и ее семья’).

Доминация фокусного референта является естественным следствием принципа формальной доминации более важного над менее важным. С другой стороны, нельзя априори предполагать, что любая ассоциативная или близкая к ассоциативной форма характеризуется доминацией фокусного референта. Мыслимы ситуации, в которой эксплицитно выражена референция не к центральному, а к второстепенному члену группы – например, когда упоминание этого центрального члена по каким-то причинам предпочтительно избежать. Такие примеры, в первую очередь могущие быть связанными с табуированием, мне на настоящий момент неизвестны (хотя опирающееся на табу объяснение потенциально могло бы являться интерпретацией японского примера).

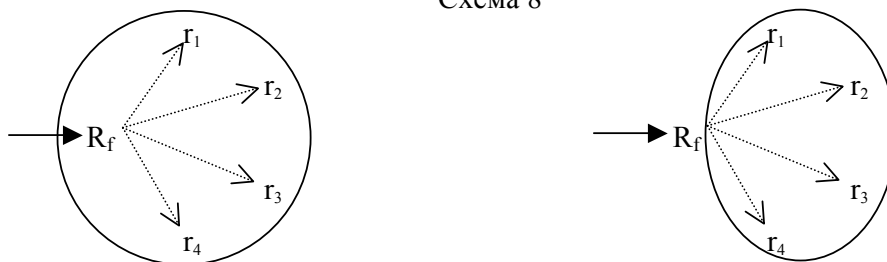
Не исключено, что экстралингвистический фактор, на который опирается доминация в каждом конкретном случае, коррелирует с типом ассоциативной семантики. Можно предположить, в частности, что центральным фактором доминации в случае ассоциативов родства является оппозиция старшее vs. младшее поколение.

7.2. Исключение фокусного референта

В форме ассоциативной множественности имя фокусного референта служит точкой отсчета, ориентируясь на которую слушающий может идентифицировать

обозначаемую формой группу лиц. Экспликация одного из членов группы оказывается экономичным способом указания на группу в целом. Представление о фокусном референте как об ориентире, референциальном посреднике, через которого осуществляется референция к другим членам совокупности, делает логически возможной ситуацию, при которой сам фокусный референт не включен в референцию ассоциативной формы.

Схема 8



Действительно, в некоторых языках это возможно, однако степень допустимости исключения фокусного референта из референции ассоциативной формы в разных языках разная.

Без малейшего колебания допустимость такой интерпретации ассоциативной формы признала моя **грузинская** информантка (формы на *-anebi*). Допустимо, хотя и с некоторыми ограничениями, исключение фокусного референта из референции **венгерской** ассоциативной формы на *-ék*. По мнению Э. Моравчик, такая интерпретация становится возможной для венгерского в первую очередь в таких контекстах, где фокусный референт исключается эксплицитно:

Réter-ék hat-an jönnék, bár lehet, hogy
 Петер-ASS шесть-ly приходить:PL хотя возможно что
 Réter maga nem jön.
 Петер сам не приходит:он
 ‘Семья Петера придет (вшестером), хотя, возможно, самого Петера и не будет’
 [Пример предоставлен Э. Моравчик]

Можно предположить, что исключение фокусного референта оказывается более доступным в тех языках, где ассоциатив исторически связано форме множественного числа атрибутивной формы существительного или совпадает с ней (**грузинский**, **венгерский**, польский, болгарский, **лезгинский**; см. выше). Действительно, от формы

X-ASS < *X-ATTR-PL, исторически значившей ‘те, которые относятся к X-у’, кроме «нового» значения ‘X и его семья’, вполне естественно ожидать значения ‘члены семьи X-а’, исторически предшествовавшего ассоциативному.

Возможность исключения фокусного референта была проверена мною также на материале трех языков, в которых ассоциативность выражается показателем множественного числа. Информант пулар-фульфульде, первоначально отвергнувший такую интерпретацию, впоследствии предложил интересующий меня контекст. Багвалинские информанты разделились в своей оценке допустимости интерпретации, исключающей фокусный референт. К тому же следует учитывать, что багвалинская форма ассоциативной множественности на *-āri*, в результате смешения русской и багвалинской антропонимических моделей отчасти контаминирует с русскими фамилиями (ср. форму генитива ассоциативного множественного числа *sa šitāruw* ‘из семьи Саида’, букв. ‘тот, кто относится к Саиду и его семье’ – судя по текстам являющуюся функциональной аналогией русской фамилии, – с собственно фамилией, используемой багвалинцами в русской речи, например, *Исандибиров*; формы имеют фонетически близкие окончания *-iw ~ -ov*). Иными словами, возможность интерпретации формы на *-āri* как ‘некоторые члены семьи Саида’ может объясняться отождествлением этой формы с русской неассоциативной формой *Саидовы*, вполне допускающей интерпретацию ‘некоторые члены семьи Саидовых’. Наконец, татарские информанты (мишарский диалект) уверенно отвергают возможность исключения фокусного референта из референции мягкого ассоциатива на *-lar/-ler*.

Если групповой ассоциатив, по-видимому, теоретически позволяет исключение фокусного референта (пулар-фульфульде), то со значением актуальной совокупности исключение фокусного референта, очевидно, плохо совместимо (результатирующее значение ‘X и те, кто вместе с ним, но не X’). Так, в кубачинской (вероятно, диалект даргинского < нахско-дагестанский) грамматике [Магометов 1963: 91] сказано, что форма *ibrahim-qal*, обозначающая группу лиц, в которую входит Ибрагим (и в том числе родственную группу лиц), может обозначать и совокупность, куда Ибрагим в данный момент не входит – но только тогда, когда речь идет о родственной совокупности.

Возможность исключения фокусного референта из референции ассоциативной формы становится важнейшим формальным аналогом при объяснении неканонических

употребление личных местоимений множественного числа ('мы', исключаящее говорящего; 'вы', исключаящее адресата).

7.3. Однородность

Еще одним важным свойством ассоциативных форм является взаимная однородность их референтов. В ассоциативной форме эксплицитно обозначен лишь один из членов группы – фокусный референт, а про остальных членов группы мы в общем случае, казалось бы, знаем лишь то, что они составляют с фокусным референтом совокупность. На самом деле, утверждает Моравчик [Моравчик 1994], ассоциативы всегда обозначают совокупности объектов одной и той же природы. Формулируя это утверждение в общем виде, можно сказать, что референты ассоциативной формы либо все неодушевленны, либо все одушевленны, но неличны, либо все личны.

Это наблюдение, на мой взгляд, либо слишком общо и потому тривиально; либо, при другом подходе, не совсем точно. Действительно, в строгом смысле регулярные ассоциативные формы возможны лишь для личных имен существительных. Неодушевленные объекты, за редкими исключениями, не образуют устойчивых совокупностей, являющихся ядром ассоциативности.

Единственный широко известный пример на ассоциативное значение словоформы неодушевленного имени существительного – это японский пример структуры 'телевизор'-PL, означающее 'телевизор и другие приборы'. Есть все основания предполагать, что это значение принадлежит к сфере скорее симулятивной репрезентативности, вполне характерной для неодушевленных имен.

Совокупности животных, не связанные с эффектами рекатегоризации, также редки; единственный известный мне пример – это татарская форма множественного числа от имени собственного коровы, обозначающая двух коров, принадлежащих одному владельцу (очевидно, окказионализм, свойственный идиолекту информанта; см. также ниже).

По нашему определению, ассоциативность связана с обозначением устойчивых совокупностей, а устойчивые совокупности регулярно образуются только личными референтами. Таким образом, тезис однородности можно переформулировать в следующем, более слабом варианте: референция всех или большинства ассоциативных форм носит личный характер.

Строго говоря, из этого правила существуют исключения. Так, по личному сообщению самой Э. Моравчик, венгерская ассоциативная форма *Péter-é-k* (Петер-Ass-Pl) может значить ‘Петер и его собака’, хотя выражение данной формой такого значение сопряжено с определенным стилистическим эффектом и в любом случае не является прототипическим. (Возможно, приблизительную аналогию составляет русский пример *Когда это случилось, мы_{i,j} с моей собакой_j прогуливались возле дома*; ср. также пример в [Барулин 1980])

Если же принять во внимание нерегулярные, лексические ассоциативные образования, допускающие неличные фокусные референты, то окажется, что однозначного подтверждения принцип однородности не получает.

Санскритские лексические ассоциативы *mitrā* ‘Митра и Варуна’ (букв. ‘Митра’-DU), *dyāvā* ‘небо и земля’ (букв. ‘небо’-DU), *āulūkhalāu* ‘ступа и пест’ (букв. ‘ступа’-DU) удовлетворяют принципу однородности в широкой форме – референты ассоциативной формы принадлежат к одной категории, либо оба личны, либо оба неодушевлены.

Рассмотрим, однако, науканско-эскимосскую форму *myntyya-t* [Меновщиков, Вахтин 1990: 58], букв. ‘дом’-PL, означающую ‘дом и его обитатели’ (то же значение, по видимому, характерно и для санскритской формы *grhá-s* ‘дом’-Pl [Дельбрюк 1893: 162]), а также науканско-эскимосскую форму *anja-t* (‘лодка’-PL) со значением ‘лодка и люди, находящиеся в ней’ [Корбетт, в печати; также Меновщиков, Вахтин 1990: 58]. Семантически эти формы далеки от рассматриваемых выше случаев личной ассоциативной множественности. С другой стороны, структура референции данной формы заведомо репрезентативна; более того, включение неэксплицированных референтов в референцию формы множественного числа очевидно определяются их связью (отчасти пространственной, отчасти функциональной) с эксплицированным референтом, что, напомню, является центральным моментом определения ассоциативной множественности. Общая для этих двух случаев семантическая формула имеет вид ‘объект X и связанные с ним люди’ (ср. также типологически распространенную конструкцию Топоним_X-Pl со значением ‘люди, проживающие в X’; подробнее см. ниже). На мой взгляд, эффективно отличить такие формы от других форм неличных ассоциативов, таких как ‘верхний мельничный жернов’-Du со значением ‘верхний и нижний мельничный жернова’ невозможно.

Таким образом, все перечисленные выше формы с неличной референцией должны либо вместе исключаться из типологического инвентаря форм ассоциативной множественности (и тогда принцип однородности становится тавтологичным, так как остаются только личные ассоциативы, которые очевидно семантически однородны в том смысле, что все их референты личны); либо считаться разновидностью ассоциативов, и тогда принцип однородности теряет абсолютный характер.

Предлагаемый в данной работе подход ориентируется на референциальную структуру словоформы (а не на ее семантику); поэтому, естественно, я считаю предпочтительным вторую альтернативу. Чтобы подчеркнуть семантические отличия неличных ассоциативов от прототипической ассоциативности, я предлагаю называть их квазиассоциативами.

7.4. Общая vs. частная референция ассоциатива родства

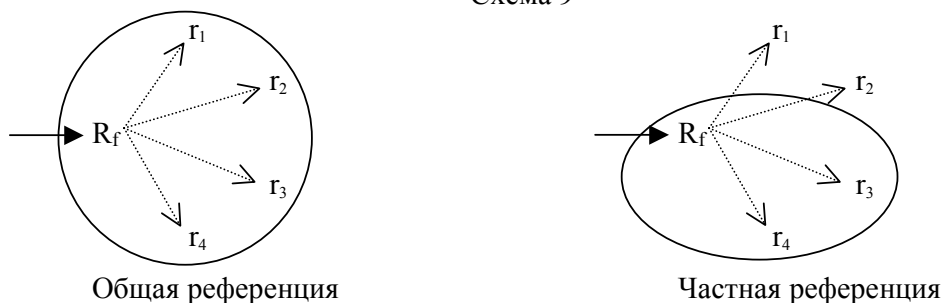
Значение ассоциативов родства было выше определено как замкнутая родственная совокупность проживающих вместе людей – ядерная семья, расширенная семья, род и т.д. Было сказано, что (в отличие от коррелятивных форм терминов родства) ассоциативы родства всегда включают всех проживающих вместе родственников.

Несмотря на это, багвалинские информанты вполне допускают, что в предложении:

Saʕit-āri bēr
Саид-PL пришли

речь идет не о всей семье Саида, но лишь о части ее представителей – например, Саиде и его сыновьях. Попробуем разобраться, противоречит ли это утверждению о максимальной обозначаемой родственной совокупности.

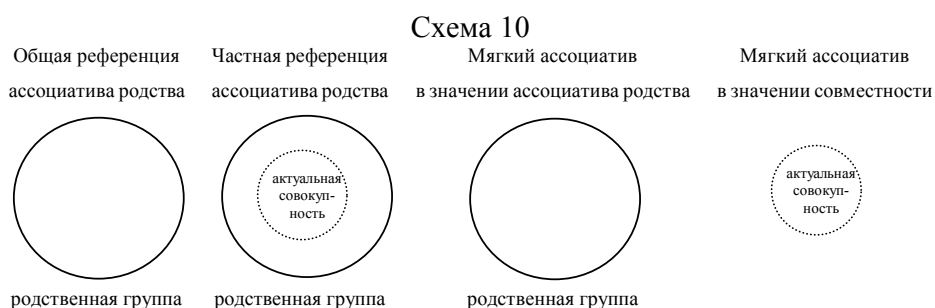
Схема 9



Отмечу для начала, что несмотря на то, что в данном примере речь идет об актуальной совокупности, багвалинская форма на *-āri* является именно ассоциативом родства, а не мягким ассоциативом, так как референция формы *Saṣīt-āri* может включать лишь родственников Саида, но не любых его спутников, то есть в данном контексте мы имеем дело с ассоциативом родства, обозначающим актуальную совокупность людей. Иначе говоря, багвалинский ассоциатив родства может иметь как общую референцию – вся семья X-а, так и частную референцию – на часть семьи X-а, которая в настоящий момент образует актуальную совокупность.

Таким образом, общая референция ассоциатива родства – это референция на совокупность семейного типа в полном ее объеме, а частная ассоциативность – это референция на часть такой совокупности, актуализованной в данной ситуации; ассоциатив родства находится в режиме частной референции в тех контекстах, где он обозначает актуальную совокупность.

Именно поэтому противопоставление общей и частной референции существенно только для ассоциативов родства (и, возможно, групповых ассоциативов), но для мягких ассоциативов. Мягкие ассоциативы сами по себе могут обозначать актуальные совокупности, так что мягкий ассоциатив в значении ‘X вместе с некоторыми из его родственников’ может считаться значением совместности мягкого ассоциатива.



Данными, позволяющими говорить о возможности или невозможности частной референции формы ассоциатива родства в других языках, я не располагаю, но поскольку в грамматиках наиболее часто встречаются примеры на употребление ассоциативов родства с общей референцией (‘дом семьи X-а’, ‘территория семьи X-а’ и т.д.), теоретически нельзя исключить возможность таких ассоциативов родства, которые вообще не допускают частной референции. Поэтому я считаю допустимость

ассоциативов родства с частной референцией одним из типологических параметров ассоциативов родства (возможно, также групповых ассоциативов).

7.5. Ассоциатив как именная группа

Самым ярким синтаксическим свойством ассоциативной формы является его неспособность служить вершиной распространенной именной группы. В четырех языках, с носителями которых я имел возможность работать, ассоциатив не может присоединять прилагательных или квантификаторов. Так, если татарская форма *ahmet-ler* может значить и ‘Ахметы’, и ‘Ахмет и его группа’, то сочетании с коллективной формой числительного *ahmet-ler ikew* значит уже только ‘два Ахмета вместе’ (обычная форма числительного сочетается в татарском языке только с формой множественного числа; именная группа *iki ahmet* тоже значит только ‘два Ахмета’, но не ‘Ахмет и еще один человек’).

Это свойство ассоциатива поддерживает проведенную выше аналогию ассоциатива с именем собственным. Действительно, имя собственное плохо присоединяет определения потому, что оно, в модели мира говорящего, устойчиво ассоциировано в сознании адресата с единственным референтом; ассоциатив обозначает группу лиц, в модели мира говорящего столь же устойчиво ассоциирующуюся в сознании адресата с фокусным референтом, и потому также не нуждается ни в какой дополнительной детерминации, качественной или количественной.

8. Явления, смежные с ассоциативностью

Целый ряд конструкций оказывается функционально близок к ассоциативности, но по некоторым важным параметрам отличным от нее. В данном разделе я опишу некоторые из них.

8.1. Классификаторные формы терминов родства

В языке пулар-фульфульде (западно-атлантический < нигер-конго) [данные получены от аспиранта ИЯ РАН, г-на Абдулая Ба] форма *baaba-'en* (*baaba* ‘отец’; суффикс *-'en* – один из способов выражения множественного числа) обозначает не ‘отцы’, как этого можно было бы ожидать, а ‘отец и его братья’. Более того, сама основа *baaba* в ряде случаев значит не ‘отец’, а ‘брат отца’.

Про формы такого рода этнологи традиционно считают, что их значение отражает скорее социальную классификацию, чем отношения генетического родства. Иначе говоря, значение термина родства X (например, *baaba*) предлагается описывать не как 'состоящий к эго в отношении родства P' (в данном случае 'отец или брат отца'), а как 'принадлежащий к классу K', где класс K состоит из отца и братьев отца эго. Сама система терминов родства отражает в таком случае не генетические отношения между индивидуумом эго и индивидуумом не-эго, а отношения между соответствующими тем или иным терминам социальными классами, определенными относительно эго.

Это утверждение подкрепляется наблюдением, что класс K часто включает лиц, не находящихся к эго в отношении родства. (Строго говоря, отношениями родства целесообразно называть не любые генетические отношения, а те из них, которые «социализированы», то есть осознаются и прослеживаются самим эго и релевантны для данной культуры; речь идет об отсутствии отношений именно такого рода.) Так, если этнос разделен на две патрилинейные экзогамные группы G, то соответствующий термину родства P класс K_p может включать всех женщин противоположной эго экзогамной группы G-ego, принадлежащих поколению эго матери (включая мать эго), вне зависимости от того, принадлежат ли эти женщины одной семье или разным семьям, составляющим экзогамную группу G-ego. Термины родства в таких системах называют классификаторными.

Логически развивая этот подход, этнографы приходят к выводу о том, что термины родства в строгом смысле этого слова в таких культурах вообще отсутствуют; их роль выполняют термины, обозначающие социальные классы (подробнее см., например, в [Шеффлер, Лонсбери 1971]). Нетрудно заметить, что эта модель базируется на предположении о полном тождестве отношений означивания, связывающих, например, термин *baaba* 'отец, брат отца' с его возможными референтами; то есть, как слово *стол* может обозначать как письменный, так и обеденный стол, так и слово *baaba* может обозначать как того FFS (=father's father's son), который является отцом эго, так и того FFS, который является братом отца эго. (Толкование 'отец или брат отца', с точки зрения этого подхода неадекватно отражает структуру значения данного термина; точнее пользоваться несколько парадоксальным толкованием 'сын отца отца' – в традиционной антропологической номенклатуре FFS.)

С другой стороны, некоторые исследователи предлагают иную модель классификаторных терминологий родства. Русский термин родства *дедушка* может употребляться по отношению не только к родственнику, но и к незнакомому человеку, возраст которого заметно превышает возраст говорящего (в первую очередь, в качестве апеллятива); такое употребление предлагается считать экспансией термина родства от прототипа – собственно обозначения родственных отношений – в сферу социальной номенклатуры. Сходный процесс, по мнению этих исследователей, имеет место и в случаях классификаторных терминов родства: прототипом пулар-фульфульдского *baaba* является F (father), а значение FB (father's brother) он получает в результате расширения первичного значения.

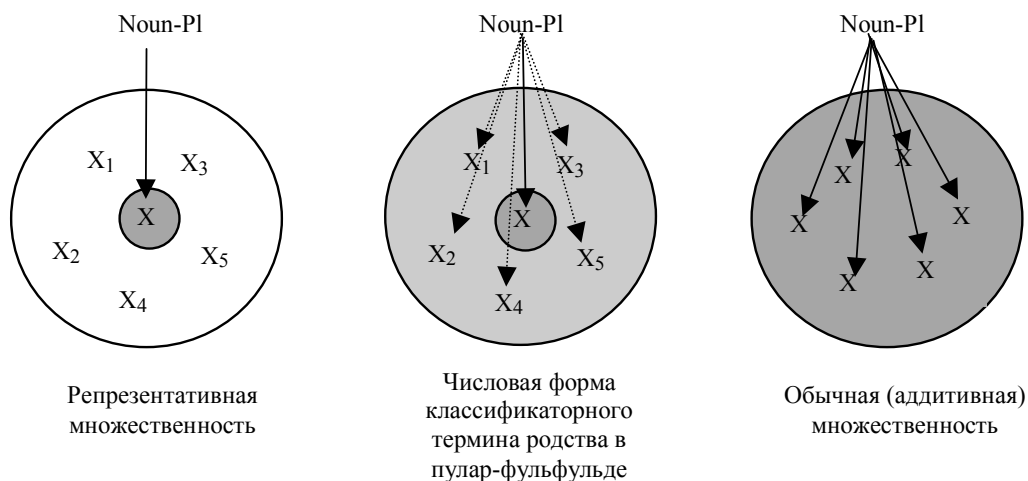
Отмечу, что в рамках данного подхода специфика классификаторных терминологий родства сводится не столько к лексической специфике терминов родства (как в случае первого подхода, приписывающего классификаторность термину родства как лексеме), сколько к особенностям семантики форм множественного числа от этих терминов. Поэтому я, являясь сторонником второго подхода, буду говорить не о классификаторных терминах родства, а о формах классификаторной множественности терминов родства.

При оценке этой модели следует различать два уровня рассмотрения – уровень социальных установок и собственно лингвистический уровень терминологии родства (подробнее об этой дискуссии см. в [Шеффлер, Лонсбери 1971]).

Несомненно, что в абсолютном большинстве, если не во всех культурах мира, социальные установки, характеризующие отношение эго к его генетическому отцу хотя бы отчасти отличаются от социальных установок, характеризующих отношение эго к любому другому члену социума. Возможно, это было одним из основных аргументов сторонников применений правил расширения. Не следует забывать, однако, что терминология родства не является прямым и однозначным отражением социальных установок, характерных для анализируемой культуры; аргументы в пользу этой модели или против нее должны носить лингвистический характер.

Оказывается, такие аргументы легко доступны. В пулар-фульфульде на интерпретацию основы *baaba*- как 'брат отца' накладываются отчетливые ограничения. Так, форма *baaba-m* ('отец'-1SgPoss) в отсутствие имени собственного понимается исключительно как 'мой отец'; для того, чтобы референтом этой формы стал брат отца,

необходимо употребить его имя собственное: *baaba-m Ifraq* ‘мой дядя Ибрагим’. Можно сказать, что генетический отец является прототипическим референтом основы *baaba*, а брат отца может становиться ее референтом лишь в том случае, когда прототипическая интерпретация специально преодолевается (добавление имени собственного) или маловероятна (форма множественного числа). Здесь нетрудно усмотреть аналогию с репрезентативной множественностью; см. схему:



Действительно, если в случае аддитивной множественности все референты формы множественного числа Noun-PL могут быть референтами формы Noun(-SG), а в случае репрезентативной множественности лишь один из референтов формы Noun-PL может быть референтом формы Noun(-SG), то в случае словоформы *baaba'en* на референцию формы единственного числа *baaba* один из референтов формы множественного числа претендует прежде всего X, а другие референты ($X_1, X_2 \dots$) – могут становиться референтами формы *baaba* лишь при определенных условиях, исключающих или уменьшающих возможность референции к X-у. С точки зрения структуры множественной референции, форма множественного числа классификаторного термина родства в пулар-фульфульде является промежуточной между формами аддитивной и репрезентативной множественности.

Сближение с репрезентативной множественностью, по крайней мере для пулар-фульфульде, подтверждается формально – личные имена нарицательные, в том числе и термины родства, образуют в этом языке две формы множественности; регулярную форму лично-множественного класса [BE], и «внесистемную» форму на *-en*

(подробнее см. [Коваль 1997]). Регулярная форма множественного числа *baab-irabe* имеет значения ‘отцы’ (дистрибутивное) и ‘пожилые люди’ (множественное число от значения *baaba* ‘старик’, являющегося социальной проекцией значения *baaba* ‘отец’). С другой стороны, форма *baaba-'en* имеет чисто ассоциативные значения ‘отец и его семья’, ‘отец и его друзья’ и классификаторное значение ‘отец и его братья’. Таким образом, значение классификаторной множественности из двух способов выражения – аддитивного показателя класса [BE] и ассоциативного показателя –'en – избирает последний, что можно считать индикатором репрезентативного характера референции обеих форм.

В **суахили** (банту) морфологическая ассоциативность отсутствует; форма классификаторной множественности совпадает со стандартной (аддитивной) формой множественности – форма лично-множественного класса лексемы ‘отец’ значит ‘отец и его братья’. При этом мой информант не смог придумать никакого контекста, в котором форма единственного числа того же слова обозначала бы брата отца. Иначе говоря, в отличие от пулар-фульфульде, в котором формы классификаторной множественности занимают промежуточное положение между ассоциативной и репрезентативной множественностью, суахилийская форма множественного числа от слова ‘отец’ является «чистой» формой репрезентативной множественности.

К какому семантическому подтипу репрезентативной множественности относится классификаторная множественность? Очевидны черты, сближающие ее с ассоциативностью: прежде всего, формы классификаторной множественности обозначают родственную совокупность (прототипическое значение ассоциативной формы).

Для ассоциативности, как я определил ее выше, характерна идентификация группы лиц по доминанте этой группы – лицу, с точки зрения говорящего (или эго) занимающему в группе выделенное положение. Для обозначаемых формами классификаторной множественности совокупностей. Наличие социальных установок эго, выделяющих эксплицированного референта по отношению к другим элементам обозначаемых формами классификаторной множественности совокупностей, также не вызывает сомнения.

Антропологическая традиция утверждает, однако, что числовые формы классификаторных терминов родства являются не столько средствами идентификации

группы по одному из ее членов (ассоциативность), сколько обозначениями социальных классов, вхождение в которые того или иного конкретного лица менее существенно, чем те отношения, в которых этот класс состоит с эго и с другими социальными классами. Классификаторная форма множественности не значит 'мой родственник Р и его группа', а является номинацией группы в целом, без фокусирования внимания адресата на той роли, которую в данной группе играет родственник Р.

Доминанция Р в классе K_R , «зашитая» в структуру референции формы классификаторной множественности, перестает быть коммуникативным фактором. Подобно этому, употребление местоимения *мы*, в структуру которого, как мы увидим далее, «зашито» представление о доминанции говорящего в любой личной совокупности, в конкретных коммуникативных актах не отражает этой доминанции (см. главы 2 и 3).

Одним из способов проверки тезиса о коммуникативной однородности референции классификаторных форм множественности может являться следующий тест. Очевидно, что если референт основы не является коммуникативной доминантой обозначаемой формой совокупности (т.е. если форма, например, *baaba'en* описывает класс родственников, состоящий из отца и его братьев, при этом никак не выделяя отца в коммуникативном плане), то в актуальных контекстах такая форма может с равной степенью вероятности обозначать любое подмножество этого класса – как такое, которое включает эксплицированный референт ('отец и некоторые из его братьев'), так и такое, которое его не включает ('некоторые из братьев отца'). Если обе интерпретации равноценны, мы получаем аргумент против функционального сближения классификаторной множественности с ассоциативностью (и, следовательно, аргумент в пользу выделения специального классификаторного типа репрезентативности); если возможна (или по крайней мере предпочтительна) только первая интерпретация, мы получаем аргумент в пользу такого сближения.

Отмечу, что отнесение классификаторной множественности к ассоциативности заставило бы нас, помимо прочего, пересмотреть роль признака пространственной смежности. Выше было сказано, что формы ассоциативов родства (на сближение с которыми претендует классификаторная множественность) обозначают группы, состоящие

(а) из всех проживающих вместе лиц; и

(б) только из таких лиц.

Очевидно, что класс ‘отец и его братья’ не удовлетворяет условию (а) и может противоречить условию (б); в этом отношении он ближе к классификаторным формам терминов родства (см. следующий раздел).

8.2. Коррелятивные формы терминов родства

В некоторых языках мира засвидетельствованы так называемые kinship duals (kinship plurals, kinship collectives). Ср., например, **фиджийскую** форму *vei-tama-ni* ‘отец (отцы) и сын (сыновья)’, образованную от основы *-tama* ‘отец’ с помощью циркумфикса *vei- -ni* [Dixon 1988: 176-177]. Основа таких форм является термином родства Р, а форма в целом обозначает группу лиц, связанных между собой отношением родства Р. Формы такой структуры лучше всего изучены в австронезийских языках, но обнаруживаются они и в древнеисландском [Кацнельсон 1949], в уральских [Хайду 1975] языках; в тунгусо-маньчжурских [Суник 1982: 118]; в тюркских [Исхаков, Пальмбах 1961: 171-172]; в **имбабура кечуа** [Коул 1982] и, вероятно, во многих других языках (обзорные работы, систематизирующие ареальное и генетическое распространение таких форм, мне неизвестны). В дальнейшем я буду называть формы этого типа коррелятивными формами терминов родства.

Отношение родства имеет два полюса, каждый из которых обозначается отдельным термином родства. Некоторые отношения могут концептуализироваться языком как симметричные – тогда оба полюса называются одним термином родства: например, в русском языке отношение ‘быть братьями’ (или, что то же самое, отношение ‘старший брат’ ~ ‘младший брат’) не принимает в расчет возрастную разницу и концептуализируется как симметричное. Большинство отношений родства в языке, однако, являются несимметричными. В качестве основы коррелятивной формы термина родства выступает термин, называющий один из полюсов. Выбор того, какой из двух терминов использовать, чаще всего определяется соотносительной иерархией в системе родства: для отношения ‘отец’ ~ ‘ребенок’ этим термином оказывается ‘отец’, для отношения ‘мать’ ~ ‘ребенок’ – термин ‘мать’, для отношения ‘брат матери’ ~ ‘сын сестры’ – ‘брат матери’.

Очевидно, коррелятивные формы терминов родства удовлетворяют определению форм репрезентативной множественности: основа формы референтна лишь на один из полюсов отношения родства X, в то время как форма в целом референтна на

совокупность обоих полюсов. Некоторые черты сближают коррелятивные формы с ассоциативами:

а) форма референтна на группу лиц, связанных между собой устойчивым отношением;

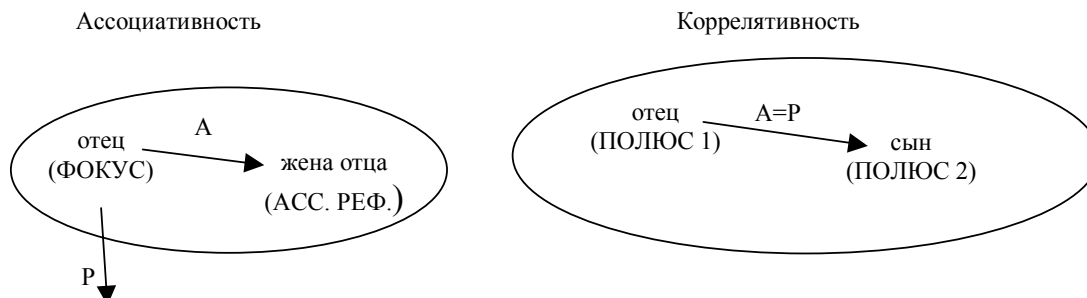
б) и в случае ассоциативов, и в случае коррелятивных форм терминов родства в качестве группообразующего отношения выступает отношение родства (в первом случае – чаще всего, во втором – по определению всегда);

в) как и в случае ассоциативной формы, эксплицируемый референт коррелятивной формы термина родства является доминантой в пределах обозначаемой совокупности;

С другой стороны, существуют важные аргументы в пользу различия категории коррелятивности (у терминов родства) и категории ассоциативности (у личных имен в целом) на функциональном уровне.

а) Выше я определил ассоциативность как способ идентификации группы по одному из ее членов – именная основа задает точку отсчета (фокусный референт), а показатель ассоциативности активизирует отношение ассоциации. Коррелятивные формы терминов родства устроены иначе. Хотя основа термина родства референтна лишь на одно лицо, семантика термина родства уже реляционна – в нее заложено отношение между двумя (или более) лицами. Таким образом, показатель категории коррелятивности лишь актуализирует отношение ассоциации, уже заложенное в семантику термина родства.

Для того, чтобы продемонстрировать различие между коррелятивностью и ассоциативностью, рассмотрим пример образования форм ассоциатива и коррелятива от одного и того же термина родства – лексемы ‘отец’. Ср. следующую схему, где Р – определенное термином родства отношение родства, а А – отношение ассоциации, связывающее члены обозначаемой совокупности:



актуализированный
референт, точка отсчета
(ПОЛЮС 2)

Принципиальные различия в функционировании образованных от термина родства форм ассоциативов и коррелятивов коренятся в том, что в случае ассоциатива группообразующее отношение А не совпадает с отношением Р, определяемым термином родства и поэтому остается свободным, а в случае коррелятива они совпадают.

Действительно, выше мы определили форму ассоциатива как форму идентификации группы по имени одного из ее членов. Сам этот член, однако, должен быть автоматически идентифицируем. В случае имени собственного такая идентификация тривиальна и опирается на презумпцию единственности референта имени собственного. В случае же термина родства идентификация возможна через точку отсчета – лицо, связанное с фокусным референтом отношением родства Р. При этом специфика ассоциативных форм такова, что ассоциированный референт не может быть более актуализированным, чем фокусный референт; в последнем случае форма ассоциатива для номинации группы вообще не была бы употреблена. Таким образом у ассоциативов от терминов родства (в отличие от коррелятивов) второй полюс отношения родства всегда лежит вне обозначаемой группы лиц.

У коррелятивов, напротив, второй полюс отношения родства по определению всегда принадлежит к обозначаемой формой коррелятива группе лиц и поэтому такие формы оказываются неудобным способом идентификации группы. Первичной функцией коррелятивных форм терминов родства является характеристика группы; коррелятивы используются (может быть, даже предпочтительно) в предикативной позиции, где они, собственно, обозначают не группу лиц, а именно связывающее их отношение (в контекстах со значением ‘Эти двое – отец и сын’). Впрочем, коррелятивы мыслимы и в не предикативной позиции – например, при характеристике отношения между ранее актуализированными референтами (‘Они, отец и сын, отправились в путь’). В этой связи кажется перспективным исследование, во-первых, синтаксического статуса (аргументного vs. предикативного) коррелятивных форм терминов родства и, во-вторых, исследование поведения терминов родства в предикативной позиции.

Возможно, специальные конструкции для выражения коррелятивности в предикативной позиции распространены шире, чем принято считать. Так, при работе с носителем пекинского китайского удалось установить, что в китайском языке существует синтаксический функциональный аналог морфологических коррелятивов – в предикативной позиции китайские симметричные термины родства (отец ~ сын, сестра ~ брат) обнаруживают способность к бессоюзному сочинению (можно считать такие сочетания композитами).

б) Ассоциативы и коррелятивы обнаруживают серьезные расхождения и в сфере семантической типологии этих форм. Для ассоциативности центральной является идея пространственно-временной смежности членов группы, поэтому в качестве вариантов группы по родству выступает ядерная или расширенная семья, то есть совокупность совместно проживающих родственников. В случае коррелятивов необходимым и достаточным условием является наличие между членами обозначаемой группы определенного отношения родства, поэтому в качестве группы могут выступать как подгруппа пространственно-временной совокупности (брат и сестра), так и множества, пересекающие границы такой совокупности (например, брат матери и сын сестры в патрилинейном обществе, где они относятся к разным родам). Более того, форма коррелятива не может обозначать целостную пространственно-временную совокупность, так как любая такая совокупность включает более чем одно отношение родства. (Исключение составляют ассоциативные формы терминов родства по восходящей линии, имеющие формулу ‘X и его супруг(а)’.) Так, форма коррелятива от лексемы со значением ‘брат матери’ будет значить ‘двое, X и сын сестры X-а’, и это значение не может быть передано ассоциативом, а форма ассоциатива от той же лексемы – ‘семья брата матери’, и это значение не может быть передано коррелятивом.

в) Если семантику ассоциативной формы можно схематически записать как ‘X и связанные с ним лица’, то семантическая формула коррелятивности выглядит иначе – ‘лица, связанные отношением родства P’. Из этого различия в семантике вытекают два следствия. Во-первых, число эксплицированных референтов коррелятивной формы может быть произвольно большим (Диксон толкует приведенную выше форму *vei-tata-ni* как ‘отец и сын’, или ‘отцы (классификаторные) и сын’, или ‘отец и сыновья’, или ‘отцы и сыновья’). У ассоциатива, напротив, эксплицированный референт всегда (насколько мне известно) один. Во-вторых, как и в случае классификаторного термина

родства, доминация эксплицированного референта не является составляющей коммуникативного акта.

г) Вышесказанное подкрепляется одним формальным наблюдением: если ассоциативность в большей части языков мира выражается показателем, также используемым для выражения аддитивной множественности, то коррелятивная форма терминов родства с помощью этого показателя не образуется. Единственное известное мне исключение – татарская форма (мишарский диалект) структуры *bertuŷan-nar* ‘брат’-Pl со значением ‘брат и сестра’.

8.3. Симилятивная репрезентативность

Одним из типологически распространенных семантических вариантов репрезентативности является симилятивность – категория, значение которой может быть определено как ‘и ему подобные’. Примером может служить **вьетнамская** ИГ *những A-ra-gông* ‘Арагон и подобные ему писатели’ [Панфилов 1993, стр. 123-124], где элемент *những* – личный квантификатор.

В лингвистической литературе широко известны редуцированные симилятивы, в том числе так называемые слова-эхо (правосторонняя редупликация с изменением одной или нескольких начальных фонем). Такой способ выражения, однако, не является единственно возможным – в багвалинском (аваро-андийский < нахско-дагестанский) это значение выражается композиционально, соположением двух семантически однородных лексем; в сахаптинском языке **нез персе** (Северная Америка) это же значение выражается суффиксально [Аоки, Уокер 1988], а в японском и турецком [Кононов 1956] такое значение отмечается у показателя множественного числа. Ср., например, багвалинский пример:

hat'	raZ	b=i['a=b=o	ek@
мука	чеснок	N=заканчиваться=N=CONV	есть

Вся еда закончилась [Кибрик, в печати]

(Багвалинский пример интересен тем, что эксплицированы два элемента обозначаемого класса, причем каждый из этих элементов эксплицирован отдельной основой, что в принципе сближает такие конструкции с сочинительными. С другой

стороны, имеют место и неэксплицированные референты, и конструкция в целом носит несомненно репрезентативный характер.)

Эксплицированный референт формы симилятива является наиболее характерным или значимым представителем обозначаемого симилятивом класса объектов; в каком то смысле он выступает в качестве гиперонима этого класса.

С другой стороны, множество объектов, на которое референтен симилятив не замкнуто, что принципиально отличает его от ассоциатива. В отличие от ассоциатива, симилятив обозначает не совокупность конкретных объектов, а их обобщение, общее понятие, построенное на основе прототипа. На первом плане для формы симилятивной репрезентативности находится не отношение пространственной смежности, а отношение подобия между объединенными в обозначаемый класс объектами.

8.4. Ассоциативные модели в терминологии

Определенные черты сходства с ассоциативностью имеет зоологическая и ботаническая номенклатура. Действительно, для обозначения семейств в биологии часто используется форма множественного числа имени одного из видов. Наиболее хорошо освоен русским языком термин *кошки* (наряду с также обладающим чертами ассоциативности термином *кошачьи*) – например, *Все кошки обладают способностью тягивать когти*.

Следует принимать во внимание, что форма единственного числа такого термина в принципе может обозначать не только кошку, но и другой вид кошачьих – например, *Лев – тоже кошка, хотя и большая*, так что термин *кошки* можно было бы считать и формой аддитивной множественности. Однако, по крайней мере в естественном языке, форма единственного числа *кошка* скорее тяготеет к конкретному виду – собственно кошкам, так что собственно кошек (*felis catus*) можно считать прототипическим референтом термина *кошка*, что делает ситуацию с названиями семейств близкой к случаю классификаторных терминов родства.

8.5. Семантические нейтрализации

Если опираться на формальный критерий определения ассоциативности как такой формы основы, которая обозначает совокупность объектов, только один из которых может быть назван основой в форме единственного числа, то к числу ассоциативов можно также отнести случаи типа русского *родители*. Действительно, эта форма,

очевидно, является формой множественного числа от лексемы *родитель* ('отец'), но референция ее включает также и мать эго. Представляется, однако, что сходство ограничивается формальной стороной дела. Можно сказать, что в референцию формы *родители* может включаться как референт формы единственного числа *родитель*, так и референт формы единственного числа морфологического деривата этой лексемы, лексемы *родительница*. Иными словами, в форме множественного числа происходит нейтрализация семантической категории пола, выражаемой в формах единственного числа морфологической деривацией. Нейтрализация такого рода характерна вообще для пар существительных, связанных отношением морфологической деривации *крестьянин – крестьянка – крестьяне; ученик – ученица – ученики; поэт – поэтесса – поэтессы; герой – героиня – герои*; но если при этом деривация выражает, помимо пола, еще какое-то значение, нейтрализация невозможна – форма *солдаты* не может значить 'солдат и солдатка'. Тем более нейтрализация невозможна, если у существительного, допускающего только референт мужского пола, нет морфологического деривата с референтом женского пола; так, референция словоформ *отцы, братья, мясники* не может включать лиц женского пола. Обязательность наличия морфологического деривата говорит о том, что мы имеем дело с феноменом скорее морфологической, чем референциальной природы, так что поиски мотивирующего этот феномен значения могут оказаться безрезультатными. Так, например, в отличие от испанского ассоциатива *mis padres* 'мои родители', референты формы *родители* вообще говоря могут быть родителями разных эго, то есть центральный элемент значения ассоциативности – представление о референтах формы ассоциатива как о совокупности объектов – в случае форм с нейтрализацией по семантической категории пола отсутствует. Типологическими данными по формам множественного числа с семантической нейтрализацией по признаку пола я не располагаю.

8.6. Коллективная множественность

Еще одним явлением, обладающим чертами сходства с ассоциативностью, является коллективная множественность. Общим является то, что и ассоциатив, и форма коллективной множественности обозначают совокупность тесно связанных между собой объектов, то есть и для ассоциативности, и для коллективности характерна пространственная, функциональная, социальная или иная смежность элементов множества. Более того, в случае личных имен формы коллективной и ассоциативной

множественности оказываются функционально тождественными – во многих языках форма ассоциатива от индивидуального имени собственного обозначает то же самое, что форма коллективной множественности (или форма аддитивной множественности с семантикой коллективной множественности) от родового имени (фамилии). Ср. следующие багвалинскую и русскую словоформу:

Схема 11

sa>it-āri	Саидов-ы
[индивидуальное имя собственное] –PL	[фамилия]-PL
‘семья Саида’	‘семья Саидовых’

Несмотря на важный общий семантический компонент, форма коллективной множественности не имеет никакого отношения к феномену ассоциативности как к особому способу номинации группы. Действительно, по способу номинации форма коллективной множественности является аддитивной, так как в форме коллективной множественности основа существительного референтна на все члены обозначаемой совокупности. Таким образом, коллективная множественность – исключительно семантическая категория, содержанием которой является наличие между заданным множеством объектов отношений смежности того или иного рода. Семантический компонент коллективности в формах ассоциатива является одним из возможных способов комплектации референции репрезентативной формы; как мы видели выше, в некоторых случаях ассоциативом целесообразно признать форму, не имеющую отношения к личной или иной коллективности.

С определенными оговорками можно сказать, что ассоциативность и коллективность являются функционально близкими типами референциально различных типов множественности (репрезентативной и аддитивной, соответственно).

Различия в структуре референции ассоциативов и форм коллективной множественности приводят к важным различиям в их семантике. Ассоциатив эксплицирует лишь один из референтов, оставляя другие референты неэксплицированными; это свойства ассоциатива естественно коррелирует с неравномерным распределением коммуникативной значимости по референтам формы ассоциатива: эксплицированный референт доминирует над неэксплицированными. Форма коллективной множественности, как и другие типы аддитивной

множественности, в равной степени эксплицирует каждый из своих референтов; поэтому, в отличие от ассоциативов, референция такой формы коммуникативно однородна.

Формы коллективной множественности в принципе могут образовываться от любых предметных имен, так как такие формы называют все входящие в совокупность объекты и сигнализируют наличие между ними отношения смежности. Ассоциативы же эксплицитно называют лишь один объект, предлагая адресату самому определять, какие еще объекты входят в совокупность, то есть апеллируют к наличию у этого объекта отношений смежности с другими объектами. Поэтому формы ассоциатива могут образовываться лишь от имен объектов, наличие у которых таких отношений уже входит в модель мира адресата – в первую очередь, имен лиц, а формы коллективной множественности – как от личных, так и от неличных имен.

9. Типология ограничений на образование форм ассоциативной множественности

В настоящем разделе обсуждаются факторы, контролирующие возможность образования форм с ассоциативной референцией.

Выше, обсуждая формальную типологию ассоциативности (раздел 4), я провел различие между показателями (или конструкциями), употребление которых заведомо предполагает ассоциативную референцию словоформы (или именной группы), и показателями (конструкциями), употребление которых лишь в части случаев приводит к ассоциативной интерпретации, а в других случаях выполняет иные функции. Нам предстоит ответить на два вопроса:

Во-первых, какова типология лексической дистрибуции собственно ассоциативных показателей: к каким лексическим классам основ ассоциативный показатель присоединяется, а к каким – нет.

Во-вторых, каковы правила интерпретации несобственно ассоциативных показателей, кодирование ассоциативной референции которыми является лишь одной из их функций – то есть, в каких контекстах (в том числе, при каких лексемах) такие показатели получают ассоциативную интерпретацию.

Вообще говоря, априори неочевидно, что отвечать на эти вопросы следует по отдельности. Легко допустить, что в типологической перспективе возможность

присоединять собственно ассоциативный показатель контролируется точно теми же факторами, что и появление у того или иного несобственно ассоциативного показателя ассоциативной интерпретации. И, насколько можно судить, исследователи, ранее занимавшиеся ассоциативами, не увязывали решение вопроса о дистрибуции ассоциативов со формальным типом ассоциативной формы.

9.1. Функциональная гипотеза

Одним из самых очевидных решений данной проблемы является идея корреляции возможности образования ассоциативной формы с так называемой иерархией одушевленности – ассоциативы образуются от «более одушевленных» и не образуются от «менее одушевленных» субстантивных лексем. Кратко поясню, о чем идет речь.

9.1.1. Иерархия одушевленности

Исследование разного рода грамматических феноменов позволило сделать вывод о том, что целый ряд лингвистических явлений в области синтаксиса и морфологии имени чувствителен к определенному виду лексической классификации субстантивов. На настоящий момент выделены следующие типологически релевантные лексические классы субстантивов: личные местоимения, имена родства, имена лиц, названия животных, названия индивидуальных неодушевленных объектов, имена веществ. Некоторые исследователи выделяют в качестве особых классов имена собственные и проводят более дробную классификацию местоимений; подробнее см. [Комри 1981].

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ > ИМ. СОБСТВЕННЫЕ > ИМ. РОДСТВА > ИМ. ЛИЦ > ИМ. ОДУШЕВЛ. > ИМ. НЕОДУШЕВЛ. ОБЪЕКТОВ > ИМ. ВЕЩЕСТВ.

Набор выделяемых классов упорядочен таким образом, что в каждом языке каждое чувствительное к этой классификации явление дифференцирует эти классы следующим образом: классы, единообразно взаимодействующие с этим явлением, образуют непрерывные совокупности классов. Иначе говоря, если феномен P имеет характеристику C на классах K_i и K_j и $i < j$, то он имеет ту же характеристику C на любом классе K_n , где $i < n < j$. Часто делают еще более сильное утверждение: если категория характерна для субстантивов класса K_i , то она же характерна для субстантивов всех классов K_n , где $n > i$. Иначе говоря, «более одушевленное имя» не может не различать категориальных значений, различаемых «менее одушевленным именем».

Опирающиеся на иерархию этого вида типологические модели предложены для так называемой расщепленной эргативности (split ergativity), дифференцированного

маркирования прямого дополнения [Боссонг 1998], числового маркирования [Смит-Старк 1974] и пр. Приведенная шкала получила широкую известность под именем шкала одушевленности (или иерархия одушевленности); впрочем, ряд исследователей, таких как Ж. Лазард [Лазар 1998], справедливо указывая на то, что неясно, чем именно, например, имена родства «более одушевленны», чем остальные имена лиц, или чем имена веществ «менее одушевленны», чем названия неодушевленных предметов, предпочитают использовать другие термины (шкала индивидуированности, шкала ингерентных свойств и др.) Признавая справедливость терминологических возражений, ниже я буду использовать более традиционный термин.

Для дальнейшего необходимо также кратко очертить предположительную когнитивную мотивацию иерархии одушевленности. Корреляцию той или иной категории с иерархией одушевленности естественно объяснять следующим образом. Предполагается, что позиция субстантива на иерархии одушевленности отражает позицию, занимаемую в языковой модели мира его референтом – чем выше позиция референта, тем выше находится субстантив. События, происходящие с лицом, важнее для говорящего, чем события, происходящие с не-лицом, события, происходящие с одушевленным объектом, важнее, чем события, происходящие с неодушевленным предметом, и т.д. Кроме того, чем важнее объект действительности, тем важнее говорящему выразить различные связанные с ним смыслы; поэтому различение той или иной семантической категории характернее для субстантивов, расположенных выше на иерархии одушевленности, чем для субстантивов, расположенных ниже на иерархии одушевленности. Так, количественная характеристика одушевленных объектов важнее, чем количественная характеристика неодушевленных объектов, поэтому число у одушевленных имен различается чаще, чем число у неодушевленных имен.

9.1.2. Иерархия одушевленности и ассоциативность

Нельзя не признать, что гипотеза корреляции возможности образования ассоциатива со шкалой одушевленности выглядит очень привлекательно. Действительно, один из самых ярких фактов типологии ассоциативности – ограниченность возможности образования ассоциативных форм именами собственными (здесь и далее в настоящем разделе под именами собственными я имею в виду индивидуальные имена собственные и исключаю из рассмотрения патронимы, фамилия и иные «неиндивидуальные» элементы антропонимической модели) и именами родства, иногда также

нарицательными именами лиц, при почти полном отсутствии ассоциативных форм у неличных имен. Еще одним аргументом в пользу этой гипотезы является репрезентативный характер референции личных местоимений множественного числа ('Х и другие', действительно, очень схоже, например, с 'мы' = 'говорящий и другие'). Так как многие исследователи помещают личные местоимения в вершину иерархии одушевленности, непосредственно перед именами собственными, все ассоциативы оказываются принадлежащими к одному и тому же участку шкалы одушевленности.

9.1.3. Анализ Митун и Корбетта

Данная гипотеза подробно обсуждается в работе [Корбетт, Митун 1996]. Авторы базируют свою работу на принципе расщепленной множественности (split plurality), сформулированном в работе [Смит-Старк 1974]. Принцип гласит, что образование той или иной числовой формы (множественного, двойственного числа и т.д.) контролируется иерархией одушевленности – если противопоставление двух значений категории числа имеет место у лексем класса К, то это же противопоставление имеет место и у лексем всех классов, расположенных выше класса К на иерархии одушевленности. Например, если формы множественного числа существуют у имен, то они же существуют и у местоимений.

С другой стороны, говорят авторы, ассоциативная и аддитивная множественность не различаются в формах местоимений (т.е., например, 'вы'₁ = 'ты + ты + ... + ты' формально совпадает с 'вы'₂ = 'ты + он ... + он') даже в тех языках, где у имен эти значения формально различны (например, в брахуи или венгерском). Так как все оппозиции категории числа должны удовлетворять принципу расщепленной множественности, из этого делается вывод о том, что ассоциативность является не значением категории числа (в том смысле, в котором значением категории числа является, единственное, множественное, двойственное, тройственное или паукальное число), а специальной категорией. В подтверждение этому приводятся данные юпика (эскимосский), где словоформа содержит специальный показатель ассоциативности и показатель аддитивной множественности (см. выше в разделе 4.1), что прямо указывает на независимость этих категорий.

Тезис о том, что ассоциативность не является значением категории числа, не вызывает сомнения. Для того, чтобы доказать это, достаточно привести пример двойственной ассоциативности. Параллельное существование ассоциативной и

аддитивной двойственности, с одной стороны, и ассоциативной и аддитивной множественности, с другой, само по себе показывает, что ассоциативность не является элементом противопоставительного ряда единственное ~ двойственное ~ ... ~ множественное число.

С другой стороны, метод, избранный Митун и Корбеттом для доказательства этого тезиса, не может, по моему мнению, считаться вполне корректным. Очевидно, что он базируется на следующем допущении: местоимения 'мы' и 'вы' имеют по два значения – ассоциативное 'я и другие', 'ты и другие' и аддитивное 'я + я + ... + я', 'ты + ты + ... + ты'.

Во-первых, строго говоря, неверно говорить об «ассоциативном» значении местоимений 'вы' и 'мы'. В главе второй я показываю, что речь идет не об ассоциативности, а об особой «местоименной множественности», которая если и может быть соотнесена с именными количественными категориями, то не с ассоциативностью, а с репрезентативностью в целом, причем даже в этом случае местоименное число обладает определенными особенностями (для местоименного числа в первую очередь характерна не ассоциативная ['X и связанные с ним лица'], а анафорическая ['X и другие актуализированные референты'] репрезентативность.

Во-вторых, «хоровое» употребление 'мы' (= 'я + я + ... + я') представляется настолько периферийным, что я склонен вообще отрицать у местоимения 'мы' значение аддитивной множественности. Очевидно, такое хоровое употребление можно истолковать и репрезентативно – каждый из говорящих употребляет 'мы' в значении 'я + не-я'. В главе второй также высказывается предположение о вторичности аддитивного употребления местоимения 'вы'.

Но даже если допустить, что у местоимений 'мы' и 'вы' существуют по два значения – аддитивное и репрезентативное – в общем и целом аддитивное значение оказывается более периферийным, чем репрезентативное. В то же время принцип расщепленной множественности удивительным образом указывает на существование у личных местоимений именно периферийного, аддитивного значения. Остается совершенно необъясненным тот самый факт, от которого отталкиваются Корбетт и Митун – почему репрезентативная множественность личных местоимений никогда не отличается от ассоциативной множественности личных местоимений? Кроме того, совершенно неясно, почему категория аддитивного числа у местоимений, имплицитная, согласно

[Смит-Старк 1974], наличием категории аддитивного числа у существительных, в большинстве языков выражается иначе, чем это аддитивное число?

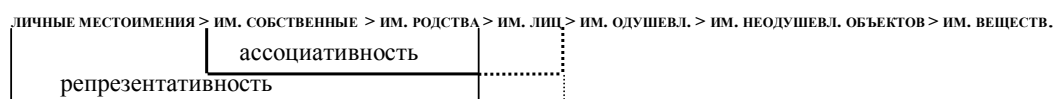
С моей точки зрения, изложению и аргументации которой посвящена вторая глава, местоименное число достаточно специфично для того, чтобы признавать его отдельной категорией; именно поэтому в большинстве языков оно выражается иначе, чем субстантивное число. Отсюда немедленно вытекает некорректность анализа Митун и Корбетта; тот факт, что в языке, где существительные имеют морфологические формы ‘X’ ~ ‘два X-а’ ~ ‘более, чем два X-а’, существует и три местоимения первого лица ‘я’ ~ ‘я и еще один человек’ ~ ‘я и еще более чем один человек’ (принцип расщепленной множественности) должен быть сформулирован более тонко, чем импликация субстантивной категорией С той же категории у личных местоимений.

Наконец, не следует забывать и о том, что в большей части языков ассоциативность выражается не специальным показателем, а показателем аддитивной множественности, то есть аддитивность и ассоциативность не различаются ни у личных местоимений, ни у существительных, что с типологической точки зрения значительно сужает доказательность анализа Митун и Корбетта.

9.1.4. Иерархия одушевленности и ассоциативность (продолжение)

Можно ли считать, что гипотеза о корреляции возможности образования ассоциативных форм с иерархией одушевленности на этом исчерпывает себя? С моей точки зрения, это было бы преждевременным.

Не подлежит сомнению, что, во-первых, ассоциативные формы характерны почти исключительно для имен лиц (имен собственных, имен родства, в редких случаях также для других имен лиц); во-вторых, личные местоимения ‘мы’, ‘вы’ во всех языках имеют репрезентативную интерпретацию. Таким образом, ассоциативность характерна для компактного отрезка шкалы одушевленности; репрезентативность характерна для личных местоимений множественного числа, а в узком смысле (ассоциативность) – для имен лиц:



Ограниченность образования ассоциативных форм сферой имен лиц не может, однако, быть принята во внимание. Как было показано в разделе 6.8, с точки зрения обсуждаемого сейчас функционального подхода к ассоциативной множественности (т.е. если считать что ассоциативная множественность – это семантическая категория ‘X и связанные с ним объекты’) ассоциативы не могут образовываться от неличных имен (по крайней мере, образование ассоциативов от неличных имен не может быть регулярным).

С другой стороны, приняв во внимание, что множественность личных местоимений ‘мы’, ‘вы’ всегда или часто носит репрезентативный характер, отвлечемся на время и от личных местоимений – эти местоимения всегда допускают ассоциативное чтение ‘X и связанные с ним лица’ и интересующая нас граница дистрибуции ассоциативности / репрезентативности не может проходить и по ним.

Иначе говоря, мы должны обсуждать только противопоставления внутри сферы личных имен: имена собственные vs. имена родства vs. нарицательные имена лиц.

9.2. Эмпирические данные

В этом разделе я привожу собранный мною материал по лексической дистрибуции ассоциативных форм в татарском и багвалинском языках и в языке пулар-фульфульде. Сразу оговорюсь, что в этих языках речь идет не о том, какие существительные образуют, а какие – не образуют форму ассоциатива (т.е. к каким существительным показатель ассоциатива присоединяется, а к каким – нет), а о том, в каком случае один и тот же показатель имеет аддитивное, а в каких – ассоциативное прочтение.

Оказывается, что в наиболее типичном варианте распределение прочтений показателя множественного числа выглядит следующим образом: ассоциативное прочтение показателя множественного числа характерно для имен собственных, в то время как для других имен лиц, таких как профессиональные имена, характерна аддитивная интерпретация. Особое место занимают имена родства – они могут допускать как оба прочтения, так и только одно из двух прочтений, в зависимости, в частности, от того, о каком именно термине родства идет речь.

9.2.1. Багвалинский язык

Рассмотрим, например, данные багвалинского языка. Как и в большинстве дагестанских языков, в багвалинском языке существует несколько показателей

множественного числа. Хотя распределение этих показателей по именным основам не поддается последовательной систематизации, ограничения на лексемную сочетаемость интересующего нас показателя *-āri* носят отчетливо семантический характер. Этот показатель присоединяется только к именам лиц, в первую очередь к именам собственным и некоторым именам родства. Большинство имен лиц, не являющихся именами родства, а также часть имен родства образует множественное число с помощью других показателей, например, показателя *-dari*: *qarawul* ‘сторож’ — *qarawuldari* ‘сторожа’; *waṢab* ‘двоюродный брат’ — *waṢabdari* ‘двоюродные братья’.

Значение имени собственного X, оформленного показателем *-āri*, можно определить как ‘семья X-а’. Показатель присоединяется преимущественно к мужским именам, хотя в определенных случаях возможна форма на *-āri* и от женского имени (например, когда мужчина, глава семьи, носит распространенное в ауле имя и семью удобнее идентифицировать по старшей женщине). Обозначить семью формой на *-āri* от имени ребенка невозможно; такая форма интерпретируется только как обозначение семьи взрослого женатого сына (дочери). В отдельных случаях в группу, обозначаемую формулой *X-āri*, включаются не только дети X-а, но и его внуки и другие потомки. Формы имен собственных, которые бы имели значение аддитивной множественности (‘Саиды’), не отмечены. Число непрямых терминов родства в багвалинском языке сравнительно невелико – обнаружено всего четырнадцать неописательных имен родства (брат, двоюродный брат, троюродный брат, четвероюродный брат, отец, дедушка, сын и то же для женских имен). Названия прямых мужских родственников по восходящей и прямых родственников по нисходящей линии имеют по две формы. Одна (не всегда регулярная с морфологической точки зрения) понимается как обычное множественное число — *hič’ema* ‘дедушка’, *hič’emabi* ‘дедушки’; *ima* ‘отец’, *imiddari* ‘отцы’; *waša* ‘сын’, *wašabi* ‘сыновья’; *jaš* ‘дочь’, *jaši* ‘дочери’. Наряду с этими формами существуют и формы на *-āri*: *hičemāri* ‘дедушка и бабушка’; *imāri* ‘родители’; *wašāri* ‘семья сына’; *jašāri* ‘семья дочери’ (для лексем ‘мать’ и ‘бабушка’ формы на *-āri* также были зафиксированы, однако их значение неясно). Другие имена родства образуют множественное число с помощью показателей отличных от *-āri* и не допускают понимания ‘семья X-а’.

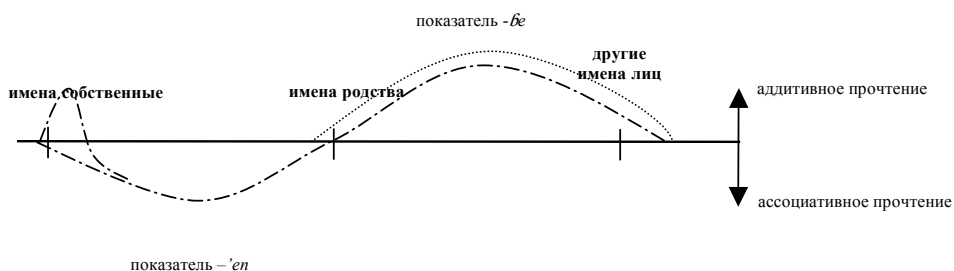
Формы множественного числа на *-āri* от других нарицательных имен лиц понимаются как обычное множественное число: *tuXtur* ‘врач’ — *tuXturāri* ‘врачи’, *arus* ‘русский (человек)’ — *arusāri* ‘русские’ (не совсем ясен статус долготы гласного; не

исключено смешение двух показателей - $\bar{a}ri$ и $-ari$). Интерпретации этих форм как ‘семья врача’, ‘семья русского’ были информантами отвергнуты. В отличие от терминов родства, эти имена не имеют вариантной формы множественного числа. Следует подчеркнуть, впрочем, что число нарицательных именных основ, присоединяющих показатель $\bar{a}ri$ очень ограничено. Распределение показателей множественного числа в багвалинском языке можно схематически изобразить в следующем виде:



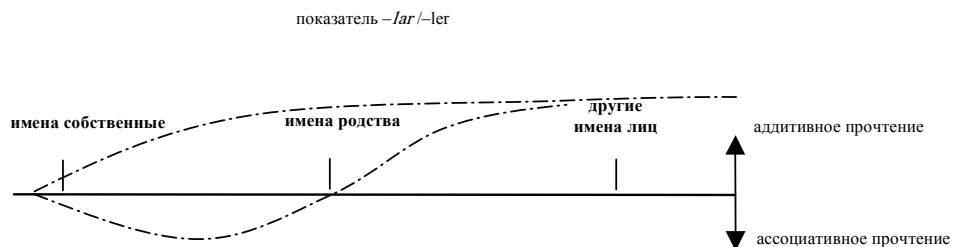
9.2.2. Пулар-фульфульде

Несколько иным образом распределены прочтения форм множественного числа в языке пулар-фульфульде. С именами лиц сочетаются два показателя множественного числа - $-be$ и $-en$. Если оставить в стороне спорный характер форм множественного числа с классификаторным значением (см. раздел 8.1), то можно сказать, что показатель $-be$ имеет только аддитивное прочтение. С другой стороны, показатель $-en$ имеет ассоциативное прочтение с именами собственными и именами родства, но преимущественно аддитивное с остальными личными именами. Важным отличием пулар-фульфульде от багвалинского является то, что формы множественного числа на $-en$ от имен собственных могут пониматься и аддитивно (‘несколько человек по имени Омар’), то есть один и тот же показатель в сочетании с одной и той же основой может интерпретироваться двояко; поэтому линия, соответствующая употреблению этого показателя, на схеме раздваивается:



9.2.3. Татарский язык

В татарском языке показатель множественного числа единствен, общий для всех существительных. Опираясь на данные, собранные у носителей мишарского диалекта, можно утверждать, что ассоциативное прочтение доступно для имен собственных и нескольких имен родства ('отец', 'мать', 'сват'), но недоступно для других личных имен. В то же время, аддитивное прочтение форм на *-lar/-ler* доступно для всех имен существительных без исключения.



Как видно из этих трех схем, вне зависимости от того, доступно ли в рассматриваемых языках аддитивное прочтение формы множественного числа от имени собственного (пулар-фульфульде, татарский) или нет (багвалинский), в случае, если имя собственное имеет форму множественного числа, такая форма может быть интерпретирована ассоциативно. Если обратиться к материалу дескриптивных грамматик, оказывается, что в подавляющем большинстве приводимых примеров формы ассоциативной множественности образованы от имен собственных; в некоторых грамматиках возможность образования ассоциативов исключительно от имен собственных эскипцирована.

9.3. Контраргументы против функциональной гипотезы

Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что базовым лексическим противопоставлением, контролирующим возможность образования форм ассоциативной множественности, является противопоставление <личное имя собственное vs. личное имя нарицательное>. (Сложнее дело обстоит с именами родства – граница между ассоциативностью и аддитивностью чаще всего проходит внутри этого лексического класса; я вернусь к именам родства ниже.)

Это противопоставление, вне всяких сомнений, можно интерпретировать в рамках подхода, предполагающего корреляцию ассоциативности с иерархией одушевленности. Действительно, имена собственные лиц иногда выделяются в особый класс именной лексики, расположенный в иерархии одушевленности выше, чем другие имена лиц. Изложу соображения, которые говорят против этой гипотезы.

Первое (и самое главное): противопоставление <личные имена собственные vs. личные имена нарицательные> для явлений, коррелирующих с иерархией одушевленности, является второстепенным. Случаи релевантности этого противопоставления, насколько мне известно, можно пересчитать по пальцам. Типологически несравнимо более важными оказываются противопоставление по личности (<имена лиц vs. неличные имена>) и по одушевленности (<имена одушевленные vs. имена неодушевленные>). В то же время, лексическая дистрибуция ассоциативов контролируется именно первым противопоставлением не только в относительно подробно изученных нами татарском, багвалинском и пулар-фульфульде, но и, насколько можно понять по данным описательных грамматик, в большом числе других языков.

Второе. Если следовать той когнитивной интерпретации иерархии одушевленности, которая была предложена в разделе 9.1, становится неясным, почему в большей части языков категория ассоциативности, характерная для личных имен собственных, выражается не специальным показателем, а показателем аддитивной множественности. Действительно, если бы значение ассоциативности (в рамках функциональной интерпретации категории ассоциативности) сочеталось бы только с именами собственными потому, что имена собственные занимают в модели мира особое место и для них когнитивно важнее различить данную категорию, чем для имен нарицательных, естественно было бы ожидать, что ассоциативное значение будет выражаться специальным показателем, в то время как в багвалинском она выражается тем же показателем, что и аддитивная множественность при некоторых именах нарицательных, а в татарском и пулар-фульфульде вообще формально «накладывается» на аддитивную множественность, так что одна и та же форма может иметь как аддитивное, так и ассоциативное чтение.

9.4. Референциальная гипотеза

Итак, центральным для типологии лексической дистрибуции ассоциативных форм является противопоставление <личное имя собственное vs. личное имя нарицательное>. (Напомню, что под именами собственными в настоящем разделе имеются в виду только индивидуальные имена собственные). Попробуем предложить объяснение этого факта, основывающееся на референциальном подходе к репрезентативности в целом и ассоциативной множественности в частности.

9.4.1. Русские имена собственные

В русском языке различается два типа употреблений имени собственного:

Пришел Коля / Иванов

У нас в классе тоже есть Коля / Иванов

Если в первом предложении имя *Коля (Иванов)* употребляется как способ идентификации личного референта – говорящий предполагает, что после того, как он употребил данное имя собственное, адресату станет ясно, о ком идет речь; если это предположение не оправдывается и адресат не в состоянии осуществить идентификацию, неизбежно следует вопрос *Какой Коля (Иванов)* – то во втором предложении оно употребляется как дескрипция (‘человек по имени Коля / по фамилия Иванов’). Я буду называть первый тип употребления имени собственного идентифицирующим, а второй – дескриптивным. С точки зрения русского языка оба примера одинаково приемлемы. Очевидно, однако, что в дескриптивном употреблении имя собственное X уподобляется именам нарицательным: у него появляется смысл (‘человек, которого зовут X’) экстенционал (совокупность людей по имени X), в то время как в идентифицирующем употреблении имя собственное имеет лишь референт (экстенционал отсутствует и тем самым пропадает необходимость актуализации именной группы). Иными словами, имена собственные обладают свойствами, выделяющими их в особый лексический класс – непосредственная соотнесенность с референтом, – только в идентифицирующем употреблении. Если добавить к этому, что идентифицирующее употребление более частотно, становится очевидным, что базовым для имен собственных следует признать именно его.

Оказывается, что форма множественного числа индивидуального имени собственного (в отличие от фамилии) употребляется почти исключительно в дескриптивной функции:

?Коли пришли

Ивановы пришли ('пришли члены семьи Ивановых')

?Ивановы пришли ('пришло несколько человек по фамилии Иванов(а)')

У нас в классе было три Коли / три Иванова.

Первое предложение и подобные ему контексты, хотя и признаются носителями русского языка как допустимые, большинством, по-видимому, ощущаются как шуточные или игровые. Фамилии в этом контексте обозначают прежде всего родственные совокупности; идентифицирующее обозначение фамилией во множественном числе неродственной совокупности (несколько человек по фамилии Иванов, не связанные между собой родственными отношениями) ощущается, на мой взгляд, так же, как идентифицирующее употребление формы множественного числа индивидуального имени собственного.

(Формы множественного числа имен собственных в дескриптивной функции характерны в первую очередь для контекстов квантификации; предложение *У нас в классе тоже были Коли* явно более маргинально. Причины этого не имеют отношения к обсуждаемой теме. Поскольку выше мы признали дескриптивную функцию имен собственных вторичной, далее я ограничиваюсь анализом форм множественности имен собственных в идентифицирующей функции и буду опускать уточнение *в идентифицирующей функции*.)

Итак, индивидуальные имена собственные в форме множественного числа в русском языке не употребительны. Представляется наиболее естественным считать, что индивидуальные имена собственные не образуют форм множественности потому, что для них характерна презумпция единственности существования референта.

Очевидно возражение – носителей одного и того же имени заведомо много. Число уникальных имен собственных (типа упоминавшихся выше в разделе 6.2 *Радес, Геха* и других «микросоциальных» имен) крайне мало и в любом случае они являются не *фактом языка*, а *фактом идиолекта*. Существует ряд независимых подтверждений того, что в каждом конкретном русском речевом акте референт индивидуального имени собственного уникален. Кроме невозможности плюрализации, сюда же относится,

например, затрудненность сочетаемости с актуализаторами (актуализаторы излишни потому, что индивидуальное имя собственное, принимая во внимание презумпцию единственности референта, можно считать всегда сильно определенным).

Рассмотрим также следующую коммуникативную ситуацию. Представим себе, что некий человек X задает человеку Y вопрос: *Ты сегодня в университете видел Илью?* Теперь допустим, что в картине мира Y-а в университете существует два человека по имени Илья, так что без дополнительной информации данное употребление имени не достигает цели идентификации. Наиболее естественный ответ Y-а в таком случае будет: *Которого?* С другой стороны, возможно, что сегодня в университете Y не видел ни одного из известных ему людей по имени Илья. Естественно было бы ожидать в таком случае, что Y ответит: *Нет, не видел.* Согласно интуиции автора, однако, в ответ на вопрос X-а Y в любом случае задает вопрос: *Которого?* и только после того, как получает удовлетворительную дескрипцию (например, фамилию), может ответить: *Нет, не видел.* Иными словами, несмотря на то, что уточнение, о каком именно Илье идет речь, заведомо коммуникативно избыточно, адресат должен задать уточняющий вопрос. Имя собственное в данной ситуации не выполнило свою идентифицирующую функцию, что было расценено адресатом как коммуникативный провал, для выхода из которого необходимо задать уточняющий вопрос. Это дискурсивное свойство, впрочем, является не особой характеристикой имен собственных, а скорее свойством сильно определенных именных групп – то же можно ожидать, например, и от определенных имен в артиклевых языках. В этом смысле интересно, что в армянском языке имя собственное в идентифицирующей функции всегда содержит определенный артикль (и не содержит его в предикативной позиции) [В.Ю. Апресян, Полинская, рукопись].

Итак, я привел три свойства русских индивидуальных имен собственных, отличающих их от имен нарицательных; возможно, список можно продолжить. Теоретически эти свойства можно моделировать разным образом; кажется, однако, что наиболее естественной является следующая модель: говорящий на русском языке, употребляя имя собственное, ожидает от адресата однозначной идентификации референта этого имени собственного. Эту модель я буду называть коммуникативной презумпцией единственности существования референта имени собственного.

Очевидно, что за этими свойствами стоят вполне определенные коммуникативные предпосылки – презумпция единственности существования референта имени собственного является следствием ориентированности имени собственного на непосредственное связывание знака с его референтом (без промежуточного этапа соотнесения знака с экстенсионалом и актуализации одного из элементов этого экстенсионала). Если бы в прототипическом речевом акте могло, согласно языковой картине мира, участвовать несколько людей с одним и тем же именем собственным, язык предусматривал бы средства для плюрализации имен собственных в идентифицирующей функции и не препятствовал бы актуализации имени собственного теми или иными дескрипторами.

9.4.2. Имена собственные в типологической перспективе

Выдвигая гипотезу о типологической универсальности лексической категории индивидуальных имен собственных, мы утверждаем, что в каждом языке существует класс лексем, которые обладают той же референциальной спецификой (непосредственная связь с референтом), что и русские имена собственные. Референциальная специфика имен собственных, как и в русском языке, должна тем или иным образом отражаться в функциональных особенностях этого класса субстантивов. Эти особенности не должны во всех языках буквально совпадать с функциональными свойствами русских имен собственных.

Далеко не во всех языках, например, имя собственное не может плюрализироваться; татарские информанты и информант пулар-фульфульде признают предложения, структурно аналогичные русскому *Ко мне сегодня придут Коли*, совершенно нейтральными. Моя грузинская информантка, наоборот, была достаточно категорична в отрицании возможности форм множественного числа от имен собственных (напомню, что грузинские ассоциативы не совпадают с формами аддитивной множественности).

С другой стороны, я говорю сейчас о таких функциональных особенностях, которые мотивированы одним и тем же свойством референции имен собственных – непосредственной связью знака и его референта. Поэтому я считаю, что выделяемые морфологические и синтаксические свойства имен собственных вряд ли будут совершенно несопоставимы между собой. Я выдвигаю гипотезу, что в большинстве языков в языковом поведении имен собственных должно так или иначе отражаться

представление о прототипичности речевого акта, описывающего ситуацию, в которой каждому из персонажей соответствует свое уникальное в пределах этой ситуации имя. (Подобно тому, как в пределах каждого речевого акта уникальными именами являются личное местоимение 'я' и, возможно, личное местоимение 'ты'; подробнее см. главу вторую).

Сами свойства могут формально различаться в разных языках – так, в русском языке это невозможность плюрализации имени собственного, а в армянском – обязательная оформленность имени собственного определенным артиклем. Очевидно, однако, что и то, и другое свойство можно объяснить презумпцией единственности существования референта имени собственного. В каждом языке выделяется набор таких свойств, которые можно называть характеристиками референциальной уникальности имен собственных; нельзя исключать и существование таких языков, в которых множество таких свойств пусто. Я, однако, склонен предполагать, что таких языков мало или нет.

Одной из таких типологических характеристик я и предлагаю считать образование форм ассоциативной множественности. Даже в тех языках, где употребление форм множественного числа имен собственных в идентифицирующей функции в принципе допустимо, презумпция единственности существования референта индивидуального имени собственного выражается в том, что такие формы получают дополнительную интерпретацию, отличную от аддитивной.

9.4.3. Ассоциативная интерпретация формы аддитивной множественности как следствие презумпции единственности референта

Языковой стереотип предполагает невозможность или малую вероятность ситуации, в которой участвуют несколько человек с одним и тем же именем. Ассоциативная интерпретация формы аддитивной множественности является следствием несовместимости или особого взаимодействия аддитивной структуры референции ('X + X +... + X') с референциальными особенностями основы – презумпцией единственности существования референта.

Если такая модель верна, то ассоциативная (или, шире, репрезентативная) интерпретация словоформы аддитивной множественности должна быть характерна и для других случаев, где основа формы множественного числа имеет уникальный референт.

Так, у одной из татарских информанток мишарской экспедиции 1999-2000 гг. в семье две коровы, одну из которых зовут Звездочка, а другую Черная. По словам информантки, следующее предложение не только возможно, но и вполне употребительно среди членов ее семьи:

mIn jEde z-lar arte nnap baram
я звезда-PL за иду.я
Я иду за коровами (букв. за Звездами).

Аналогичный татарскому японский пример содержится в [Моравчик, подборка]: *Pochi-tachi* ‘Почи и другие собаки’.

Противопоставление <имена собственные vs. имена нарицательные> не имеет прямого отношения к противопоставлениям иерархии одушевленности; неличные имена собственные должны, строго говоря, занимать в иерархии одушевленности позицию ниже личных имен нарицательных. Несмотря на это, татарские и японские ассоциативные формы окказионально образуются от кличек животных, а от личных имен нарицательных не образуются. Отсюда следует, что референциальная специфика имен собственных вносит больший вклад в возможность образования форм ассоциативной множественности, нежели позиция существительного на иерархии одушевленности.

Если мы теперь вернемся к распределениям ассоциативной и аддитивной интерпретаций показателя аддитивной множественности у терминов родства, окажется, что ассоциативную интерпретацию получают прежде всего те основы, которые обозначают уникальные родственные отношения. Как уже говорилось, наиболее типологически распространенным лексическим ассоциативом является форма структуры ‘отец’-PL со значением ‘отец и мать, родители’ – такие формы отмечаются в украинском, испанском, калькатонго миштек, санскрите, кетском и, конечно, в многочисленных языках с регулярной ассоциативностью, таких как татарский, багвалинский, пулар-фульфульде (см. выше раздел 6.1). Формы ассоциативной множественности образуются также от термина родства ‘мать’ (с тем же значением) – такие формы засвидетельствованы для санскрита, татарского, пулар-фульфульде.

Ассоциативные формы образуются от имени родства ‘дедушка’ в багвалинском и татарском языках. Значение ‘дедушка’ кажется лишенным презумпции единственности референта; в багвалинском языке, однако, значения ‘дедушка по матери’ и ‘дедушка по

отцу' выражаются различными словосочетаниями, которые уже, несомненно, имеют уникальную референцию. В татарском языке дедушки по обеим линиям называются одним термином родства; возможно, однако, что наше представление неуникальности референции термина родства 'дедушка' отражает европейскую этнокультурную модель (связанную с неолокальностью культуры).

Как бы то ни было, багвалинские ассоциативные формы *waṣāri* ('сын'-PI) 'семья сына эго', *jaṣāri* ('дочь'-PI) 'семья дочери эго' показывают, что формы ассоциативной множественности могут образовываться и от терминов родства, для которых презумпция единственности, по-видимому, не характерна. Типологические данные, однако, указывают на то, что лексическим ядром терминов родства, для которых характерно образование форм ассоциативной множественности, являются как раз имена родства с четкой презумпцией единственности существования – 'отец' и, иногда, 'мать'.

На материале пулар-фульфульде можно видеть релевантность презумпции единственности существования и в образовании форм ассоциативной множественности от имен нарицательных иных, чем термины родства. Так, носитель пулар-фульфульде и коллега Абдулай Ба в ходе совместной работы указал на то, форма множественного числа от лексемы кузнец в принципе может быть понята как 'кузнец и его семья' – но только в том случае, когда речь идет о каком-то уникальном, единственном на всю деревню или великом кузнеце.

Очень показательны в этом отношении данные образования неличных лексических ассоциативов. Действительно, приводимые выше примеры из санскрита показывают, что формы с ассоциативной интерпретацией образуют в первую очередь имена, для которых аддитивное прочтение невозможно (например, *dyāvā* 'небо и земля' (форма двойственного числа от 'небо'), и имена, для которых ассоциативное прочтение предпочтительнее аддитивного (например, *dr̥ṣádāu* 'верхний и нижний мельничный жернова' (букв. форма двойственного числа от *dr̥ṣád* 'верхний мельничный жернов', при *úpālā* 'нижний мельничный жернов'). Действительно, для имен предметов, образующих устойчивые функциональные совокупности, представление о множественности коммуникативно естественнее ассоциируется с такой совокупностью, чем с множеством однородных и потому нефункциональных объектов (например, набора из нескольких верхних жерновов).

Есть, кроме того, косвенные указания на корреляции ассоциативной интерпретации с наличием у имен нарицательных актуализатора – так, в нганасанской форме *d'intə* [*güa*]-*t'ə* ‘лук и стрелы’ (букв. лук-PARTICLE-ACC.PL.2SG) содержится показатель притяжательности, присутствие которого делает интерпретацию ‘несколько луков’ менее вероятной. То же можно сказать и об испанском *mis padres* ‘мои родители’. Дальнейшее исследование корреляции притяжательности и ассоциативной интерпретации требует дополнительного сбора данных.

9.4.4. Типологические аналогии к феномену семантической реинтерпретации

Широкая типологическая распространенность образования форм ассоциативной множественности, формально тождественной формам аддитивной множественности, от имен собственных является, таким образом, следствием «незанятости» форм множественного числа имен собственных в одних языках и «нерасположенности» таких форм выражению значения аддитивности в других. Близкой аналогией к такой модели является образование форм императива (аналогия подсказана Н.Р. Добрушиной). В русском языке форма императива образуется практически от всех глагольных основ; если глагол обозначает неконтролируемое действие, то форма императива интерпретируется как форма оптатива. Русский язык в данном случае демонстрирует победу тенденции к морфологической регулярности (в отличие от форм множественного числа от имен собственных). Багвалинские же, например, информанты образуют форму императива от глаголов, обозначающих неконтролируемые процессы или состояния гораздо менее охотно.

Типологически распространенной и предельно близкой к ассоциативной множественности аналогией, демонстрирующей процесс реинтерпретации формы с затрудненной семантикой, является образование форм множественного числа от топонимов; результирующей форме приписывается значения ‘жители местности X’. Приведем пример.

В багвалинском языке собственно багвалинские топонимы не являются в полном смысле этого слова субстантивами – например, они не имеют формы номинатива, так что основы этих топонимов представляют собой связанные морфемы. С точки зрения частеречной характеристики, эти топонимы занимают промежуточную позицию между

собственно субстантивами (так как они имеют форму генитива и принимают субстантивные показатели множественного числа) и наречиями (так как формой цитации для них являются локативные формы; подробнее см. [Даниэль, в печати]). Для нас сейчас существенно то, что, присоединяя субстантивные показатели множественности, топонимы интерпретируются как этнонимы – ‘те, кто живут в местности X’. Эти формы не имеют формальных коррелятов единственного числа; формы со значением ‘тот, кто живет в местности X’ выражаются сочетанием формы генитива топонима со словом человек или субстантивацией той же формы. В следующей таблице отражены «словоизменительные возможности» одного из исконно багвалинских топонимов:

Таблица 1

топоним	основа	эссив	элатив	латив	генитив	житель	жители
Кванада	k@n-	k@n-[-	k@n-[-iS	k@n-i-ba	k@n-Y	k@n-Y	k@n-di

Кроме некоторых андийских языков нахско-дагестанской семьи, сходные формы множественности от топонимов удалось обнаружить в удмуртском [Тепляшина, Лыткин 1976: 142], санскрите [И.А. Муравьева, в личном сообщении], татарском [Закиев 1978] (впрочем, мои мишарские информанты отвергли такие формы), башкирском [Псянчин 2000: 19]; **команчи** [Чарни 1993: 51], **кера** (восточночадский) [Эберт 1979: 151], **ик** (куляк < возможно, нило-сахарский) [Моравчик, подборка], **нганьгитьемерри** (не пама-ньюнга) [Моравчик, подборка]. В языке **тивви** (Австралия, не пама-ньюнга) форма множественного числа от наречия ‘здесь’, возможно, имеет значение ‘те, кто находится здесь’ [Осборн 1974, пример из текста]. В гималайском языке думи (киранти < тибето-бирманский) форма множественного числа от названия языка обозначает совокупность говорящих на этом языке лиц [ван Дрим 1993: 61].

Эти примеры имеют несомненные черты семантического сходства с ассоциативностью: референт основы служит «референциальным посредником» для референции к неэксплицированным референтам, с которыми его связывают определенного рода отношения (сходные с отношениями, связывающими эксплицированный референт с неэксплицированными референтами в случае описанных в разделе 7.3 квазиассоциативов типа ‘дом’-PI ‘дом и его обитатели’). Важное отличие заключается в том, что референт основы не включается в референцию формы

множественного числа; но, как мы видели выше в разделе 7.2, такие интерпретации допустимы и для ассоциативных форм и это как раз можно считать следствием его функции как референциального посредника, по которому происходит идентификация группы. Очевидно, что пример из думы и многочисленные примеры плюрализованных топонимов как нельзя лучше укладываются в эту модель.

Очевидно и референциальное сходство между этими случаями и формами множественного числа от имен собственных: и в том, и в другом случае референт основы уникален, так что в случае присоединения показателя аддитивной множественности возникает семантически затрудненная форма.

9.4.5. Обзор референциальной гипотезы

Очевидно, что описание ассоциативного значения как результата семантической реинтерпретации семантически затрудненной формы аддитивной множественности применимо для объяснения особенностей дистрибуции лишь тех ассоциативных форм, которые формально совпадают с формами аддитивной множественности. Данных по другим формальным типам ассоциативности у меня на настоящий момент недостаточно для того, чтобы делать типологические обобщения. Референциальная гипотеза предсказывает, что противопоставление <имена собственные vs. имена нарицательные> должно быть типологически менее характерно для остальных формальных типов. Так ли это, покажут дальнейшие исследования.

9.3. Коммуникативная гипотеза

Нельзя не упомянуть еще об одном способе объяснения дистрибуции ассоциативных показателей. Во вступительном разделе этой главы я говорил, что ассоциатив как способ обозначения группы лиц является аналогом имени собственного как способа обозначения одного лица в том смысле, что, по мнению говорящего, с эксплицитированным референтом R в сознании адресата связана вполне определенная группа лиц и упоминание R как опосредованная референция к этой группе лиц направлена на экономию коммуникативных усилий. Как имя собственное в конкретном коммуникативном акте прямо связано со своим референтом, так и ассоциированные референты прямо связаны с эксплицитированным референтом.

Однако, если быть последовательным, следует признать, что полная аналогия с именем собственным появляется лишь в тех случаях, когда и сама основа является

именем собственным (или термином родства с уникальным референтом) – только в этом случае множественная референция в полной степени избегает промежуточного этапа актуализации.

10. Культурологическая перспектива

В настоящем исследовании нельзя обойти вниманием одну труднодоказуемую, но не невозможную социокультурную корреляцию ассоциативности как лингвистического феномена. Со всеми возможными оговорками я склонен предположить, что ассоциативность как лингвистический феномен отражает неравномерно индивидуированную структуру социума; возможно даже, примат социальной группы над индивидуумом.

Так, моя грузинская информантка при обсуждении употребления форма на *-anebi* сказала, что эти формы мало употребительны потому, что, если нужно описать группу лиц, пришедших вместе с лицом X, сопровождающие «скорее называются каждый по отдельности»; в современном грузинском употребление этих форм придает речи несколько иронический оттенок.

Гипотеза социокультурной релевантности феномена может отчасти объяснять ареальную дистрибуцию ассоциативности. Западная Европа с ее акцентом на личности естественно утрачивает ассоциативы (еще недавно присутствовавшие, например, в древнеисландском, а еще раньше – в классических индоевропейских языках, хотя и в непродуктивной форме); с другой стороны, ассоциативность естественно ожидать в традиционных обществах, например, на северо-востоке Азии.

Несомненно, наличие ассоциативных форм не обязательно отражает структуру современного им социума. Грузинский пример как раз показывает, что ассоциативы могут употребляться и после того, как социокультурная база ассоциативности утрачена. Ср. личное местоимение множественного числа ‘мы’, структура которого, несомненно, отражает представление о доминации я над не-я, (см. главу 2), но которое равноупотребительно в культурах разных типов (в том числе, в языках Западной Европы) и совместимо в том числе с вежливым стилем речи, маркирующем повышенный статус адресата (или лица, не участвующего в речевом акте).

Глава вторая. Местоименное число.

1. Определение репрезентативной модели местоименного числа.

1.1. Ассоциативная аналогия местоименного числа

Категория числа у личных местоимений неоднократно становилась предметом анализа; краткий обзор работ в этой области см. во Введении. Основной проблемой содержательного анализа категории являлось соотнесение числа местоимений с числом имен существительных. Широкое распространение получила точка зрения Э. Бенвениста [Бенвенист 1974], который утверждал, что местоимение ‘мы’ не является множественным числом от местоимения ‘я’, так как ‘мы’ = ‘я + не-я’ (а не ‘я + я + ... + я’), в то время как форма множественного числа от слова со значением, например, ‘собака’, имеет значение ‘собака + собака + ... + собака’. Поэтому, утверждал Бенвенист, о категории числа у личных местоимений говорить нельзя; именно в связи с этим местоимение ‘мы’ не вступает в отношение формальной корреляции с местоимением ‘я’. (Сразу замечу, что последнее утверждение не выдерживает проверки на сколько-нибудь представительной языковой выборке.)

Значительно меньшее число исследователей указывало на то, что число местоимений имеет содержательную аналогию в сфере именной множественности. В работах [Есперсен 1958: 221; Барулин 1980; Моравчик 1994] проводится аналогия между числом личных местоимений (ниже – местоименное число) и категорией ассоциативности, подробно анализируемой в первой главе настоящего исследования.

Хронологически первым является сближение О. Есперсена. В центре его анализа находится периферийное явление: употребление в европейских языках формы *шестидесятые годы* для обозначения десяти последовательных лет, лишь один из которых называется собственно *шестидесятым*. Отталкиваясь от этого примера, Есперсен вводит неудачный, на мой взгляд, термин *аппроксимативная множественность* (*plural of approximation* – то есть, по-видимому, такая форма множественного числа, которая обозначает совокупность объектов, обладающих

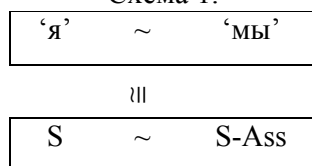
определенными чертами сходства (?); ср. симилитявность), далее приводит несколько собственно ассоциативных форм, также называя их аппроксимативными, и говорит об аппроксимативном характере местоименной множественности.

Уточняя и дополняя аналогию Есперсена, А.Н. Барулин в качестве аналога местоименной множественности приводит в первую очередь формы ассоциативной множественности. Отмечу также, что Барулин отождествляет местоименное и именное число – все приводимые им формы ассоциативной множественности формально совпадают с формами аддитивной множественности, что позволяет ему считать ассоциативность одной из модификаций категории числа.

Независимо от Барулина и двигаясь, так сказать, в противоположном направлении – от имен к местоимениям, – точно такую же аналогию проводит и Э. Моравчик. При обсуждении ассоциативной множественности у имен она замечает, что личные местоимения первого и второго лица множественного числа имеют ассоциативную семантику во всех языках мира.

В целом поддерживая данный подход, нельзя не указать на то, что он нуждается в существенных уточнениях. Несомненна аналогия между корреляцией формы ассоциативной множественности S-Ass с соответствующей формой единственного числа S[-Sg] и корреляцией между личными местоимениями ‘мы’ и ‘я’.

Схема 1.



Действительно, референция S-Ass состоит из референта S и других лиц; точно также и референция местоимения ‘мы’ состоит из референта местоимения ‘я’ и других лиц.

С другой стороны, ошибочным кажется сближение местоименной множественности именно с ассоциативной множественностью, особенно отчетливое у Моравчик. Форма ассоциативности X-Ass значит в первую очередь ‘X и его семья’ или, шире, ‘X и его группа’; личные местоимения множественного числа также могут обозначать родственные или иные устойчивые совокупности, но имеют и другие употребления. В самом общем виде местоимение ‘мы’ обычно толкуется как ‘я и другие’; точнее говорить даже не о толковании, а о структуре референции личного местоимения ‘мы’ –

‘мы’ обозначает совокупность, в которую входит говорящий. Очевидно, поэтому, что (пользуясь терминологией, используемой в первой главе) референция местоимения ‘мы’ должна быть охарактеризована не как собственно ассоциативная, а шире – как репрезентативная.

(Следуя концепции С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1949], А.Н. Барулин, определяя ассоциативную – в его терминологии как раз *репрезентативную* – множественность, говорит об обозначение целого через часть, что сближает его подход с данным выше референциальным определением репрезентативности и делая аналогию между именной ассоциативностью и местоименным числом, на мой взгляд, почти корректной. К сожалению, различие между разными типами репрезентативной множественности не проведено и в этой работе. Следует отметить также, что и Э. Моравчик в личной беседе предлагала описание ассоциативности как структуры множественной референции.)

Так как формулы типа ‘я и другие’, ‘я и не-я’, ‘говорящий и другие’, ‘ты и другие’ и т.д. не совсем корректно, на мой взгляд, называть толкованиями (они описывают не столько смысл, сколько структуру референции личных местоимений), я буду называть их ниже референциальными схемами личных местоимений. Для определенности следует выбрать одну из многочисленных форм, в которых эти формулы обычно фигурируют в исследованиях по типологии местоимений – именно, я буду использовать те формулы, которые оперируют метаязыковыми номинациями локуторов (то есть не ‘я и другие’ или ‘я и не-я’, а ‘говорящий и другие’, ‘адресат и другие’). Для обозначения лица, не являющегося ни говорящим, ни адресатом, я буду использовать термин нелокутор.

1.2. Репрезентативность и местоимения второго лица: проблема ‘вы’

Выше, обсуждая природу местоименного числа, я приводил в первую очередь примеры с местоимением первого лица ‘мы’. Репрезентативные употребления несомненно признаются исследователями и за местоимением второго лица ‘вы’; ситуация осложняется, однако, тем фактом, что местоимение ‘вы’ может обозначать и совокупность адресатов – в случае наличия нескольких слушателей (множественный адресат).

Некоторые исследователи также говорят об употреблениях местоимения ‘мы’ в речевых актах с множественным говорящим – ‘мы’-«хоровом», например, в случаях коллективных актов говорения. Такие употребления ‘мы’, однако, носят очевидно

периферийный характер и могут интерпретироваться как репрезентативные: можно считать, что каждый из говорящих употребляет ‘мы’ в значении ‘говорящий и другие’ (см., например, [Есперсен 1958: 221]; я также склоняюсь к этой точке зрения).

С другой стороны, тот же Отто Есперсен в следующем абзаце цитируемой работы разделяет употребления ‘вы’, на два типа, которые, в нашей терминологии, удобно назвать репрезентативными (‘адресат и другие’) и аддитивными (‘несколько адресатов’).

Формально-типологическим подтверждением функционального отличия местоимения ‘вы’ от местоимения ‘мы’ (в смысле наличия у местоимения ‘вы’ аддитивного прочтения, практически – или полностью – исключенного для ‘мы’) можно, на первый взгляд, считать тот факт, что местоимение ‘вы’ чаще образуется от местоимения ‘ты’ прибавлением показателя аддитивной множественности. (Само это утверждение требует специального исследования на репрезентативной языковой выборке; к языкам, в которых формальная корреляция местоимений ‘вы’ и ‘ты’ более регулярна, чем формальная корреляция местоимений ‘мы’ и ‘я’ относятся, например, **армянский** язык и **имбабура кечуа** [Коул 1982]; а языки, в которых способы выражения корреляции были бы распределены по лицам обратным образом, мне неизвестны).

Несмотря на всю кажущуюся очевидность разделения употреблений местоимения ‘вы’ на аддитивные и репрезентативные, с ним связан один очень серьезный вопрос: если считать, что у местоимения ‘вы’ существуют два совершенно независимых употребления, то почему это различие не грамматикализуется ни в одном (насколько мне известно) языке мира? Это утверждение в эксплицитном виде сформулировано, например, Н.К. Соколовской в ее универсалиях №11 и №12 [Соколовская 1980]. Вопросом о функциональной «подоплеке» отсутствия морфологического или лексического противопоставления значений ‘адресаты’ и ‘адресат и другие’, по всей видимости, задаются многие лингвисты, хотя специальные работы на эту тему мне неизвестны (Анна Сиверска, в личном сообщении; Майкл Чисоу, в личном сообщении; Дэвид Гил, в переписке с Майклом Чисоу).

Кроме того, даже если предварительное наблюдение о большей частотности местоименных систем с корреляцией местоимений второго лица при отсутствии корреляции местоимений первого лица (по сравнению с обратной ситуацией)

подтвердится, то это только еще более запутает ситуацию. В самом деле, такое распределение, на первый взгляд, мотивируется наличием у ‘вы’ аддитивного прочтения при отсутствии аддитивного прочтения у ‘мы’. Но ведь у ‘вы’ есть и репрезентативное чтение, причем, вероятнее всего, более частое. Наличие у ‘вы’ аддитивного употребления нельзя рассматривать изолированно – оно существует только наряду с репрезентативным, а это приводит нас снова к тому же вопросу – почему они не выражаются различными местоимениями? Более того, как я уже говорил, репрезентативная структура множественной референции местоимения вовсе не мешает ему, в общем случае, являться морфологическим дериватом соответствующего местоимения единственного числа, в том числе, образовываться от него прибавлением показателя аддитивной множественности даже в случае местоимения ‘мы’, которому соответствует исключительно репрезентативная интерпретация. Иными словами, если типологическое исследование способов выражения множественности в личных местоимениях (которым я в данный момент занимаюсь в рамках проекта WALS) выявит определенную выше тенденцию, то нам предстоит ответить не на вопрос о том, почему морфологическая структура местоимения ‘вы’ типологически более регулярна, чем морфологическая структура местоимения ‘мы’, а скорее наоборот, на вопрос о том, почему местоимение ‘мы’, имея полную возможность выражаться морфологически регулярно (ведь, как было показано в первой главе, репрезентативность может получать морфологически регулярное выражение), все же выбирает нерегулярный или неполностью регулярный способ выражения – как в **армянском**, **имбабура кечуа**, в определенном смысле в **английском** и некоторых других языках. (Возможный ответ на этот вопрос см. ниже в разделе 1.6.)

Мы оказываемся перед следующей проблемой: почему два на первый взгляд никак не связанных употребления местоимения ‘вы’ в большинстве языков мира (а возможно, и во всех языках вообще) имеют одинаковое формальное выражение?

Указание на то, в каком направлении можно двигаться, чтобы ответить на последний вопрос, дает, на мой взгляд, система личных местоимений языка **пираха** (мура; Амазония) [Эверетт 1986]. Местоимению ‘вы’ в этом языке соответствует местоименный композит *gíxai hi*, буквально «ты он» - вне зависимости от того, употребляется ли оно в значении ‘адресаты’ или ‘адресат и другие’. (Вывод сделан

только на основании приводимых примеров; эксплицитного указания на это в грамматике нет.)

Кажется, что вывод, подсказываемой местоименной системой **пираха** – а именно признание первичности репрезентативного прочтения и, соответственно, вторичности аддитивного прочтения местоимения ‘вы’ – является единственным разумным объяснением отсутствия закрепления этого противопоставления за различными местоименными формами. Конечно, речь идет о типолого-когнитивном обосновании; я не склонен утверждать, что в каждом конкретном коммуникативном акте существует лишь один адресат, то есть что в случае наличия нескольких слушателей говорящий как бы выбирает из них одного и «назначает» его в качестве основного адресата. Это было бы неверным.

Я предлагаю считать, что **прототипически** в коммуникативном акте участвуют лишь два лица – один говорящий и один слушающий, и признавать коммуникативные акты с множественным адресатом непрототипическими. Очевидно, что эта концепция имеет в первую очередь типологическую силу – в каждом языке местоимение ‘вы’ употребляется как в репрезентативном, так и в аддитивном смысле, и я не вижу способа доказать первичность одной интерпретации по отношению к другой **в пределах одного языка**.

Впрочем, изредка встречаются коммуникативные контексты с множественным адресатом, в которых говорящий действительно назначает одного из слушателей первичным, или грамматическим адресатом (primary addressee). Ср., например, русское императивное предложение *Ты, Вася, сходи за дровами, а вот Коля [пусть] их наколет*, которое, с прагматической точки зрения, несомненно, имеет множественного адресата (в случае, если оно произносится в присутствии Коли), лишь один из которых оформляется как второе лицо, а другой (второстепенный адресат, secondary addressee) оказывается третьим лицом [к данному типу контекстов мое внимание привлекла Н.Р. Добрушина].

1.3. Репрезентативность и местоимения третьего лица.

Авторы, обсуждающие проблемы категории числа у личных местоимений, традиционно фокусируют свое внимание на личных местоимениях первого и второго лица. Множественное число у личных местоимений третьего лица (или указательных местоимений, используемые в этой функции) имплицитно признается аддитивным. Ср.,

однако, следующий русский пример, в котором референциальную структуру личного местоимения *они* целесообразно признать неоднородной:

- Где Петя?
- Они [= Петя с женой] уже ушли.

В таких контекстах Петю естественно считать эксплицированным, а Петину жену – неэксплицированным референтом местоимения *они*. Отличие от других случаев репрезентативной множественности заключается лишь в том, что экспликация одного из членов совокупности происходит путем анафорической отсылки к предыдущему упоминанию этого референта (см. также главу третью). Впрочем, такие употребления действительно можно признать периферийными. Вопрос о том, насколько такие употребления характерны для местоимений третьего лица в языках мира, требует специального исследования.

1.4. Формальная специфика местоименной репрезентативности

Следует при этом сразу указать на важное формально-типологическое отличие местоименной множественности от именной репрезентативности. Выше я говорил о референциальной неоднородности репрезентативной (в частности, ассоциативной) именной формы и предложил различать в структуре таких форм лексическую и грамматическую составляющую. Так, в случае **нивхского** *Xevgun-gu* ‘Хевгун и его группа’ (букв. ‘Хевгун’-Pl) [Панфилов 1962: 111-116] основа *Xevgun-* референтна лишь на одного из членов совокупности (Хевгуна), в то время как референцию к остальным членам совокупности естественно приписать употреблению показателя множественного числа. Кроме того, я предложил Хевгуна называть эксплицированным референтом репрезентативной формы, а остальных референтов – ее неэксплицированными референтами. Можно сказать, что в данном случае референция к эксплицированному референту носит лексический характер, а референция к неэксплицированным референтам – грамматический характер.

Подобные случаи встречаются и в местоименных системах. Так, в пекинском диалекте **китайского** языка в системе личных местоимений отмечаются следующие корреляции: *wǒ* ‘я’ ~ *wǒ-men* ‘мы’; *nǐ* ‘ты’ ~ *nǐ-men* ‘вы’, где показатель *men* также выступает в качестве факультативного показателя множественности у имен существительных. В данном случае вполне естественно говорить о том, что референция

к эксплицированному референту (говорящему в случае *wǝ-men* ‘мы’, адресату в случае *nǝ-men* ‘вы’) носит лексический, а референция к неэксплицированным референтам – грамматический характер. Такие системы характерны для языков Юго-Восточной Азии – многих тибето-бирманских, **корейского, японского** и др.

С другой стороны, в большинстве языков личные местоимения множественного и единственного числа не демонстрируют попарной формальной корреляции (хотя этот тип местоименных систем распространен, по-видимому, менее, чем это обычно принято считать). В языках с местоименными системами, подобными, например, **лезгинской** (*zun* ‘я’, *wun* ‘ты’, *sun* ‘мы’ и *kün* ‘вы’), личные местоимения не удается разделить на основу и грамматический показатель, так что говорить о противопоставлении в структуре референции таких форм лексической и грамматической составляющих не приходится.

С другой стороны, есть один и только один референт, на вхождение которого в его референцию личное местоимение ‘мы’ (‘вы’) указывает «непосредственно» – это говорящий (адресат). Информация о других референтах личного местоимения множественного числа извлекается адресатом из контекста. В этом смысле я говорю о неоднородности референции личных местоимений множественного числа и о наличии в ней эксплицитной и неэксплицитной составляющих даже в отсутствие противопоставления лексической и грамматической составляющих референции, как в **лезгинском** языке.

Конечно, в таких языках, как **лезгинский**, можно поставить под сомнение наличие местоименного числа как грамматической категории. Проблема осложняется тем, что в ряде языков при несовпадении основ личных местоимений единственного и множественного чисел местоимения ‘мы’, ‘вы’ содержат именные показатели множественного числа (например, русские местоимения *м-ы*_{NomPl}, *н-ам*_{DatPl}; *в-ы*_{NomPl}, *в-ам*_{DatPl}, при основах единственного числа *я/м(е)н-*; *ты/теб-*), что позволяет некоторым исследователям говорить о наличии в таких системах категории числа, тождественной именному числу, с супплетивным соотношением основ, как в *человек ~ люд-и* (см. [Барулин 1980]). Я склоняюсь к отрицанию грамматического характера категории числа у личных местоимений по крайней мере в случаях систем, подобных **лезгинской**; категорию числа в таких языках можно признать для местоимений не словоизменяющей, а словоклассифицирующей (подобно тому, как некоторые

исследователи признают словоклассифицирующий характер категории числа в таких языках, как банту).

Для последующего изложения та или иная точка зрения на характер категории числа у личных местоимений не существенна. В настоящем исследовании мне важно признание в составе референции личного местоимения множественного числа наличия эксплицированного референта и одного или нескольких неэксплицированных референтов, т.е. признание у за личными местоимениями репрезентативной структуры множественной референции.

1.5. Функциональная специфика местоименной репрезентативности

Другое важное отличие между местоименной множественностью и именной репрезентативностью касается функциональной нагрузки, падающей на формы репрезентативной множественности в случае обозначения совокупностей типа ‘говорящий / адресат и другие’.

Именные ассоциативы употребляются для обозначения таких личных совокупностей, которые не включают ни одного из локуторов (ни говорящего, не адресата). Для таких совокупностей всегда доступен и гораздо более характерен другой тип множественной референции – аддитивная множественность. Подобно тому, как единичный нелокутор может быть обозначен как именем собственным (*Коля*), так и актуализированным именем нарицательным (*этот мальчик*), личная совокупность может быть обозначена как репрезентативной формой (**нивхское** *Xevgun-gu* ‘Хевгун и другие’), так и актуализированной формой аддитивной множественности (*эти люди*) или формой сочинительной множественности (*Хевгун и Коля*). Говорящий располагает как минимум тремя перечисленными способами и выбирает один из них, исходя из соображений дискурсивной целесообразности.

В русском языке, как, по-видимому, и в большинстве других языков, для обозначения единичных локуторов почти всегда используются личные местоимения *я*, *ты*; использование для обозначения локутора имени нарицательного или имени собственного периферийно или стилистически маркировано (например, *Ваш покорный слуга видел это собственными глазами* или *Вася сейчас пойдет в комнату и уберет свои игрушки!*). Возможно, в некоторых языках обозначение локуторов не личными местоимениями более распространено (имя собственное, обозначающее адресата или говорящего в норвежском, «этикетные» имена нарицательные в языках Юго-Восточной

Азии – ср. выше русские примеры). Но прототипически каждый из локуторов имеет свое «имя собственное» - личное местоимение единственного числа, которым и обозначается в подавляющем большинстве контекстов.

Как и для обозначения отдельных локуторов, актуализированные имена нарицательные (во множественном числе) недоступны или сугубо периферийны для обозначения личных совокупностей, в состав которых входит один из локуторов ('говорящий и другие', 'адресат и другие') – за исключением, возможно, случаев обращения к широкой аудитории. Совокупность, в которую входит локутор, может быть обозначена либо формой с репрезентативной структурой референции, либо сочиненной конструкцией. При этом в некоторых языках (например, в русском) использование в таких случаях сочинительной множественности также оказывается относительно редким (см. также третью главу).

Таким образом, репрезентативная множественность, будучи относительно периферийным феноменом при обозначении нелокуторов, в случае обозначения личных совокупностей, включающих локутора, оказывается чуть ли не единственно доступным и в определенном смысле обязательным типом множественной референции.

Обязательность репрезентативной структуры множественной референции для форм, обозначающих совокупности типа 'локутор и другие', имеет, на мой взгляд, очевидное когнитивное обоснование. Локуторы занимают в языковой картине мира совершенно особую, **абсолютно** доминирующую позицию. Отражая это представление, язык применяет для обозначения совокупностей, в которые входит один из локуторов, исключительно (или предпочтительно) референциально неоднородные репрезентативные формы. Репрезентативность в таких случаях оказывается прагматически обязательной, хотя и не несет никакой коммуникативной нагрузки (в том смысле, что она совершенно не обязательно отражает социально или ситуационно значимые отношения доминации, а может и прямо противоречить им).

1.6. Типы комплектации множественной референции личного местоимения

В свете типологии именной репрезентативности неудовлетворительность традиционного «толкования» личных местоимений множественного числа как 'говорящий / адресат и другие' особенно очевидна – совершенно неясно, на основании чего адресат идентифицирует этих «других». В разделе 1 главы первой я говорил о

стоящей перед адресатом проблеме комплектации референции именной репрезентативной формы и предложил классификацию способов такой комплектации. В настоящем разделе дается пробная классификация типов комплектации референции личных местоимений множественного числа. Мне известна единственная работа [Кибрик А.А. 1989], в которой эта проблема была эксплицитно сформулирована; там же предварительно намечена типология употреблений русского местоимения *мы*; мой анализ в значительной степени схож с анализом А.А. Кибрика.

Итак, репрезентативная структура множественности у личных местоимений ставит адресата перед проблемой интерпретации множественной референции. Действительно, русское местоимение *мы* вне контекста и ситуации не дает никаких указаний на то, кто, кроме говорящего, входит в обозначаемую этим местоимением личную совокупность. То же верно в отношении других личных местоимений множественного числа. В случае местоимения ‘вы’ – адресат должен определить, идет ли речь о совокупности адресатов или о единственном адресате и некоторых других лицах и если верно последнее – то о ком именно. В случае инклюзивного местоимения, если язык формально различает значение ‘говорящий и адресат’ и значение ‘говорящий и адресат и другие’ (подробнее см. ниже раздел 4.2), проблема комплектации референции стоит только для второго инклюзивного местоимения; если же такое различие формально не проводится, адресат должен определить, в каком из двух возможных значений употреблен инклюзив в данном контексте и, если во втором, идентифицировать неэксплицитированные референты. Выше (в разделе 1.3) я также привел пример, когда репрезентативную структуру множественной референции имеет личное местоимение третьего лица (хотя такие случаи крайне редки в русском языке, а степень их распространенности – и вообще, наличие – в других языках требует специальной проверки).

Ниже я перечисляю референциальные типы личных местоимений в порядке их (предположительной) значимости. Представленный анализ не основывается на разборе реальных дискурсивных данных и в этом смысле носит априорный характер. Не исключено, что анализ реального дискурса выявит иные типы или изменит представление об их относительной значимости. Кроме того, я не пытаюсь выявить **конкретные стратегии** комплектации референции местоимений множественного числа, то есть объяснить, каким образом адресат определяет, с личным местоимением какого референциального типа он имеет дело в данном конкретном высказывании – я

поставил перед собой ограниченную задачу выделения как можно большего числа различных существующих референциальных типов.

Референциальный тип 1. (Анафорический). Местоимения ‘мы’ (/ ‘вы’ / ‘они’) могут обозначать совокупность, включающую говорящего (/ адресата / нелокутора) и еще одного или нескольких актуализированных референтов (ср. особенно [Кибрик А.А. 1989]); например:

Маша_i неожиданно позвонила мне ночью. Мы_{ego,i} проговорили до утра.

(Ср. аналогичный тип именной репрезентативности – анафорическую репрезентативность, обсуждаемую в разделе 1.2 главы первой).

Референциальный тип 2. (Локутивный). Местоимение ‘мы’ может обозначать совокупность участников речевого акта (‘говорящий и адресат’). Например:

- Я не хочу туда идти
- А мы_{ego,tu} туда и не пойдем

Локутивная референция характерна только для местоимения ‘мы’; в случае, если в языке существует специальное инклюзивное местоимение, локутивная референция характерна именно для этого инклюзивного местоимения и недоступна для местоимения ‘мы’ (“эксклюзивного”); в случае, если в языке проводится различие между инклюзивным местоимением ‘говорящий и адресат’ (ядерный инклюзив; традиционный *инклюзив двойственного числа*, причины отказа от этого термина станут яснее в разделе 4) и инклюзивным местоимением ‘говорящий, адресат и другие’ (расширенный инклюзив; *суперинклюзив* по [Соколовская 1980]; см. также ниже в разделе 4.2), локутивная референция характерна только для инклюзивного местоимения ‘говорящий и адресат’.

Локутивную референцию в принципе можно признать за местоимением ‘мы’ в значении ‘говорящий и адресаты’ и за местоимением ‘вы’, обозначающим совокупность адресатов (но не ‘адресат и другие’), но так как в типологической перспективе эти значения носят, согласно высказанной в разделе 1.2 точке зрения, второстепенный характер, собственно локутивную референцию можно признать лишь за ‘мы’ в значении ‘говорящий и адресат’.

Референциальный тип 3. (Ассоциативный). Местоимения ‘мы’ (/ ‘вы’ / ‘они’) могут обозначать совокупность, связанную с говорящим (/ адресатом / нелокатором) более или менее тесными группообразующими отношениями:

- Где же ты был последнюю неделю?
- Мы_{ego}, жена ego, etc. только вчера приехали.

Представляется возможным, в случае, если с говорящим устойчиво ассоциируется неродственная личная группа, интерпретировать в последнем предложении местоимение *мы* как обозначение такой неродственной совокупности (например, ‘я и моя компания’ и т.п.). Данный референциальный тип полностью аналогичен ассоциативной репрезентативности у имен, типологии которой, собственно, посвящена первая глава диссертации.

Ассоциативный тип часто встречается в этноисторических текстах: употребляя местоимение ‘мы’, говорящий-рассказчик идентифицирует себя со своим этносом (даже в исторической перспективе, когда рассказчика еще не было на свете).

Как и для типа 2, отмечаются (правда, гораздо реже) случаи грамматикализации ассоциативного типа. Некоторые из таких случаев перечислены в [Майтинская 1968]. Автор указывает на наличие в узбекском (тюркский) и вепском (финно-угорский) языках специальных местоименных притяжательных форм, указывающих на принадлежность к устойчивой группе (например, ‘принадлежащий нашей семье, нашему селу’). Такое же притяжательное местоимение, возможно, существует и в хиналугском (лезгинский) языке [А.Н. Барулин, в личном сообщении].

Референциальный тип 4. (Симилиативный). Личное местоимение может обозначать открытый класс лиц, объединенных одним свойством. Местоимения в таких контекстах чаще всего сопровождаются эксплицитным указанием на объединяющее референтов формы свойство:

Нам, татарам, все равно.

(Ср. аналогичный тип именной репрезентативности – симилиативную репрезентативность, обсуждаемую в разделах 1.2 и 8.3 первой главы).

Наличие таких конструкций включено в грамматическую схему дескриптивных грамматик издательства Рутледж и отмечается в очень большом числе языков, так что

про этот референциальный тип можно с уверенностью сказать, что он характерен для многих языков мира, причем именно в той форме, в которой он выступает в русском языке, то есть с именным приложением, определяющим состав группы; ср., например, знаменитое *we, the people* ('мы, народ' – первые слова конституции США). В цитируемой работе А.А. Кибрика анализируются, впрочем, некоторые случаи употребления русского местоимения *мы* без именного приложения, которые можно также считать близкими к симилиативности ('мы'-«советское» – например, при выступлении на партийном пленуме).

Из четырех выделяемых выше референциальных типов личных местоимений множественного числа три совпадают с выделенными в первой главе типами именной репрезентативности. Лишь в одном случае (тип 2, локутивный) именная аналогия для местоименной репрезентативности отсутствует, так как референты определены относительно их роли в речевом акте, а эта категории, вообще говоря, характерна только для местоимений и чужда для имен существительных.

Именно отсутствие аналогии в рамках сравнения с именной репрезентативностью объясняет, на мой взгляд, отмеченную выше закономерность – отсутствие или малое число языков с формальной корреляцией 'мы' ~ 'я' и без корреляции 'вы' ~ 'ты', при наличии языков с формальной корреляцией 'вы' ~ 'ты' и без корреляции 'мы' ~ 'я' (постановку проблемы см. в разделе 1.2). Действительно, местоимение 'мы', наряду с репрезентативными интерпретациями 'говорящий и другие актуализированные референты', 'говорящий и его группа', 'говорящий и ему подобные' (в которых фокус совпадает с говорящим) имеет и нерепрезентативную интерпретацию 'говорящий и адресат', а также репрезентативную интерпретацию 'говорящий, адресат и другие' с фокусом, отличным от говорящего (точнее с фокусом, состоящим из говорящего и адресата); именно это свойство и может отражаться в формальном обособлении местоимения 'мы' от местоимения 'я'. Эта гипотеза легко верифицируема: если моя модель верна, то тенденция к формальной нерегулярности 'мы' при формальной регулярности 'вы' должна тяготеть к языкам без инклюзива, так как в языках с инклюзивом эксклюзивное 'мы' всегда имеет репрезентативную структуру и фокус всегда совпадает с говорящим и должно быть морфологически регулярно в той же степени, что и местоимение 'вы' (ср., однако, местоименные клитики в илокано (филиппинский) ниже в разделе 4.4. или в [Гринберг 1988]).

Релевантность предлагаемой классификации референциальных типов употребления личных местоимений множественного числа подтверждается случаями морфологической грамматикализации (тип 3, ассоциативный) и лексикализации (тип 2, локутивный). Для четвертого типа (симилятивного) можно, на мой взгляд, говорить о синтаксической грамматикализации структуры местоименной множественной референции.

Лексикализация локутивного типа приводит к появлению местоименной формы ‘говорящий и адресат’, имеющей уже не репрезентативную структуру множественной референции (все референты эксплицированы; адресат не стоит перед проблемой комплектации референции); ср. функциональный аналог местоимения ‘говорящий и адресат’ в русском языке - синтаксическая конструкция *мы с тобой [вдвоем]*, в которой репрезентативный характер референции (то есть наличие неэксплицированных референтов) личного местоимения ‘мы’ снимается на уровне референции именной группы (см. главу третью).

Отсутствие случаев грамматикализации анафорического референциального типа (тип 1) можно, по-видимому, объяснить тем, что анафорический тип является базовым типом местоименной множественности. Наряду со вторым, локутивным типом, анафорический тип (предположительно) является самым частотным типом употреблений личных местоимений множественного числа. Ассоциативный, локутивный и симилятивный типы получаются в результате семантической спецификации репрезентативности – наложения на репрезентативную структуру множественной референции конкретного семантического содержания. Анафорический тип лишен такого содержания и опирается лишь на структуру дискурса, которую адресат в любом случае должен анализировать (хотя бы для того, чтобы определить, к какому типу принадлежит данное употребление); в этом смысле он является, так сказать, дефолтным.

Хочется особо подчеркнуть значимость того факта, что описанные выше референциальные типы местоимений грамматикализуются (или лексикализуются) в специальные местоименные формы. В отсутствие данных о грамматикализации предлагаемая классификация носила бы априорный характер. Общим для всех личных местоимений множественного числа является репрезентативный характер местоименной множественности (‘X и другие’) и пространство дискурсивных

употреблений личных местоимений множественного числа можно членить, вообще говоря, совершенно произвольным образом – априори дискретным оно не является.

Грамматикализуемость выделенных противопоставлений, однако, дает необходимую базу для того, чтобы говорить о лингвистической или, по крайней мере, типологической значимости предлагаемой классификации. В этой связи следует упомянуть еще об одном случае грамматикализации местоименной множественности.

Референциальный тип 5. (Коррелятивный) В языке сурсурунга (патпатар < австронезийский) [Хатчиссон 1986] выделяется класс основ, обозначающих отношения родства, употребление которых носит отчетливо связанный характер – они могут употребляться лишь в сочетании с местоимениями двойственного, тройственного и четверного (о специфике форм четверного числа в сурсурунга см. [Хатчиссон 1986; Корбетт, в печати]). Сами местоимения могут употребляться независимо. Получающиеся формы (местоимение + название отношения родства) обозначают включающую фокус местоимения (например, говорящего в случае местоимения первого лица) группу лиц, связанных между собой данным отношением родства – например, ‘мы трое, связанные отношением отец – сын’. Каким полюсом отношения является фокус – отцом или сыном – неважно. Связанный характер морфем позволяет, на мой взгляд, говорить о наличии в сурсурунга специальных местоименных форм, хотя сам автор статьи, по-видимому, придерживается иной точки зрения, возможно, мотивируемой недавним субстантивным прошлым этих связанных морфем. Сходная ситуация наблюдается в языке капау (анган < транс-новогвинейский) [Оатс, Оатс 1968]; в этой работе такие конструкции уже признаются специальными местоименными формами (в терминах авторов *group pronouns*). Очевидно, в этих языках имеет место грамматикализация еще одного типа местоименной репрезентативности – коррелятивной местоименной множественности, аналогичной коррелятивным формам терминов родства (и даже, возможно, диахронически производной от этих форм).

Итак, местоименная множественность, несомненно репрезентативная по своей природе, и именная репрезентативность обнаруживают общие черты с точки зрения типологии заполнения неэксплицитной составляющей референции словоформы. Общим для этих типов множественной референции является большинство способов комплектации – анафорический, ассоциативный, симилятивный, коррелятивный. При этом, однако, ассоциативный тип, самый частый и типологически значимый для именной репрезентативности, оказывается периферийным для местоименной

множественности, и наоборот, один из двух базовых типов употреблений личных местоимений множественного числа – анафорический – является сугубо периферийным типом именной репрезентативности (его существование, вообще говоря, нужно еще доказывать анализом конкретных текстов). Еще важнее то, что именная репрезентативность чаще всего формально различает разные типы комплектации репрезентативной формы, в то время как отдельные референциальные типы местоименной репрезентативности лишь в редких языках выражаются специальными местоимениями. (Лексикализация локутивного типа в расчет не принимается, так как результирующая форма не является репрезентативной.)

2. Локутивные иерархии

Репрезентативная модель категории числа у личных местоимений объясняет некоторые моменты типологии местоименных систем – существование таких языков, где существует формальная попарная корреляция между местоимениями единственного и множественного числа одних и тех же лиц, и в первую очередь тех языков, где эта корреляция выражается показателем стандартной (аддитивной) именной множественности. Действительно, в плане содержания такой корреляции соответствует отношение ‘X’ ~ ‘X и другие’, которое, по определению, данному в главе первой настоящей диссертации, может быть охарактеризовано как единичность vs. репрезентативная множественность и в ряде языков выражается у имен показателем аддитивной множественности (см. раздел 4. главы первой). Ср., например, личные местоимения **юкагирского** языка и языка хуалуга кечуа:

МОДЕЛЬ 1. (Схема 2)

Безынклюзивные языки юкагирский		Инклюзивные языки х. кечуа	
Sg	Pl	Sg	Pl
met	mit	poqa	poqakuna
‘я’	‘МЫ’ = ‘говорящий и другие’	‘я’	‘МЫ’ = ‘говорящий и другие’
			poqanchi ИНКЛЮЗИВ = ‘говорящий, адресат [и другие]’
tet	tit	qam	qamkuna
‘ТЫ’	‘ВЫ’ = ‘адресат и другие’	‘ТЫ’	‘ВЫ’ = ‘адресат и другие’

2.1. Парадокс второго лица

Легко заметить, однако, что приведенная схема референции местоимения ‘вы’ неадекватно описывает сферу его употребления – местоимение ‘вы’ может описывать только такую группу лиц, в которую не входит говорящий. Точно также неточно описана сфера употребления местоимения эксклюзивного ‘мы’ в языках с инклюзивом, например, в хуалага кечуа. Если в Модель 1 внести соответствующие изменения, то в результате получим следующий результат:

МОДЕЛЬ 2. Безынклюзивные языки юкагирский		(Схема 3) Инклюзивные языки х. кечуа	
Sg	Pl	Sg	Pl
met	mit	поqa	поqakuna
‘я’	‘мы’ = ‘говорящий и другие’	‘я’	‘мы’ = ‘говорящий и другие, но не адресат’
			поqanchi инклюзив = ‘говорящий, адресат [и другие]’
tet	tit	qam	qamkuna
‘ты’	‘вы’ = ‘адресат и другие, но не говорящий’	‘ты’	‘вы’ = ‘адресат и другие, но не говорящий’

В таком случае, однако, встает вопрос, почему два разных отношения [‘X’ ~ ‘X и другие’] для первого лица vs. [‘X’ ~ ‘X и другие, но не говорящий’] для второго лица в **юкагирском** (и в ряде других безынклюзивных языков) кодируются одним и тем же формальным средством. Более того, по той же причине во всех безынклюзивных языках вообще ставится под сомнение существование категории числа личных местоимений: если семантическая корреляция ‘мы’ ~ ‘я’ отлична от семантической корреляции ‘вы’ ~ ‘ты’, то что такое вообще местоименное число? Ставится под сомнение также интерпретация данных тех языков, в которых местоименная множественность формально совпадает с субстантивным множественным числом (например, **пекинский китайский**). Если раньше мы объясняли существование таких языков тем, что местоименная множественность отождествляется с субстантивной репрезентативной множественностью, которая, в свою очередь, может выражаться показателем аддитивной множественности, то модель 2 ставит под сомнение такое сближение, так как соответствующее местоимению ‘вы’ толкование ‘X и другие, но не

говорящий' существенно отличается от семантической формулы субстантивной репрезентативности.

Отчасти, те же проблемы ставят и инклюзивные языки (т.е. языки, в систему местоимений которых входит инклюзив). Семантическая корреляция 'я' ~ 'мы' в определенном смысле совпадает в инклюзивных языках с семантической корреляцией 'ты' ~ 'вы' – действительно, формула личного местоимения множественного числа принимает вид 'локутор и другие, но не второй локутор', удовлетворяющую и референциальной схеме 'мы', и референциальной схеме 'вы'. Однако такое отношение, очевидно, уникально для системы личных местоимений и не может иметь аналогов в сфере субстантивной множественности; поэтому аналогия с именной репрезентативностью разрушается и существование языков с субстантивной множественностью у личных местоимений оказывается, как и в случае безынкузивных языков, совершенно необъяснимым (ср. хуалуга кечуа в схеме 3).

Итак, Модель 2 заставляет нас отказаться от репрезентативной модели местоименного числа. Иными словами, семантические соображения, как кажется, указывают на предпочтительность Модели 2, в то время как данные местоименной морфологии значительного числа языков свидетельствуют в пользу Модели 1.

2.2. Принцип экспликации доминанты совокупности

В разделе 1.1 первой главы я говорил о том, что репрезентативная множественность может быть охарактеризована как референциально неоднородная (по сравнению с референциально однородной аддитивной множественностью): один референт репрезентативной формы эксплицирован, а другие – нет. Эта референциальная неоднородность может быть функционально мотивирована тенденцией к экспликации более важного и центрального в ущерб менее важному и периферийному. Иначе говоря, референциальная неоднородность может отражать иерархические структуры, характерные для картины мира данного языка – элемент совокупности, занимающий высокую позицию в той или иной иерархии, (или доминанта) называется эксплицитно, а остальные элементы совокупности обозначаются грамматическими средствами.

В случае ассоциативной множественности экспликация доминанты личной совокупности была сформулирована в форме принципа доминанции фокусного референта (раздел 7.1 первой главы). Лексическим референтом ассоциативной формы (то есть референтом ее основы) может становиться только такой член личной

совокупности, который доминирует в ее пределах по тому или иному признаку, специфичному для данного языка (пол, поколение, прагматическая дистанция от точки отсчета и др.) Механизмы выделения доминанты могут быть также сформулированы для симилятивной репрезентативности, коррелятивных форм терминов родства, форм классификаторной множественности (см. раздел 8 первой главы).

2.3. Локутивная иерархия в безынклюзивных языках

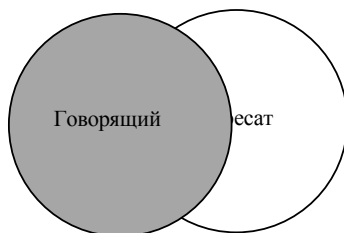
Как я уже говорил выше, референциально выделенным элементом совокупности, обозначаемой местоимением 'мы' является, очевидно, говорящий. Следует признать, что лишь в меньшинстве языков речь идет о лексической референции к говорящему (см. выше раздел 1.4). Но в любом языке непосредственно из местоимения 'мы' адресат извлекает только информацию о том, что в обозначаемую группу входит говорящий; другие референты местоимения устанавливаются адресатом на основе анализа дискурсивного и ситуативного контекста. Можно сказать, что, употребляя местоимение 'мы', говорящий «гарантирует» адресату только свое собственное вхождение в обозначаемое множество; точно также, употребляя местоимение 'вы', говорящий гарантирует адресату лишь его собственное (т.е. адресата) вхождение в обозначаемое множество. Именно в этом смысле можно говорить о том, что структура множественной референции личного местоимения множественного числа неоднородна – также, как референция именной репрезентативной формы. Иначе говоря, говорящий и адресат являются доминантами личных совокупностей, обозначаемых местоимениями 'мы' и 'вы', соответственно (ср. также выше раздел 1.5).

Рассмотрим теперь один частный случай употребления местоимения 'мы' в безынклюзивных языках. Как известно, в таких языках местоимение 'мы' может обозначать личную совокупность, в которую входит как говорящий, так и адресат. Иначе говоря, в личной совокупности, в которую входят оба локутора, доминантой является говорящий. Это наблюдение естественно сформулировать в виде хорошо известной из различных областей лингвистической типологии и семантики локутивной иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}. Выбор доминанты личной совокупности в безынклюзивных языках согласуется с этой иерархией: если в личную совокупность входит говорящий, то в качестве доминанты выбирается именно он и совокупность может быть обозначена репрезентативной формой с говорящим в роли фокуса – т.е. местоимением 'мы'. Если в личную совокупность входит адресат, то в

качестве доминанты выбирается адресат и совокупность может быть обозначена репрезентативной формой с адресатом в роли фокуса – т.е. местоимением ‘вы’. Но если в совокупность, в которую входит адресат, входит также и говорящий, то адресат не может быть выбран в качестве фокуса репрезентативной формы, так как он расположен на локутивной иерархии ниже, чем говорящий, и поэтому не может являться ее доминантой.

Как нетрудно заметить, эта модель позволяет вывести компонент ‘но не говорящий’ из референциальной схемы местоимения ‘вы’. Действительно, оказывается, что сфера употребления местоимения ‘вы’ ограничивается личными совокупностями, в которые не входит говорящий, не потому, что такое ограничение свойственно природе местоимения ‘вы’, а потому, что конфигурация локутивной иерархии данного языка предписывает в остальных случаях употребление местоимения ‘мы’. Ср. следующую схему:

Схема 4



2.4. Языки с инклюзивным местоимением

Несколько иную модель следует предложить для языков с инклюзивным местоимением, или инклюзивных языков. Как известно, в таких языках одно местоимение используется для обозначения совокупностей, в которые входит говорящий, но не входит адресат (традиционный термин – экслюзивное ‘мы’); другое – для обозначения совокупностей, в которые входит адресат, но не входит говорящий (‘вы’); наконец, третье – для обозначения совокупностей, в которые входят одновременно и говорящий, и адресат (традиционный термин – инклюзивное ‘мы’, иногда также инклюзивное местоимение или инклюзив).

В рамках предлагаемого подхода естественно предложить для описания инклюзивных языков следующую модель. В совокупности, в которую входит адресат и

третьи лица, эксплицируется адресат (местоимение ‘вы’, референциальная схема ‘адресат и другие’); следовательно, доминантой таких совокупностей является адресат, откуда выводим фрагмент локутивной иерархии {АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}. В совокупности, в которую входит говорящий и третьи лица, эксплицируется говорящий (местоимение ‘мы’ эксклюзивное; референциальная схема ‘говорящий и другие’); следовательно, доминантой таких совокупностей является говорящий, откуда выводим фрагмент локутивной иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР}.

Для обозначения же совокупности, в которую входят одновременно и говорящий, используется инклюзивное местоимение. Употребляя инклюзивное местоимение, говорящий гарантирует адресату как свое собственное (говорящего), так и его (адресата) вхождение в обозначаемую совокупность. Следовательно, инклюзивное местоимение эксплицирует двух референтов и фокус инклюзивного местоимения, в отличие от других личных местоимений множественного числа, состоит из двух элементов – говорящего и адресата. Естественно считать, что, с точки зрения инклюзивного языка, в таких совокупностях присутствуют две равноправные доминанты, т.е. соответствующий фрагмент локутивной иерархии имеет вид {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ} (порядок не существен).

Соединяя полученные фрагменты локутивной иерархии, получаем результирующую иерархию вида { ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}. Ср. схему:

Схема 5



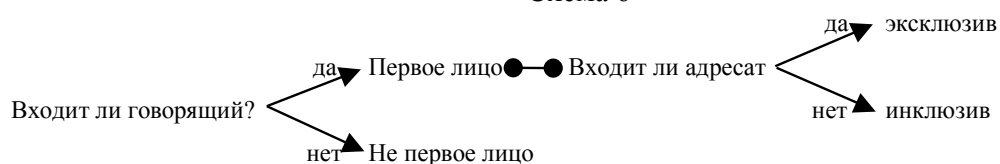
2.5. Терминологические следствия модели

Схемы, принципиально во многом схожие с приведенными в двух предыдущих разделах, предложила для безыклюзивных и инклюзивных языков Барбара Холленбах [Холленбах 1970]. Однако, описывая правила употребления личных местоимений, Холленбах говорит об иерархии лиц, таким образом приписывая иерархическую упорядоченность собственно личным местоимениям, т.е. языковым категориям, а не когнитивным категориям {локутор vs. нелокутор} и {говорящий vs. адресат}. Такой

подход, естественно, не позволил бы Холленбах при описании функционирования личных местоимений отвлекаться от компонентов ‘но не говорящий’, ‘но не адресат’; впрочем, объяснительная типология морфологической структуры систем личных местоимений и не входила в ее цели.

Несомненный интерес представляет, однако, ее вывод о том, что от традиционного подхода, рассматривающего инклюзивное местоимение как элемент противопоставления внутри первого лица <экслюзивное vs. инклюзивное местоимение первого лица> (ср. даже в новых и новейших учебниках морфологии – например [Мельчук 1998: 204; Плунгян 2000: 256]), следует отказаться; с этим выводом я полностью согласен. Термин *инклюзивное местоимение первого лица* предполагает доминанцию говорящего над адресатом.

Схема 6



Встраивание противопоставления {экслюзив ~ инклюзив} внутрь категории первого лица множественного числа в качестве вложенной категории предполагает, что говорящий сначала определяет, входит ли в обозначаемую совокупность сам говорящий и, если да, то выбирает категорию первого лица, и только потом определяет, входит ли в обозначаемую совокупность адресат, и, если да, употребляет инклюзивное, а если нет – экслюзивное местоимение (см. схему). Это представление также отражено в иногда употребляемом термине *нейтральное ‘мы’* – местоимение ‘мы’ в безынклюзивных языках, нейтрализующее противопоставление по инклюзивности ~ экслюзивности.

В то же время в функционировании инклюзивного местоимения нет ничего, что указывало бы на доминанцию говорящего над адресатом; а в рамках предлагаемого мною подхода наличие инклюзивного местоимения само по себе является следствием равновысокой позиции, которую говорящий и адресат занимают на иерархии локуторов. Более того, в работе [Филимонова 1997] показано, что наличие в местоименной системе инклюзивного местоимения может коррелировать с отклонениями от иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ} в других фрагментах грамматики

языка (о типологической неуниверсальности иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ} см. также [Кибрик 1997]).

Этот же вопрос анализировался рядом исследователей с точки зрения морфологической типологии инклюзива. Анализ морфологических концепций инклюзива можно найти, например, в работе [Филимонова 1997]. Существует относительно небольшое число языков, где инклюзивное местоимение формально близко к первому лицу; но, как считает тот же автор, существуют и языки, в которых инклюзивное местоимение формально сближается со вторым лицом (та же точка зрения в [Бхат, рукопись]; я не всегда согласен с морфологическими интерпретациями этих авторов; см., например, ниже об алгонкинских языках, раздел 2.9). В любом случае, в подавляющем большинстве языков инклюзивное местоимение, по-видимому, формально независимо и от личного местоимения первого, и от личного местоимения второго лица (это утверждение высказывалось неоднократно, но все же требует последовательной проверки на типологически репрезентативной выборке), что говорит не в пользу традиционной терминологии.

В смысле личной атрибуции инклюзива показательны и такие америндские языки как **кариб** (карибский) [Хофф 1968] или **аймара** (аймарский) [Хардман де Баутиста 1974], в которых, при необязательности местоименного числа, наряду с первым, вторым и третьим лицом, существует также инклюзивное местоимение. В таких языках инклюзивное местоимение называют четвертым лицом (см. также [Филимонова 1997]); традиционный подход, рассматривающий инклюзив как вложенную категорию первого лица множественного числа в таких языках вообще неприменим.

Я считаю, что как морфологические, так и функциональные характеристики инклюзивного местоимения (в том числе в рамках предлагаемой мною репрезентативной модели местоименного числа) требуют выделения инклюзива в отдельное лицо не только в языках типа **аймара** и **кариб**, но и вообще во всех языках с инклюзивом.

Отказ от противопоставления внутри первого лица категории {эксклюзивности ~ инклюзивности} должен, казалось бы, затронуть и второй член противопоставления – эксклюзивное ‘мы’. С другой стороны, «бывшее» эксклюзивное местоимение употребляется только для обозначения личных совокупностей, в которые не входит адресат; чтобы отразить это свойство, даже те авторы, которые говорят о

необходимости выделения инклюзивного местоимения в специальное лицо, сохраняют термины *экслюзивное местоимение* и *экслюзивное 'мы'*.

Если теперь внимательно рассмотреть, каким образом введение локутивной иерархии {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР} изменяет наши представления о функционировании личных местоимений множественного числа, то окажется, что термин *экслюзивное 'мы'* оказывается избыточным. Входящий в референциальную схему *экслюзивного 'мы'* компонент 'но не адресат' имеет точно ту же природу, что компонент 'но не говорящий' в референциальной схеме местоимения 'вы'; согласование выбора доминанты группы (и, следовательно, выбора личного местоимения множественного числа) с иерархией локуторов позволило удалить оба эти компонента из референциальной схемы личных местоимений. Иными словами, *экслюзивное 'мы'* оказывается точным референциальным аналогом так называемого *нейтрального 'мы'* в безынкузивных языках (например, русского *мы*) – оба имеют референциальную схему 'говорящий и другие', а различия в сфере применимости этих местоимений определяются различиями локутивных иерархий инклюзивных и безынкузивных языков. Поэтому, в кросс-языковой перспективе, я считаю излишним выделение специальной типологической сущности *экслюзивного 'мы'*. На настоящем этапе остается однако неясным, какова типологическая значимость отождествления традиционных 'мы'-нейтрального и 'мы'-экслюзивного. В частности, интересно исследовать в этой связи вопрос о том, почему при переходе от системы, содержащей инклюзив, к системе без инклюзива по крайней мере в некоторых языках роль 'мы' принимает на себя бывшее инклюзивное местоимение (например, в **имбабура кечуа** [Коул 1982]).

Вытекающие из репрезентативной модели местоименного числа предложения по изменению терминологического узуса можно суммировать в следующей схеме:

Схема 7

традиционный подход термин	предполагаемая референциальная схема	репрезентативный подход термин
мы-нейтральное →	'говорящий и другие'	'мы'
мы-экслюзивное →		
мы-инклюзивное →	'говорящий, слушающий [и другие]'	инклюзив
вы →	'слушающий и другие'	'вы'

2.6. Другие манифестации иерархии {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}

Отмечу, что существуют такие языки, местоименная система которых отражает иерархию {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}, но не содержит инклюзивного местоимения – это языки, в которых существует единственное местоимение, сфера употребления которого функционально покрывает сферы употребления местоимений ‘мы’ и ‘вы’ и инклюзивного местоимения. Традиционно такие системы моделируются как содержащие два омонимичных местоимения ‘мы’ и ‘вы’, что некорректно в том числе и потому, что ‘мы’ ~ ‘вы’ языки отражают иерархию {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}, очевидно чуждую местоименным системам этого типа. Мне известно о существовании местоименных систем такого типа лишь в североамериканских атапаскских языках (**навахо**, **слейв**; см., например [Райс 1989]). Для таких языков следует, очевидно, постулировать специальное локутивное местоимение множественного числа со значением ‘локутор и другие’.

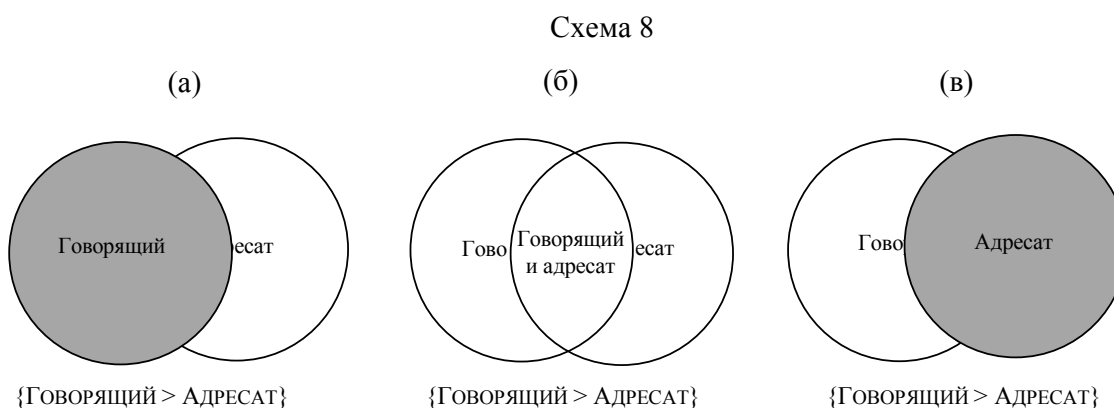
2.7. Иерархия локуторов и факультативность местоименного числа

Неверно было бы предполагать, что если в языке отсутствует категория местоименного числа (или местоименное число факультативно), то для этого языка представление о локутивной иерархии нерелевантно. Даже если в языке формально не различаются (или факультативно различаются) местоименные значения ‘мы’ и ‘я’, ‘вы’ и ‘ты’, при обозначении личной совокупности, включающей и адресата, и говорящего язык должен либо воспользоваться специальным инклюзивным местоимением, либо местоимением первого лица ‘я’ (= ‘мы’). Выше я уже говорил об инклюзивных языках с факультативным местоименным числом (**кариб**, **аймара**); в таких языках следует, очевидно, постулировать иерархию {Говорящий = Адресат}.

В тех же языках с факультативным (или отсутствующим) местоименным числом, где нет инклюзивного местоимения, для обозначения совокупности, включающей говорящего и адресата, используется местоимения ‘я’ (= ‘мы’), так что такие языки, в отличие от языков аймара или кариб, отражают локутивную иерархию {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}.

2.8. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в языках мира: постановка проблемы

Выше я предложил увязывать структуру местоименной системы с определенного вида локутивной иерархией. Местоименная конфигурация языков без инклюзива (иерархия {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}), таких как русский или английский, отражена на схеме 8 а; языкам с инклюзивом (иерархия {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ}) соответствует схема 8 б. Естественно возникает вопрос, существуют ли языки, соответствующие гипотетической 8 в – то есть языки, в которых иерархия локуторов имеет вид {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}? В таких языках, как и в языках типа (а), должно существовать только только два личных местоимения не третьего лица; одно из них, ‘мы’, функционально соответствовало бы традиционному ‘мы’-экслюзивному, а другое, ‘вы’, покрывало бы сферу употребления традиционных ‘вы’ и инклюзивного местоимения.



2.9. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в морфологии: скрещенные инклюзивы

2.9.1. Алгонкинские языки

Рассмотрим структуру личных местоимений в алгонкинских языках (на материал алгонкинских языков мое внимание обратила Е. Филимонова, хотя я и не согласен с проводимым в ее работе [Филимонова 1997] морфологическим анализом алгонкинских личных местоимений). Как и в некоторых других языках американских индейцев (например, атапаскских), личные местоимения всех лиц и чисел в алгонкинских языках образуются от одной основы. К основе присоединяются префиксы и суффиксы, тождественные посессивным аффиксам на именах существительных; префиксы

выражают только категорию лица, а суффиксы – кумулятивно категорию лица и значение множественного числа. У местоимений единственного числа лично-числовой суффикс отсутствует. Рассмотрим, например, структуру личных местоимений в языке восточный оджибва (гlossы приведенных в таблице форм предложены автором).

(Таблица 1)

НЕЗАВИСИМЫЕ ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНЫЙ ОДЖИБВА

	SG	PL
1-е лицо	n-i·n	n-i·nu-wi
	1-МЕСТ	1-МЕСТ-1.PL
Инклюзив		k-i·nu-wi
		2-МЕСТ-1.PL
2-е лицо	k-i·n	k-i·nu-wa·
	2-МЕСТ	2-МЕСТ- HE.1.PL
3-е лицо	w-i·n	w-i·nu-wa·
	НЕЛОК-МЕСТ	НЕЛОК-МЕСТ-HE.1.PL

Как видно из таблицы 1, префикс *k-* содержится не только в местоимениях второго лица единственного и множественного числа, но и в инклюзиве. В традиционном алгонкинском языкознании эта черта называется правилом доминирования (*precedence*; см., например [Уолфорт 1973]) – второе лицо доминирует над первым. В работе [Блумфилд 1956] говорится, что всегда, когда в ситуации участвует адресат, форма содержит префикс *k-* (это правило существенно не только для описания структуры личных местоимений, но и, например, при описании морфологии глагола; алгонкинский глагол обладает категорией инверсива, так что, независимо от того, является ли адресат Агенсом или Пациенсом, глагольная форма содержит префикс *k-*). Очевидно, что правило *precedence* по сути тождественно предложенной нами иерархии выбора фокусного референта. В то же время лично-числовые суффиксы объединяют инклюзив с первым лицом, а местоимение ‘вы’ – с третьим лицом.

Если только не пытаться интерпретировать алгонкинскую местоименную морфологию как циркумфиксальную, то окажется, что морфологической категории инклюзива в языке восточный оджибва собственно нет – инклюзивное местоимение складывается из префикса второго лица и плюрального суффикса первого лица

(поэтому М. Митун называет алгонкинские инклюзивы *hybrid inclusives* - [Митун 1999: 70]; в качестве русского эквивалента я буду использовать термин скрещенный инклюзив). Иначе говоря, иерархии выбора фокусного референта, используемые при выборе префикса и суффикса, различны. Префикс выбирается согласно иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР}, а суффикс – согласно иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ = НЕЛОКУТОР}. Следует подчеркнуть, что тот факт, что префикс сам по себе не характеризует местоименную словоформу по числу, несуществен – выше я говорил о том, что локутивную иерархию следует постулировать даже для тех языков, где местоименное число отсутствует или факультативно (раздел 2.7).

Для сравнения скажу, что в другом алгонкинском языке – **полевом кри** – выбор лично-числового суффикса контролируется иерархией {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ}, так как плюрализирующий суффикс инклюзивного местоимения отличается как от плюрализирующего суффикса местоимения ‘мы’ (традиционного эксклюзивного ‘мы’), так и от плюрализирующего суффикса местоимения ‘вы’.

2.9.2. Отоми

В южноамериканском языке **отоми** (отомангский; Амазония) [Хеккинг 1987] личные местоимения состоят из основы и лично-числового суффикса. Несингулярная основа личных местоимений, по-видимому, не совсем регулярно связана с соответствующей сингулярной основой (*nugögi* ‘я’ ~ *nug(ö)* ‘мы’; *niä'i* ‘ты’ ~ *ni'a* ‘вы’), но для предлагаемого анализа это несущественно. К несингулярной основе присоединяются суффиксы, различающие двойственное и множественное число и первое и второе лицо. Как и в алгонкинских языках, инклюзив демонстрирует двойственную природу – к основе первого лица *nug[ö]*- присоединяется суффикс двойственного или множественного числа второго лица (*-wi* и *-hu*, соответственно). Таким образом, выбор основы следует иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}, а выбор лично-числового суффикса – иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}. Кроме личных местоимений, в таблице также отображена структура притяжательных форм. Притяжательная форма состоит из притяжательного местоимения или проклитики (во всяком случае, в цитируемой грамматике этот элемент пишется отдельно от основы), основы, обозначающей обладаемое, личного суффикса обладателя и лично-числового суффикса, который тождествен суффиксам личных местоимений (гlossa Sub обозначает именную основу – обладаемое). В притяжательных формах иерархия {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}

контролирует выбор проклитики и личного суффикса, а иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, как и у личных местоимений, контролирует выбор лично-числового суффикса.

(Таблица 2)

НЕЗАВИСИМЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ПОСЕССИВНЫЕ ФОРМЫ В ЯЗЫКЕ ОТОМИ.

		SG	DU	PL
1	POSS	ma Sub-[gö] 1POSS SUB-1POSS	ma Sub-[gö]-'be 1POSS SUB-1POSS-1DU	ma Sub-[gö]-he 1POSS SUB-1POSS-1PL
	PRON	nugögi 1SG	nug[ö]-'be 1NONSG-1DU	nug[ö]-he 1NONSG-1PL
INCL	POSS		ma Sub- [gö]-wi 1POSS SUB-1POSS-2DU	ma Sub-[gö]-h <u>u</u> 1POSS SUB-1POSS-2PL
	PRON		nug[ö]-wi 1NONSG-2DU	nug[ö]-h <u>u</u> 1NONSG-2PL
2	POSS	ir Sub-[ge] 2POSS SUB-2POSS	ir Sub-[ge]-wi 2POSS SUB-2POSS-2DU	ir Sub-[ge]-h <u>u</u> 2POSS SUB-2POSS-2PL
	PRON	nuä'I 2SG	nu'a-wi 2NONSG-2DU	nu'a-h <u>u</u> 2NONSG-2PL

2.9.3. Койсанские языки

Структура личных местоимений в койсанском языке **нама** [Хагман 1974: 87; Бем 1985] близка к структуре личных местоимений в **отоми**. Несингулярные личные местоимения состоят из основы (супплетивной по отношению к сингулярной того же лица) и лично-числового суффикса (также выражающего категорию рода). Инклюзивное местоимение состоит из несингулярной основы второго лица и лично-числовых суффиксов первого лица. Иначе говоря, выбор основы следует иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, а выбор лично-числового суффикса – иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ} (т.е. **нама** тождествен **отоми** с точностью «до наоборот»).

(Таблица 3) Независимые личные местоимения в языке нама

	Sg	Du	Pl
1 MASC	tiíta 1.SG	sií-kxm 1.NONSG-1.MASC.DU	sií-ke 1.NONSG-1.MASC.PL
1 FEM	tiíta 1.SG	sií-m 1.NONSG-1.FEM.DU	sií-se 1.NONSG-1.FEM.PL
1 COM		sií-m 1.NONSG-1.COM.DU	sií-tà 1.NONSG-1.COM.PL
INCL MASC		saá-kxm 2.NONSG-1.MASC.DU	saá-ke 2.NONSG-1.MASC.PL
INCL FEM		saá-m 2.NONSG-1.FEM.DU	saá-se 2.NONSG-1.FEM.PL
INCL COM		saá-m 2.NONSG-1.COM.DU	saá-tà 2.NONSG-1.COM.PL
2 MASC	saáts 2.SG.MASC	saá-kxò 2.NONSG-2.MASC.DU	saá-kò 2.NONSG-2.MASC.PL
2 FEM	saás 2.SG.FEM	saá-rò 2.NONSG-2.FEM.DU	saá-sò 2.NONSG-2.FEM.PL
2 COM		saá-rò 2.NONSG-2.COM.DU	saá-tù 2.NONSG-2.COM.PL
3 MASC	// ^o ĩip 3.SG.MASC	// ^o i~i-kxà 3.NONSG-2.MASC.DU	// ^o i~i -ku 3.NONSG-2.MASC.PL
3 FEM	// ^o ñis 3.SG.FEM	// ^o i~i -rà 3.NONSG-2.FEM.DU	// ^o i~i -tì 3.NONSG-2.FEM.PL
3 COM		// ^o i~i -rà 3.NONSG-2.COM.DU	// ^o i~i -n 3.NONSG-2.COM.PL

2.10. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в лексике

Рассмотренные выше случаи объединяет то, что интересующая нас иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} проявляется только на уровне выбора морфологических показателей; а так как одновременно с ней на морфологическом же уровне действует иерархия {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}, то на лексическом уровне – то есть на уровне независимых местоимений-слов – эти языки описываются как инклюзивные и тем самым отражающие иерархию {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ}. В то же время в английском и

во многих других языках иерархия {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ} проявляется именно на лексическом уровне – в случае, если в обозначаемую личную совокупность входит говорящий, используется одно и то же местоимение вне зависимости от того, входит или не входит в нее адресат. В этой связи возникает вопрос, может ли локутивная иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, отмеченная в алгонкинских, койсанских и **отоми** на уровне местоименной морфологии, контролировать выбор местоименной лексемы?

По-видимому, так обстоит дело в южноамериканском языке **санума** (яномамский; Амазония). В [Боргман 1990] утверждается, что санума различает инклюзивное и эксклюзивное местоимения первого лица множественного числа, причем инклюзивное местоимение материально совпадает с местоимением 'вы'. Использование одной и той же формы в роли инклюзивного местоимения и местоимения 'вы' автор, по-видимому, рассматривает как случайную омонимию. Очевидно, что в рамках предлагаемого нами подхода к описанию личных местоимений множественного числа такое описание некорректно; его можно сравнить с утверждением, что в английском языке существуют материально совпадающие эксклюзивное и инклюзивное 'мы' (*we*). Так как язык санума использует одно и то же местоимение для описания любой группы, в которую входит адресат (вне зависимости от того, входит ли в эту группу говорящий), то он, очевидно, является примером языка, при выборе фокуса личного местоимения опирающегося на локутивную иерархию {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}.

Местоименная система, тождественную местоименной системе языка санума, обнаруживается также в языке муна (малайско-полинезийский) [обнаружена Е. Филимоновой, в личном сообщении].

Не исключено, что сходные черты демонстрирует местоименная система языка **рама** (чибчанский; Никарагуа) [Грайнвальд, рукопись]. Хотя система независимых местоимений языка рама никак не выражает категорию инклюзива и очевидно отражает локутивную иерархию {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}, формы притяжательных местоимений множественного числа противопоставляют значения первого лица, инклюзива и второго лица. Притяжательное инклюзивное местоимение выступает в полной и краткой формах; в краткой форме оно совпадает с притяжательным местоимением второго лица множественного числа.

(Данные языка **рама** требуют тщательной проверки. Дело в том, что местоимение *mwaiŋ*, которое я предположительно называю инклюзивным, в цитируемой

грамматике называется эксклюзивным. Я предполагаю вероятность ошибки из-за того, что из трех приводимых предложений, содержащих эту форму, два являются типично гортативными, то есть выражают значение ‘давай мы Р’. Хорошо известно, что в подавляющем большинстве таких контекстов ‘мы’ выступает в инклюзивном значении. На настоящий момент я не получил от автора грамматики Колетт Грайнвальд ответа, который бы подтвердил или опроверг мою точку зрения.)

2.11. Иерархия {Адресат > Говорящий} в прагматике: вежливый стиль на Сулавеси

В рассмотренных выше языках определение доминанты личной совокупности при выборе того или иного местоименного показателя или местоимения контролируется фиксированными иерархиями локуторов. Кажется вероятным, однако, что при переходе к вежливому стилю язык может повышать статус адресата, помимо прочего, и в контролирующих употреблении личных местоимений локутивных иерархиях. Именно так, по всей видимости, обстоит дело в некоторых языках Южного Сулавеси: конджо, макаassarский, бугийский (южносулавесийские < австронезийские) (материал этого раздела основывается частично на личном сообщении Эрика Зобеля, частично на указанной им же работе [Фрайберг 1996]).

В нейтральном регистре эти языки различают первое лицо, инклюзив и второе лицо (категория числа не выражается). В вежливом регистре система редуцируется таким образом, что инклюзив «выполняет функцию» и инклюзивного местоимения, и местоимения второго лица (то есть система личных местоимений принимает форму, описанную для **санума** и муна). Продемонстрирую это на примере макаassarского языка:

(Таблица 4) Местоименный сдвиг в вежливом стиле макаassarского языка

	Неформальный стиль	Вежливый стиль
1	nakke	nakke
Инклюзив	katte	katte
2	kau	katte
3	ia	ia
Иерархия	{ АДРЕСАТ = ГОВОРЯЩИЙ }	{ АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ }

Вообще говоря, в вежливом стиле возможно ожидать три типа перестройки местоименной системы, соответствующие трем теоретически возможным типам смены локутивной иерархии – языки с исходной иерархией {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ} могут переходить к иерархии {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ} или {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, а языки с исходной иерархией {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ} – только к иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}. В южносулавесийских языках зафиксирован переход последнего типа.

Можно сказать, что в южносулавесийских языках иерархия, лежащая в основе выбора доминанты личной совокупности, является предметом прагматического выбора говорящего – смена иерархии с {АДРЕСАТ = ГОВОРЯЩИЙ} на {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} отражает изменение взаимного отношения социальных (или иных) статусов локуторов. Специального исследования требует вопрос, реализуется ли где-нибудь гипотетически возможная противоположная ситуация, в которой при переходе в пренебрежительный регистр нейтрализуется противопоставление первого лица и инклюзива.

2.12. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} и посессивность

Здесь мне также хотелось бы высказать одну гипотезу, которую на настоящий момент нельзя еще считать сколько-нибудь типологически обоснованной – это скорее возможное направление для дальнейшего исследования. Дело в том, что в алгонкинских языках, в языках **отоми** и **нама**, где морфологический анализ личных местоимений позволяет реконструировать иерархию {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, морфология личных местоимений полностью или отчасти аналогична морфологии притяжательных форм. В некоторых языках специальная форма инклюзива также характерна только для серии притяжательных, но не для независимых местоимений (сванский (картвельский) [Дондуа 1975: 82], **рама** [Грайнвальд, рукопись]), т.е. независимые местоимения отражают иерархию {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ}, а притяжательные местоимения – иерархию {АДРЕСАТ = ГОВОРЯЩИЙ}. В этой связи целесообразно задаться вопросом, не является ли типологически распространенным продвижение адресата вверх по иерархии локуторов именно в сфере посессивности; и, если эта гипотеза подтвердится, какова когнитивная мотивация такого продвижения.

2.13. Иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}: типологическая убедительность

Несомненно, самым слабым местом предлагаемого описания является крайне слабая представленность локутивной иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ} в языках мира. Действительно, безынклюзивные языки типа русского и английского, с одной стороны, и языки с инклюзивным местоимением, с другой, в совокупности составляют подавляющее большинство языков мира. До настоящего исследования возможность существования иных систем, насколько мне известно, вообще не рассматривалась. Такая возможность стала теоретически мыслимой только после введения основанной на локутивных иерархиях репрезентативной модели местоименного числа. Иными словами, вопрос о гипотетическом существовании (или наоборот, отсутствии) языков типа **санума** исходно являлся в гораздо большей степени индуктивным, чем дедуктивным. Более того, поставив перед собой этот вопрос, я был склонен отвечать на него скорее отрицательно, объясняя отсутствие таких языков эгоцентричностью языковой картины мира и иными априорными когнитивными соображениями.

Я хочу подчеркнуть, однако, что обсуждаемые выше языки **санума** (Амазония), **отоми** (Мексика), **полевой кри** (Северная Америка) и **нама** (Южная Африка) принадлежат к выборке проекта ВАЯС. Четыре ареально различные позиции в типологически репрезентативной выборке из двухсот языков – это достаточно много для того, чтобы предполагать возможность обнаружения сходных фактов в других языках и ареалах мира.

Кроме того, я просто не вижу никаких иных способов объяснения данных этих языков. Отказ от модели, основывающейся на иерархии {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ}, неизбежно, на мой взгляд, приводит к постулированию никак не объяснимой омонимии между инклюзивным местоимением и местоимением 'вы'.

3. Исключение фокуса из референции личного местоимения (в русском языке)

В этом разделе я опишу одну любопытную аналогию между местоименной множественностью и репрезентативностью. Для ряда языков описаны контексты, в которых референция личного местоимения множественного числа первого лица не

включает говорящего. Приведем пример употребления в русском языке так называемого ‘мы’-докторского, а также ‘мы’-родительского:

(доктор пациенту)

Как мы себя сегодня чувствуем?

(родитель о своем ребенке)

У нас уже три зуба.

Прагматическая мотивация, стоящая за этими употреблениями, более или менее прозрачна: употребление говорящим (лечащим врачом) местоимения *мы* направлено на создание у больного представления о том, что он и врач принадлежат к одной группе (ср. [Апресян 1995: 646]), что повышает эмпатию высказывания. Именно поэтому невозможно ‘вы’-докторское – создание ощущения эмпатии у коллеги не входит в сферу профессиональных навыков врача:

(доктор другому доктору о пациенте последнего):

’Ну, как вы себя сегодня чувствуете.

С другой стороны, наряду с ‘мы’-родительским вполне возможно и ‘вы’-родительское, так как личные местоимения множественного числа в таких контекстах не направлены на достижение специального иллокутивного эффекта; они подчеркивают наличие группообразующих отношений между фокусом и его ребенком:

(Родителю о его ребенке, возможно, в отсутствие ребенка)

Сколько у вас теперь зубов?

Еще один интересный пример исключения фокусного референта – это историческое употребление ‘мы’-этнического. В записываемых у информантов текстах на тему истории их народа очень часто встречаются обороты типа ‘наше село’, ‘наши люди’ (ср., например, багвалинские тексты в [Кибрик, в печати]), хотя речь идет о событиях, происшедших задолго до рождения рассказчика.

Во всех этих случаях легко может быть объяснен **эффект**, достигаемый употреблением личного местоимения множественного числа – подчеркивается или утверждается, что определенное лицо связано с другими лицами тесными отношениями (т.е. такие употребления принадлежат к ассоциативному референциальному типу), даже если оно само по себе не вовлечено в описываемую ситуацию, не является ее участником. Но почему такое использование возможно в принципе, остается неясным.

Здесь как раз и помогает аналогия с типологией субстантивной ассоциативности, так как в ряде языков фокусный референт может выключаться из референции ассоциативной формы (см. раздел 7.2).

Следует подчеркнуть, однако, что эта аналогия носит формальный характер – субстантивные примеры, очевидно, мотивируются тем, что фокусный референт является референциальным посредником, и опосредованная им референция к группе может оказываться более удобным способом множественной референции даже в тех случаях, когда сам этот фокусный референт в группу не входит. Иначе говоря, именные примеры исключения фокусного референта опираются на существование группообразующих отношений. В то же время примеры исключения фокусного референта из референции личного местоимения множественного числа, напротив, фокусируют внимание говорящего на этих отношениях ('мы'-родительское) или вообще создают виртуальные отношения ('мы'-докторское). Во всяком случае очевидно, что ни о какой экономии языковых средств речь идти не может, так как в таких случаях экспликация неэксплицированного референта (или множества неэксплицированных референтов) явно не вызывает больших языковых усилий, чем употребление репрезентативной формы.

4. Два типа местоименной множественности.

4.1. Постановка проблемы

Как было сказано в разделе 4 первой главы, существует два наиболее частых формальных типа именной ассоциативности.

С одной стороны, ассоциативная (и, шире, репрезентативная) форма может формально совпадать с формой аддитивной множественности. В словоформах с аддитивной структурой множественной референции показатель аддитивной множественности, как известно, выражает количественную характеристику референции именной словоформы. Например, употребление показателя множественного числа (в отсутствие двойственного и паукального чисел) означает, что число референтов именной словоформы превышает единицу, а показатель двойственного числа означает, что число референтов словоформы равно двум. Как изменяются функции показателя аддитивной множественности в морфологических (и иных) контекстах, в которых он получает ассоциативную интерпретацию? Очевидно, меняется тип референции –

однородная аддитивная референция уступает место неоднородной ассоциативной. Но что происходит с функционально-семантической нагрузкой показателя?

Примеры с очевидностью показывают, что, вне зависимости от того, какую структуру имеет множественная референция, показатель продолжает выражать количественную характеристику множественной референции словоформы. Действительно, в латинском лексическом ассоциативе *Castores* ‘Кастор и Поллукс’ употребляется показатель множественного числа, так как число референтов этой формы превышает один (также как, например, в форме аддитивной множественности *senatores* ‘сенаторы’), а в санскритском лексическом ассоциативе *Mitrāu* ‘Митра и Варуна’ употребляется показатель двойственного числа, так как число референтов этой формы равно двум (также как, например, в форме аддитивной двойственности *akṣī* ‘два глаза’). Более того, переключение режима референции с аддитивного на ассоциативный контролируется, по всей видимости, семантической невозможностью аддитивной плюрализации, то есть первичная функция показателя – количественная характеристика референции словоформы как несингулярной – заставляет язык искать выход из семантического конфликта несингулярности с презумпцией единственности существования референта основы, что приводит к появлению у словоформы ассоциативной интерпретации. Репрезентативная референция в таких случаях может быть выражена формулой ‘совокупность из нескольких элементов, одним из которых является X’.

С другой стороны, в формах, где для выражения ассоциативности используется специальный показатель, у нас нет достаточных основания для выделения у этого показателя значения количественной характеристики референции словоформы. Употребление такого показателя всегда связано с репрезентативным характером референции словоформы; показатель указывает на введение в референцию словоформы референтов, отличных от референта основы, поэтому репрезентативная референция такого типа лучше отражается формулой ‘X и другой (другие)’. Множественная референция такой репрезентативной словоформы имплицитно репрезентативностью: наличием как минимум одного неэксплицированного референта, что, в сумме с фокусом репрезентативной формы, автоматически дает несингулярную референцию словоформы в целом. Собственно для количественной характеристики референции именной словоформы в таких языках (**рапануи, эвенкийский** и др.) используется другой показатель.

Впрочем, репрезентативная форма этого типа также может быть нагружена выражением количественной характеристики, но в таких случаях она количественно характеризует не референцию словоформы в целом, а количество нефокусных референтов. Так, например, в языке **нгиямбаа** (пама-ньюнга) [Дональдсон 1980] показатель *-bula* охарактеризован как ‘и еще один человек’; если бы этот показатель являлся обычным показателем двойственного числа, то он присоединился бы к произвольным именам (или, по крайней мере, к произвольным именам лиц) и вряд ли автор грамматики выделил бы значение ‘и еще один человек’ в качестве основного. Схожий показатель имеется и в языке **вардаман** (гунвингуан; Австралия, не пама-ньюнга) [Мерлан 1994]. А аналитический показатель ассоциативности *kiá* в **рапануи** [дю Фе 1996] указывает на наличие более чем одного неэксплицированного референта (в цитируемой грамматике сказано, что конструкции типа *kiá Nua* ‘Нуа и ее группа’ не могут быть референтны на группу менее чем из трех человек). Показатели такого типа не только сигнализируют наличие в референции словоформы неэксплицированных референтов, но и определяют их число. Впрочем, чаще всего репрезентативные формы не уточняют количественную характеристику неэксплицированной составляющей референции словоформы.

Различия между формальными типами репрезентативности показаны на следующей схеме:

Схема 9.

	Тип 1		Тип 2	Тип 2а
структура референции	аддитивная	репрезентативная	репрезентативная	
количеств. характериз. референции NP	множественная		множественная	
количеств. характериз. неэксплицир. составляющей референции NP	(не определено)	отсутствует	отсутствует	присутствует
схема референции	‘совокупность X-ов’	‘совокупность, включающая X’	‘X и другой (другие)’	

Штриховкой выделена базовая функция показателя; стрелой указано направление деривации вторичной функции. В схеме также указаны другие существенные референциальные признаки, различающие рассматриваемые типы репрезентативности.

Естественно возникает вопрос, к какому из выделенных типов относится местоименная множественность. Априори, местоимение ‘мы’, например, можно

описывать как с помощью референциальной схемы ‘говорящий и другие’, так и с помощью референциальной схемы ‘совокупность, в которую входит говорящий’.

Оказывается, что выбор одной из двух интерпретаций может жестко определяться формальным типом местоименной системы. Местоименное число в системах второго типа, аналогичных формам репрезентативности со специфицированным показателем, я буду называть репрезентативно-ориентированным местоименным числом, а местоименное число в системах первого типа – количественно-ориентированным местоименным числом.

4.2. Ядерный vs. расширенный инклюзив

Так как речь пойдет в первую очередь об инклюзивном местоимении, здесь целесообразно сказать о важном противопоставлении, иногда выливающимся в существование в языке двух различных форм инклюзива. Выше, говоря об инклюзиве, в большинстве случаев я использовал референциальную схему ‘говорящий, адресат [и другие]’; действительно, во многих языках с инклюзивом значения ‘говорящий, адресат и другие’ и ‘говорящий и адресат’ формально не противопоставлены и выражаются одним и тем же местоимением. С другой стороны, в других языках, о некоторых из которых речь пойдет ниже, эти два значения выражаются различными местоимениями, которые я предлагаю называть, соответственно, ядерный инклюзив (ср. традиционное *инклюзив двойственного числа*) и расширенный инклюзив (ср. *суперинклюзивное местоимение* в [Соколовская 1980]).

Различение двух инклюзивов приобретает особую значимость в рамках предлагаемого мной подхода – как уже упоминалось выше, множественная референция ядерного инклюзива не является репрезентативной, так как оба референта ядерного инклюзива равно эксплицированы и в докомплектации множественной референции нет никакой необходимости, в то время как множественная референция расширенного инклюзива является, несомненно, репрезентативной. Более того, расширенный инклюзив является формой репрезентативной множественности по отношению к ядерному инклюзиву в том же смысле, в котором ‘мы’ является формой репрезентативной множественности по отношению к ‘я’: ядерный инклюзив ‘говорящий и адресат’ называет фокус расширенного инклюзива ‘говорящий, адресат и другой (другие)’.

В этой связи встает следующая проблема. Если следовать репрезентативной модели местоименной множественности – то есть считать, что содержанием числового противопоставления у личных местоимений является противопоставление ‘фокус’ ~ ‘фокус и неэксплицитированные лица’ – как объяснить, что в большом числе (если не большинстве) языков с инклюзивом значение ядерного и расширенного инклюзива, противопоставление которых полностью совпадает с данным определением местоименного числа, выражаются одним местоимением. Среди многочисленнейших примеров такого формального совпадения приведу дагестанские или дравидийские инклюзивы (естественно, в тех из них, в которых вообще есть инклюзив).

4.3. Морфология инклюзивного местоимения

В работе ряда исследователей отмечается необычное морфологическое поведение инклюзивного местоимения – в некоторых языках с двойственным числом, присоединяя показатель, у других местоимениях обозначающий двойственное число, инклюзив обозначает совокупность из трех лиц. Ср., например, местоименную систему языка вери (папуасский) [Леонтьев 1974: 72; Гринберг 1988] (обе работы со ссылкой на [Боксвелл 1967]):

(Таблица 5)

Личные местоимения в вери (традиционная модель)

	SG	DU	TRI	PL
1	ne	tenip		ten
INCL		tepir	tëarip	tëar
2	në	arip		ar
3	pë	pëarip		pët, pëar

Несмотря на то, что основа несингулярных форм местоимений в вери не совпадает с основой сингулярных форм, из таблицы очевидна необходимость выделения показателя *-ip*, который, однако, во всех формах, кроме инклюзива, обозначает совокупность из двух лиц, а в случае инклюзива – совокупность из трех лиц. Очевидно, что из соображений парадигматической экономии местоимение *tepir* следовало бы отнести к столбцу единственного, а местоимение *tëarip* – к столбцу двойственного числа.

Сходные, хотя и менее ярко выраженные проблемы с парадигматической атрибуцией инклюзива может возникать и в тех языках, где категория двойственного числа отсутствует. Так, в филиппинском языке маранао [МакКоэн 1959; Гринберг 1988] инклюзивное местоимение *tano* ‘говорящий, адресат и другие’ образуется от инклюзивного местоимения *ta* ‘говорящий и адресат’ с помощью того же показателя – *no*, что и местоимение *kano* ‘вы’ от местоимения *no* ‘ты’. При этом, однако, местоимение *tano* может обозначать только группу состоящую из трех или более человек, в то время как местоимение *kano* может обозначать и группу, состоящую только из двух человек.

Сходным образом может обстоять дело и в языках с факультативной местоименной множественностью. В центральноамериканском языке **кариб** (карибский) [Хофф 1968; Гринберг 1988], различающем три личных местоимения нетретьего лица (первое лицо, второе лицо и инклюзив), но не имеющем обязательной категории местоименного числа, при присоединении факультативного показателя множественного числа к основе инклюзива получается форма, референтная на трех и более человек, в то время как тот же показатель, присоединяясь к другим местоимениям, образует формы, обозначающие двух или более человек.

Последовательный и четкий анализ систем данного типа был проведен Г. Конклином в работе [Конклин 1962]; далее этот анализ обсуждался и использовался, например, в работах [МакКей 1978] и особенно в [Гринберг 1988].

Гринберг выводит ряд имплицативных универсалий и фреквенталий, касающихся инклюзивного местоимения двойственного числа. По материалам его выборки, наличие двойственного местоимений второго или третьего лица с той или иной степенью категоричности имплицитно подразумевает наличие в системе также местоимения первого лица двойственного числа; наличие в системе (экслюзивного) местоимения первого лица двойственного числа имплицитно подразумевает наличие в ней инклюзива двойственного числа в то время как обратное не верно: в целом ряде языков инклюзивное местоимение является единственным местоимением двойственного числа. При этом, если в языке есть инклюзивное местоимение двойственного числа, то в нем есть и инклюзивное местоимение множественного числа. Таким образом, говорит Гринберг, в целом ряде языков система личных местоимений состоит из восьми членов (ср. личные местоимения в вери) [Гринберг 1988].

Конклин предложил отказаться при анализе местоименных систем типа кариб или вери от привычной категории числа, так как число референтов очевидно не позволяет выстроить парадигму морфологически осмысленным образом. Вместо этого, последователи данного подхода вводят категорию RESTRICTED ~ NON-RESTRICTED (в случае, например, языка маранао), где значение RESTRICTED соответствует традиционному единственному, а значение NON-RESTRICTED – традиционному множественному числу. При этом в случае инклюзивного местоимения значение RESTRICTED имеет ядерный инклюзив ‘говорящий и адресат’ – *restricted*, по-видимому, в том смысле, что его референция ограничена названными референтами (ср. выше 4.2). В языках с традиционно выделяемым двойственным числом, например, в языке вери, говорят о противопоставлении RESTRICTED ~ UNIT AUGMENTED ~ NON-RESTRICTED, где UNIT AUGMENTED (в смысле ‘увеличение на один элемент’) соответствует традиционному двойственному числу.

(Таблица 6)

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ВЕРИ (МОДЕЛЬ КОНКЛИНА ET AL.)

	RESTRICTED	UNIT-AUGMENTED	NON-RESTRICTED
1	ne	ten-ip	ten
INCL	tepir	tëar-ip	tëar
2	në	ar-ip	ar
3	pë	pëar-ip	pët, pëar

4.4. Парадигматика инклюзивного местоимения

Гринберг поддерживает применение подхода Конклина в языках, где местоименное число не получает специального морфологического маркирования (Гринберг использует термин *opaque systems*). Действительно, теперь, когда мы уже знаем, что ядерный инклюзив в принципе может оказываться в одном парадигматическом ряду с личными местоимениями единственного числа, мы можем объяснить некоторые менее вопиющие, но сравнительно более распространенные нерегулярности местоименно-числовой парадигматики. Гринберг говорит, в частности, о широкой распространенности местоименных систем с двойственным числом инклюзива, но без форм двойственного числа у других местоимений. Важно отметить при этом, что

наличие двойственного инклюзива (ядерного инклюзива) в подавляющем большинстве случаев имплицитно подразумевает наличие в системе расширенного инклюзива [Гринберг 1988]. Ср., например, местоименные клитики языка илокано (филиппинский) [Конклин 1962; Гринберг 1988], в традиционной модели и модели Конклина:

(Таблица 7) МЕСТОИМЕННЫЕ КЛИТИКИ В ИЛОКАНО

ТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ				МОДЕЛЬ КОНКЛИНА	
	SG	DU	PL	RESTRICTED	NON-RESTRICTED
1	-ko		-mi	-ko	-mi
INCL		-ta	-tayo	-ta	-tayo
2	-mo		-yo	-mo	-yo
3	-na		-da	-na	-da

4.5. Подход Конклина и репрезентативная модель местоименного числа

Конклин и Гринберг жестко разделяют местоименные системы описанного выше типа и более привычные «числовые» местоименные системы, отказываясь от применения к первым традиционной числовой терминологии (хотя считать вводимую Конклином категорию вообще не имеющей никакого отношения к квантификации, по-видимому, невозможно). Кажется, однако, что такой взгляд не совсем оправдан.

Действительно, структура множественной референции личного местоимения во всех языках является репрезентативной. Единственным отличием языков типа вери или илокано (см. выше) является то, что эти языки делают репрезентативность местоименной множественности, так сказать, парадигматически прозрачной.

Поясню, что я имею в виду. Переведем терминологию Конклина в терминологию, предлагаемую в настоящей работе:

Схема 10

RESTRICTED	UNIT AUGMENTED	NON-RESTRICTED
ФОКУС	ФОКУС И ОДИН НЕФОКУСНЫЙ РЕФЕРЕНТ	ФОКУС И НЕФОКУСНЫЕ РЕФЕРЕНТЫ

Морфология местоименных систем в языках вери и илокано, как легко заметить, ориентирована на число нефокусных референтов, так как, например, в вери, все

местоимения с одним нефокусным референтом содержат суффикс *-ip*, вне зависимости от того, каково число референтов всего местоимения (два в случае первого, второго и третьего лиц, три в случае инклюзива, что определяется количественной характеристикой местоименного фокуса). Можно сказать, что местоименное число в таких языках «считает» только нефокусные референты. Если вернуться к схеме 9 в разделе 4.1, станет ясно, что местоименная репрезентативность в языках вери и илокано относится к Типу 2, который я назвал репрезентативно-ориентированным.

4.6. Ядерный инклюзив как местоимение двойственного числа

Далеко не все языки с инклюзивным местоимением устроены так же, как илокано или вери. Действительно, рассмотрим местоименную систему языка ниуэ (полинезийский) [Полинская 1995: 48]:

(Таблица 8)

Личные местоимения в ниуэ

	SG	DU	PL
1	au	maua	mautolu
INCL		taua	tautolu
2	koe	mua	mutolu
3	ia	laua	lautolu

Как и в случае вери, несингулярные личные местоимения имеют основу, отличную от сингулярной. При этом в несингулярных местоимениях естественно выделить показатель двойственного числа *-a* и множественного числа *-tolu* (диахронический анализ структуры местоимений несколько отличается от синхронного, но принцип организации парадигмы останется тем же). Однако ядерный инклюзив морфологически принадлежит к ряду местоимений двойственного числа, отражая включенность в референцию ровно двух лиц – говорящего и адресата, так же, как в случае местоимения первого лица двойственного числа *taua* ‘я и еще один человек’. Очевидно, такое местоименное число «считает» всех референтов местоимения, вне зависимости от их фокусности или нефокусности (и принадлежит, тем самым к описанному в разделе 4.1 Типу 2 - количественно-ориентированному местоименному числу).

4.7. Ядерный инклюзив совпадает с расширенным инклюзивом

Теперь мы готовы ответить на вопрос, поставленный в разделе 4.2 – почему, несмотря на типологически универсальный репрезентативный характер лично-местоименной множественности, значения базового и расширенного инклюзива, относящиеся друг к другу как раз как {фокус F ~ форма репрезентативной множественности с фокусом F}, совпадают в большом числе языков в единственном инклюзивном местоимении? Я вижу единственное объяснение: местоименное число в таких языках «считает» все референты местоименной формы, а так как число референтов инклюзивного местоимения и в случае ядерного, и в случае расширенного инклюзива оказывается большим единицы, то эти два значения совпадают в единственном местоимении множественного числа «нейтральном инклюзиве» ‘говорящий, адресат [и другие]’. Первичным значением местоименного числа в таких языках оказывается количественная характеристика референции формы, а не выражение репрезентативной структуры множественной референции.

4.8. Языки с аддитивной числовой морфологией в местоимениях

Для того, чтобы было возможно определить, какой тип местоименного числа характеризует данный язык, наличие в языке инклюзивного местоимения в принципе не обязательно. Действительно, в языках, местоименная множественность в которых выражается показателем, тождественным показателю аддитивной субстантивной множественности, местоименное число не может считаться репрезентативно-ориентированным.

Так, например, в языке невари (тибето-бирманский) [Королев 1989: 58] личные местоимения множественного числа образуются присоединением показателя аддитивной множественности к соответствующему местоимению единственного числа: *ji* ‘я’ ~ *ji-pin* ‘мы’, *cha* ‘ты’ ~ *cha-pin* ‘вы’. (Отмечу также, что в невари с помощью *-pin* от имен собственных образуются формы ассоциативной множественности.) Как уже говорилось выше в отношении структурно сходной с неварской местоименной системы пекинского диалекта китайского языка, базовой функцией показателя *-pin* следует признать выражение множественной референции словоформы. Местоимение *ji-pin* ‘мы’ может обозначать совокупность из двух человек, в которую входит лишь один нефокусный элемент, из чего неизбежно следует, что *-pin* количественно характеризует не совокупность нефокусных референтов, а совокупность всех референтов

местоимения в целом. Таким образом, в языках с аддитивной субстантивной морфологией числа у местоимений местоименное число относится к типу 1 – является количественно-ориентированным.

При этом наличие или отсутствие формальной корреляции с местоимением единственного числа оказывается не столь существенным. Так, например, русские местоимения *мы* и *вы*, как и местоимения других славянских языков, формально тяготеют к парадигме субстантивной множественности (ср. *м-ы* ~ *слон-ы*, *н-ам* ~ *слон-ам*, *н-ами* ~ *слон-ами*; впрочем, *н-ас* ~ *слон-ах*, *слон-ов*; особенно см. [Барулин 1980]). Показателю множественного числа и в этом случае, как и в случае невари или китайского, можно приписать лишь значение количественной характеристики референции словоформы. Показатель множественного числа в принципе можно выделять и в личных местоимениях некоторых романских языков – например, итальянское *но-и* ‘мы’ ~ *луп-и* ‘волки’; сходный формальный тип местоименной множественности отмечается в разговорном **турецком** [Льюис 1967] и некоторых других языках.

4.9. Языки с репрезентативной числовой морфологией в местоимениях

Теоретически возможен и обратный случай – в личных местоимениях множественного числа выделяется субстантивный показатель, функции которого ограничиваются обозначением репрезентативной множественности. Так как специфически репрезентативные показатели было предложено толковать как ‘и нефокусные референты’ (см. выше раздел 4.1), местоименное число в таких языках естественно интерпретировать как репрезентативно-ориентированное. К сожалению, до настоящего момента у меня нет отчетливых примеров таких местоименных систем.

4.10. Языки, неоднозначные по данному признаку

При отсутствии данных о языках того типа, о котором говорилось в предыдущем разделе, оказывается, существует по крайней мере одна группа языков, местоименная морфология которых выражает одновременно репрезентативную структуру местоименной референции и количественную характеристику этой референции. Так интерпретируется местоименная система языка юпик (эскимосский) в работе [Корбетт, Митун 1996], где в составе личного местоимения множественного числа (как, впрочем,

и в составе именных ассоциативных форм) выделяются два компонента – один указывает на репрезентативный характер формы (в терминах цитируемой работы лучше сказать *выражает значение ассоциативности*), а другой количественно характеризует ее референцию (так как формально совпадает с показателем аддитивной множественности. С точки зрения предлагаемой типологии, местоименное число таких языков не может быть охарактеризовано однозначно. Точнее говоря, в эскимосских языках в составе личных местоимений, согласно Корбетту и Митун, выражаются две различных морфологических категории – репрезентативно-ориентированное местоименное число и количественно-ориентированное местоименное число.

4.11. Языки, неопределенные по данному признаку

Существуют местоименные системы, категорию числа в которых невозможно охарактеризовать с точки зрения того, что является ее первичным содержанием – указание на наличие нефокусных референтов или количественная характеристика референции местоимения. Во-первых, это безынклюдивные языки с формальной корреляцией, уникальной для местоимений (например, литературные **турецкие** местоимения *ben* ‘я’ ~ *biz* ‘мы’, *sen* ‘ты’ ~ *siz* ‘вы’). Так как формальные средства, выражающие корреляцию местоимений единственного и множественного числа, в таких языках несопоставимы с именными показателями аддитивной или репрезентативной множественности, основания для помещения таких местоименных систем в тот или иной тип, выделенный в разделе 4.1, отсутствуют.

Во-вторых, это безынклюдивные языки с отсутствием формальной корреляции между личными местоимениями единственного и множественного чисел (например, **лезгинская** система *zun* ‘я’, *wun* ‘ты’, *sun* ‘мы’ и *kün* ‘вы’). Для них действует та же аргументация, что и для языков с системами **турецкого** типа. Впрочем, не совсем ясно, следует ли в таких языках, которые, вероятно, составляют относительное большинство языков мира, вообще выделять категорию местоименного числа на формальном уровне – никаких указаний на наличие у личных местоимений числовой парадигмы в таких языках вообще нет.

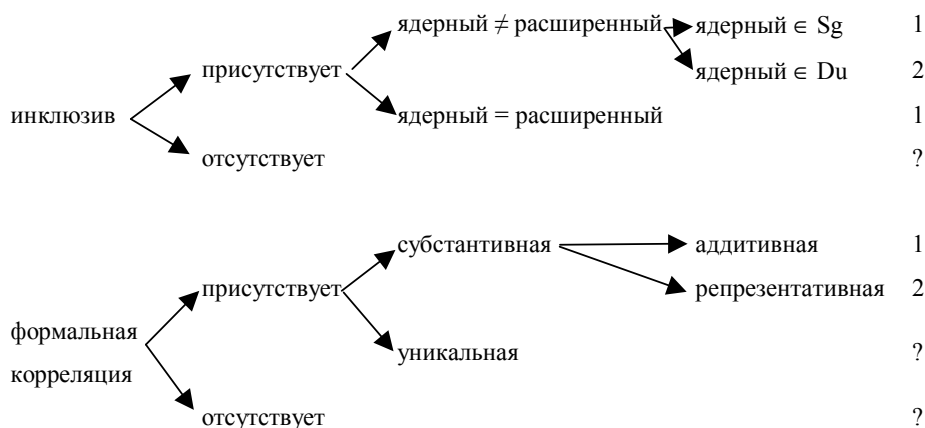
4.12. Обобщения

Итак, описанные в работе ряда исследователей инклюдивные местоименные системы, для моделирования которых этими исследователями был предложен специальный

категориальный аппарат, могут быть рассмотрены в рамках более широкой перспективы типологии местоименного числа. Выведение конклиновских местоименных систем в качестве одного из двух типов местоименной множественности (в отличие от предполагавшегося самим Конклиным подхода – раздельного описания «обычных» числовых систем и систем с категорией {RESTRICTED ~ NON-RESTRICTED}) позволяет вывести данную типологию за пределы исключительно инклюзивных систем и привлечь данные таких языков, в которых показатели местоименного числа совпадают с теми или иными субстантивными показателями.

Типология строится на двух основаниях – парадигматике инклюзивного местоимения, однозначно указывающего на тип местоименного числа (если инклюзивное местоимение вообще представлено в системе местоимений) и типе формальной корреляции между местоимениями одного и того же лица в разных числах:

(Схема 11)



Необходимо, однако, чтобы формальные свойства корреляции и парадигматические свойства инклюзивного местоимения в тех языках, где и те, и другие однозначно атрибутируют местоименную множественность тому или иному типу, давали конвергентные результаты. Совместимость этих двух типологий требует широкого типологического исследования; известные мне языки, где одновременно применимы оба основания типологии, не противоречат гипотезе об их совместимости. Так, **пекинский китайский** не различает ядерного и расширенного инклюзива, что согласуется с данными его местоименной морфологии. Исходя из гипотезы о конвергентности местоименной морфологии и парадигматики инклюзивного

местоимения, я предлагаю следующую таблицу, где «дивергентные» клетки, соответствующие (предположительно) несуществующим типам местоименных систем (с дивергентным результатом по двум основаниям) отмечены штриховкой.

(Схема 12)

	- инклюзив	+ инклюзив - ядерный инклюзив	+ инклюзив + ядерный инклюзив ядерный инклюзив ∈ Sg	+ инклюзив + ядерный инклюзив ядерный инклюзив ∈ Du
отсутствие формальной корреляции	[неопределено] лезгинский	тип 1 аварский	тип 2 илокано	тип 1 ?
уникальная формальная корреляция	[неопределено] турецкий	[тип 1] нивхский	[тип 2] вери	[тип 1] ниуэ
аддитивная субстантивная формальная корреляция	[тип 1] невари	[тип 1] пекинский китайский		[тип 1] ?
репрезентативная субстантивная формальная корреляция	[тип 2] ?		[тип 2] ?	

В конвергентные клетки, соответствующие местоименным система, примеры на которые мне неизвестны, вместо названия языка поставлен вопросительный знак. Вопросительные знаки не следует считать указанием на невозможность или даже малую вероятность местоименных систем такого типа; для того, чтобы высказать такое утверждение, нужно провести исследование типологически репрезентативной выборки. Если окажется, что какие-то из этих клеток действительно не заполнены, этот факт потребует теоретической интерпретации, вероятно, выходящей за рамки предложенной в настоящем разделе типологии местоименного числа.

Глава третья. Конструкции с поглощенным референтом.

Эта глава посвящена анализу одного специфического контекста употребления русского предлога *с* и его типологическим параллелям в других языках.

1. Конструкции с поглощенным референтом в русском языке

Рассмотрим следующие предложения.

Петя с Васей гуляли в саду.

Дети с Петенькой гуляли в саду.

Мы с тобой гуляли в саду.

В первом и втором примерах число референтов выражения *Петя с Васей* равно сумме чисел референтов его составляющих, то есть двум для первого примера и не менее чем трем для второго примера. Для третьего выражения возможно понимание ~‘говорящий и адресат’, при котором число референтов выражения в целом оказывается равным двум, хотя уже первый компонент выражения имеет обязательно неединственный референт, и, если бы число референтов определялось суммой числа референтов составляющих его именных групп, то оно, также как и во втором примере, должно было бы быть заведомо больше двух.

Для объяснения возможности такой интерпретации приходится предположить, что референт местоимения *мы* в этом контексте, кроме говорящего, включает слушающего, так что референция к слушающему в этом выражении осуществляется дважды - один раз местоимением *мы* и второй раз местоимением *ты* в предложном обороте. (Это объяснение носит принципиально гипотетический характер, так как обращение к языковой интуиции не позволяет нам непосредственно установить референциальный состав местоимения *мы* в выражении *мы с тобой*; альтернативное толкование см. ниже в разделе 2). Можно сказать, что референт местоимения *ты* поглощается множественным референтом местоимения *мы*. В дальнейшем я буду называть эту

конструкцию конструкцией с поглощенным референтом, а сам феномен – соответственно, поглощением референта; интерпретация определенной конструкции как конструкции с поглощенным референтом будет для краткости обозначаться ПР-интерпретация.

Ниже я предпринимаю попытку описать условия, при которых конструкция с предлогом *с* может получать ПР-интерпретацию; определить грамматические свойства этой конструкции; оправдать существование этой конструкции и содержание наложенных на нее ограничений соображениями типологического характера; и, рассмотрев структурные аналоги этой конструкции в других языках, поставить ее в типологический контекст (раздел 2).

1.1. Условия ПР-интерпретации

Тривиальное требование к конструкции заключается в том, чтобы хотя бы одна из именных групп имела множественную референцию – иначе поглощение референта невозможно в принципе.

Кроме того, для того, чтобы ПР-интерпретация стала возможной, необходимо, чтобы входящие в конструкцию ИГ имели личную референцию:

*Подари мне свой телевизор! - Они с магнитофоном сломались еще год назад.

*Где тигр? - Они со львом на осмотре у ветеринара.

+Куда делся Ваня? - Они с Машей пошли домой.

Позиция ИГ, референт которой поглощает референт другой ИГ, может заполняться только местоимением множественного числа – *мы_{ego,tu} с тобой*, *мы_{ego,i} с Петей_i*, *вы_{tu,i} с ним_i*, *они_{i,j} с ним_j*, но **дети_{i,j} с Петей_j*. При этом поглощается референт зависимой ИГ, а не наоборот: *мы_{ego,i} с ним_i*, но **он_i с нами_{ego,i}*. Далее мы будем называть независимый член этой конструкции главным местоимением, а подчиненный - подчиненной именной группой.

На локутивной иерархии {Говорящий > Адресат > Нелокутор} главное местоимение должно располагаться выше (в случае третьего лица - не ниже) поглощаемой именной группы. Так, возможно *мы_{ego,tu} с тобой*, *мы_{ego,tu,i} с вами_{tu,i}*, *мы_{ego,i,j} с ними_{i,j}*, *вы_{tu,i} с ним_i*, *они_{i,j} с Петей_j*, но невозможно **вы_{tu,ego} с мной*, **вы_{tu,ego,i} с нами_{ego,i}*, **они_{i,ego} со мной*, **они_{i,tu} с тобой* (здесь и далее для простоты мы исключаем употребления *вы* как формы

вежливости). Подчиненная именная группа может быть выражена именем во множественном числе или сочиненной именной группой:

Мы_{ego,i,j} с [родителями жены]_{NP_{i,j}} быстро нашли общий язык.

Нам_{ego,i,j} с Петей_i и Ваней_j эта идея не понравилась.

1.2. Конструкции с именем группы: тоже поглощение?

Сравним конструкцию *мы с тобой* и конструкцию той же формальной структуры с именем группы, например, *Петя с классом*. В последней также можно усматривать поглощение референта; при этом синтаксические отношения здесь устроены как зеркальное отражение синтаксических отношений в местоименных конструкциях типа *мы с тобой*: имя с поглощаемым референтом находится в вершине конструкции, в то время как коллективное имя подчинено предлогу *с*.

Петя_i со своим классом_{i,j...} был сегодня в Пушкинском музее

?Петя_i с классом_{i,j...} был сегодня в Пушкинском музее

*Класс_{i,j...} с Петей_i был сегодня в Пушкинском музее

Для оборотов *Петя с классом*, однако, возможна принципиально иная интерпретация: можно считать, референт выталкивается, вычитается из имени группы, как в предложениях типа:

Петю горячо осудило все его звено

(=Петю горячо осудили все остальные октябрюта его звена)

Петя любит свой класс

(=Петя любит детей, которые учатся с ним в одном классе)

В дальнейшем я буду придерживаться именно этой интерпретации и считать конструкциями с поглощением референта только такие конструкции, в вершине которых находится местоимение множественного числа.

1.3. «С» vs. «К» контексты

Перечисленные в разделе 1.1 условия не являются достаточными для ПР-интерпретации. Определим место конструкций типа *мы с тобой* среди других употреблений предлога *с*.

Во-первых, предлог *с* может выступать в конструкциях типа *полотенце с петухом*, где обе именные группы представлены неодушевленными именами; в таких контекстах поглощение референта невозможно и далее они нас интересовать не будут (отметим, впрочем, что между описанными в [Воронцова, Рахилина 1989] контекстами типа *вместилище-содержимое* или *целое - часть* и контекстами с поглощением референта можно усматривать метафорическую связь).

Следующие примеры показывают, что контексты, в которых обе ИГ имеют одушевленную референцию, также неоднородны:

Мы_{ego,i} с ним_i дружим уже четверть века.

Я с ним дружу уже четверть века.

Мы_{ego,tu} с тобой понимаем, о чем речь.

*Я с тобой понимаю, о чем речь

Мы_{ego,i} с ним_i были вчера в театре, и каким то чудом не встретились.

*Я с ним_i был вчера в театре, и каким-то чудом мы_{ego,i} не встретились.

Если в первых двух предложениях референциально тождественные выражения *мы с ним* и *я с ним* взаимозаменяемы (с автоматическим изменением согласования по вершине и, возможно, некоторым изменением смысла), то уже из следующих примеров видно, что конструкции, где в вершине находится местоимение единственного числа, предполагают единое действие с одновременным вкладом со стороны двух и более субъектов (комитативность), в то время как для конструкций типа *мы с тобой*, как и для местоимения *мы*, это совершенно необязательно. Это противопоставление также хорошо видно в контекстах, где предикация выражена именем действия и множественность vs. единственность референции предиката выражена в числе обозначающего предикат существительного: *мой с Петей демарши*, *наш_{i,j} с Петей_j демарши*, *мои с Петей демарши*, *наши_{i,j} с Петей_j демарши* - как представляется, только последнее словосочетание может значить как ‘демарши, которые я осуществлял вместе с Петей’, так и ‘демарши, которые осуществили я и Петя оп отдельности’, в то время как для *мои с Петей демарши* доступно только понимание ‘демарши, которые я осуществлял вместе с Петей’.

В этом смысле поведение конструкции *мы с тобой* ничем не отличается от поведения местоимения *мы*, которое может описывать как совокупности связанных между собой элементов, так и совокупности независимых элементов. По-видимому,

считать, что значение совместной вовлеченности в описываемую ситуацию, или значение совместности для конструкции *мы с тобой* наводится контекстом. В случае конструкции *я с тобой* значение совместности, напротив, обязательно во всех контекстах, что приводит к неправильности следующего предложения, которое описывает действие, принципиально несовместное:

*Я с тобой умру в один день

???Я умру в один день с тобой

(но ⁺Мы с тобой умрем в один день)

Таким образом, оказывается необходимым разделить контексты с предлогом *с* на комитативные, обязательно предполагающие значение совместности, которые я буду называть «К», и псевдосочинительные «С», которые допускают, но не предполагают значение совместности. Эти два типа контекстов имеют ряд важных формальных различий. Во-первых, в К контекстах согласование идет по одной, неподчиненной именной группе, в то время как в «С» контекстах имеет место так называемое *семантическое* согласование по множественному числу (о порядке слов см. ниже в этом же разделе). Ср.:

Петя ходит в театр с Васей. (К)

Петя с Васей ходят в театр. (С)

*Петя с Васей любит ходить в театр.

Петя с Васей любят ходить в театр. (С)

Петя любит ходить в театр с Васей. (К)

«С» контексты не допускают коммуникативного или логического выделения одного из компонентов конструкции при невыделенности другого (подчеркиванием обозначена сфера действия *даже*):

Петя даже с Васей ходит/*ходят в театр. (К/*С)

Даже Петя с Васей ходят/*ходит в театр. (С/*К)

Даже Петя с Васей ходит/*ходят в театр. (К/*С)

То же верно в отношении интонации – выделительной восходящей, нисходящей (смысл, близкий ‘даже’) и вопросительной – интонационному выделению может подвергаться именная группа в «К», но не в «С» контекстах. Кроме того, в «С» контекстах недопустима замена именных групп на вопросительное слово:

- *Петя с Васей ходят в театр?
- *Петя с Васей ходят в театр?
- *Кто с Васей ходят в театр?
- *Петя с кем ходят в театр?

Для «С» контекстов предпочтительным, в большинстве случаев даже единственно возможным является такой порядок слов, при котором неподчиненная ИГ непосредственно предшествует предложному обороту.

- *С Васей Петя ходят в театр
- Петя с Васей ходят в театр
- ??Петя в театр с Васей ходят
- *Петя ходят с Васей в театр

Для «К» контекстов, наоборот, такой порядок слов возможен лишь в специфических интонационных контурах (*??Петя с Васей ходит в театр*); предпочтительной позицией предложного оборота является послепредикативная.

Сказанное можно суммировать в следующей таблице:

Контекст	«С»	«К»
значение		совм. действие
расположение ИГ	контактное, упорядоченное	дистантное
согласование	семантическое	по вершине
возможность провести между ИГ - границу актуального членения		+

На основании этих данных следует, по-видимому, признать, что в «С» контекстах конструкция ИГ + с + ИГ_{Твор} образует единую именную группу, в то время как в «К» контекстах предлог вводит независимую именную составляющую. Действительно, «С» контексты, хотя и являются с морфосинтаксической точки зрения подчинительными (предлог с управляет творительным падежом второй ИГ), в остальном демонстрируют свойства сочинительной конструкции. При этом в «К» контекстах, в отличие от «С» контекстов, возможна, по-видимому, неодушевленная референция подчиненной ИГ; так, я не вижу достаточных оснований различать различные значения предлога с в предложениях:

Петя гуляет с Наташей.

Петя гуляет с собакой.

Петя гуляет с базуккой.

1.4. «С» vs. «К» контексты и поглощение референта

Оказывается, что все контексты, допускающие ПР-интерпретацию, относятся к типу «С». С точки зрения семантики, ПР-контексты, как и другие контексты типа «С» и в отличие от контекстов типа «К», могут обозначать ситуацию, в которой отсутствует значение совместности:

Мы с тобой умрем в один день (ПР, формально «С» контекст)

(но *Я с тобой умру в один день, формально «К» контекст,

??? Я умру в один день с тобой

+ Я умру в тот же день, что и ты.

Все формальные признаки контекстов типа «С» также налицо. Действительно, изменение порядка слов, интонационное выделение лишь одной из двух ИГ, помещение лишь одной ИГ в сферу действия дискурсивного слова и т.д. для этих контекстов совершенно невозможно (критерий семантического согласования по множественному числу оказывается нефальсифицируемым, так как в вершине таких конструкций всегда находится местоимение множественного числа).

*С тобой мы_{ego,tu} туда пойдем хоть сейчас.

*Мы_{ego,tu}-то с тобой там уже были, сходи с кем-нибудь еще.

*Вы_{tu,i} с кем_i были на ферме? С ним?

? Мы там были с тобой в прошлом году.

В последнем предложении ПР-интерпретация, по-видимому, возможна при нейтральной интонации на *с тобой*; любое интонационное выделение предложного оборота, обычное для «К» контекста, разрушает ПР-интерпретацию.

С другой стороны, все эти примеры оказываются совершенно нормальными, если референт подчиненной именной группы не поглощен; в этом случае они обязательно требуют значения совместности, то есть относятся к «К» контекстам.

Существуют «С» контексты, которые не позволяют установить, имело ли место поглощение референта. Если референтом выражения *мы с тобой* являются два

человека, мы можем положительно утверждать, что референт второго местоимения поглощен референтом первого местоимения. Однако если выражение соотнесено с группой из более чем двух человек, то нет никаких оснований ни предполагать поглощение референта, ни отрицать его. Для общности, однако, я буду считать, что в таких случаях референт также поглощен, например: *мы_{ego,j,k} с ним_k*.

Тогда полученные данные можно обобщить в следующей таблице:

	«С»	«К»
мы с тобой	+ (ПР)	+
я с тобой	-	+
Петя с Машей	+	+

Подчеркну, что в некоторых контекстах конструкция с поглощенным референтом оказывается, таким образом, единственным доступным средством выражения некомитативного значения:

Мы с ним окончили университет два года назад.

*Я с ним окончил университет два года назад.

??Я и он окончили университет два года назад.

2. Поглощение референта в языках мира

Конструкция с поглощением референта существуют во многих языках мира; в последнее время она даже вошла в опросник, на котором основаны грамматики серии Рутледж (наличие конструкции *We and the priest*). По моим данным, она отмечается в украинском [сообщение информанта], сербско-хорватском [сообщение информанта], литовском [сообщение информанта], древнеисландском [Кацнельсон 1949], татарском [работа с информантами], многочисленных австронезийских языках, например, мокилезском (микронезийский) [Харрисон 1976, стр. 89]; в языках дирбал [Dixon 1972, стр. 63] и **йидин** [Dixon 1977, стр. 176-180], североамериканском языке **нез персе** (сахаптинский) [Аоки, Уокер 1989, стр. 58, предл. 242]. Вестерман [Вестерман 1963] приводит примеры из африканских языков **эве** (ква), **ачоли** (нилотский), **суахили** (банту). В работе Л. Шварц [Шварц 1985], специально посвященной таким конструкциям (в терминах автора *plural pronoun construction*), отмечается ее наличие в языках **кпелле** и **менде** (манде), **темне** и **диола-фони** (западно-атлантические), **кирунди**

(банту), ачоли, бари, нуэр и логбара (нило-сахарские), **латышском** (индо-европейский), польском (некоторые из моих польских информантов отрицали возможность этой конструкции), **венгерском** (финно-угорский), **фиджийском**, гавайском, **тагальском**, япиз (австронезийские). В работе [Хаспельмат, в печати, раздел 2.2], посвященной типологии сочинения, приводятся примеры конструкции с поглощенным референтом (в терминологии Хаспельмата, *syллеptic conjunction*) из языков **чаморро** (австронезийский), джабугай (пама-ньюнга), япиз (микронезийский), цоциль (майя), **маори** (полинезийский), **тагальский** (филиппинский), французских диалектов.

Работа Л. Шварц [Шварц 1985] – первая из известных мне типологических обзоров конструкции с поглощенным референтом. В этой работе (как и в коротком замечании Вестермана в [Вестерман 1963: 68]) предлагается несколько иная интерпретация конструкции. Предлагается считать, что в таких контекстах местоимение множественного числа *употребляется в значении* единственного числа. Как я уже говорил выше, референциальный состав местоимения *мы* в конструкции *мы_{ego,i} с Васей_i* не может являться объектом непосредственного интроспективного анализа, так что априори невозможно доказать, что мой подход (считать, что местоимение имеет множественную референцию, которая «поглощает» референт второй именной группы) точнее отражает языковую реальность. Ниже я надеюсь показать, что существуют типологические аргументы в пользу такого подхода. Л. Шварц делает еще одно важное замечание – в некоторых языках поглощение референта возможно в позиции субъекта и невозможно в позиции объекта (в синтаксической терминологии автора), причем обратное распределение невозможно. Русский язык, впрочем, не имеет таких ограничений::

Мы_{ego,i} с Васей_i встретили Колю на перроне
Коля встретил нас с Петей на перроне

М. Хаспельмат [Хаспельмат, в печати] отмечает два типологически устойчивых свойства таких конструкций – первым членом конструкции должно быть местоимение множественного числа и на личной иерархии это местоимение должно быть расположено не ниже, чем вторая составляющая конструкции. Оба эти свойства присутствуют и в русском языке.

3. Объяснительная типология

3.1. Поглощение референта и местоименное число

Можно ли объяснить, почему в вершине конструкции с поглощенным референтом должно находиться именно личное местоимение? Во второй главе, обсуждая категорию числа у личных местоимений, я говорил о том, что личные местоимения множественного числа эксплицируют лишь один из своих референтов; адресат оказывается перед проблемой отождествления неэксплицированных референтов личного местоимения множественного числа. Конструкцию с поглощенным референтом можно считать средством экспликации нефокусных референтов местоимения множественного числа. Эту точку зрения высказал еще О. Есперсен, обсуждавший наличие конструкций с поглощенным референтом в языках Европы [Есперсен 1958: 221]. Иначе говоря, я считаю, что поглощение референта оказывается следствием репрезентативного характера референциальной структуры местоимений множественного числа.

Большинство свойств конструкции с поглощенным референтом вытекают из того, что в ее вершине должно находиться личное местоимение множественного числа. Например, как справедливо отмечает Хаспельмат, то, что вершина ПР-конструкции должна на личной иерархии занимать позицию выше, чем зависимый член ПР-конструкции, вытекает из свойств местоименной референции – личное местоимение с фокусным референтом R не может включать в свою референцию лицо, расположенное выше чем R на иерархии локуторов (ср. вторую главу). Поэтому возможно *мы_{ego,tu} с тобой*, но невозможно *вы_{tu,ego} со мной*.

Некоторые из следствий репрезентативной модели поглощения референции менее тривиальны. Следующее вероятное объяснение получает невозможность **они с тигром* ('лев и тигр') по сравнению с *они с Колей*. В разделе 1.3 главы второй я приводил пример репрезентативного употребления местоимения третьего лица. По видимому, русское местоимение третьего лица *они*, в принципе имеющее как личную, так и неличную интерпретации, может пониматься репрезентативно ('актуализированный референт и еще один или многие объекты') только в случае личной интерпретации. Ср. следующие примеры:

- Где Коля? – Они в дальней комнате / Они с Машей в дальней комнате
- Где фотоснимок? - *Они в темной комнате / *Они с негативом в темной комнате
- Где фотоснимки? – Они в темной комнате.

Во втором примере местоимение *они* не может быть понято как ‘фотоснимок и еще один или несколько предметов’, то есть репрезентативная интерпретация недоступна (ср. с обычной анафорической интерпретацией в следующем примере); поэтому невозможно и поглощение референта. В свою очередь невозможность репрезентативной интерпретации может быть связана с тем, что, как говорилось в разделе 6.8, в отличие от лиц, для которых существуют универсальные группообразующие отношения (семья, друзья и т.д.), неличные объекты в общем случае не образуют естественных совокупностей.

3.2. Поглощение референта и именная репрезентативность

Если способность к поглощению референта является следствием репрезентативной структуры референции, то тот же эффект должен был бы наблюдаться и в случае субстантивной репрезентативной множественности, в том числе и у ассоциативов как у подтипа репрезентативности. Такие примеры действительно существуют.

Совокупность двух индийских богов, богов неба и света Митры и Варуны, как было сказано выше (раздел 6.2 главы первой), может обозначаться лексическим ассоциативом *Mitrā́*, представляющим из себя форму двойственного числа от *Mitra*. Кроме этого, однако, в том же значении используется конструкция *Mitrā́ Varuna* (букв. ‘Митра’-DU) ‘Митра и Варуна’ [Дельбрюк 1893; Рукайзер 1997]. Здесь Варуна очевидно входит в референцию формы *Mitrā́*; несмотря на это, референция к нему осуществляется повторно. Структурно эта конструкция тождественна местоименной конструкции с поглощенным референтом. Более того, возможен еще один, хотя и менее частотный способ описать ту же совокупность: *Mitrā́ Varunā́*, где оба имени собственных стоят в форме двойственного числа. Здесь Варуна является ассоциированным референтом формы двойственного числа *Mitrā́*, а Митра – ассоциированным референтом формы двойственного числа *Varunā́*, так что референция к обоим божествам осуществляется дважды.

Рассмотрим также примеры из другого австралийского языка - **йидин** [Dixon 1977: 176-180] (местоимение *?undu:ba* ‘вы’ в этом языке, вероятно, восходит к сочетанию местоимения *?undu* ‘ты’ с показателем *-ba*, синхронно анализируемому как показатель репрезентативности).

?undu:ba dar?idar?i:-ba gali?

вы старуха-Репг идти-Прес

‘ты идешь со старухой и, возможно, с кем-нибудь еще’

?undu:ba dar?idar?i:-ba yabuRu-ba gali?

вы старуха-Репг девушка-Репг идти-Прес

‘ты идешь со старухой, девушкой и, возможно, с кем-нибудь еще’

То же можно сказать и об употреблении местоимения ‘мы’:

?andi bu?a:-ba gali?

мы женщина-Репг идти-Прес

‘я иду с женщиной и, возможно, с кем-нибудь еще’

Важным отличием от русского *мы с тобой* является то, что каждая (не только вершина) из входящих в конструкцию словоформ характеризуется семантикой репрезентативной множественности (в случае местоимения *?andi* ‘мы’ морфологически не выраженной), имеет свой фокусный референт и свое ассоциированное множество; правила интерпретации такой конструкции заключаются в том, что ассоциированные с каждым из фокусных референтов множества совпадают, так что структура референции именной группы *?andi bu?a:-ba* из последнего примера может быть условно записана как ‘говорящий (и женщина)’ + ‘женщина (и говорящий)’. Иначе говоря, местоимение и именная группа оказываются более равноправными, чем в русском языке - в русском языке референт второй составляющей оборота *мы с Петей* поглощен референтом местоимения *мы*, а в йидине референт *bu?a:-ba* ‘женщина и другие’ совпадает с референтом *?andi* ‘мы’. Ср. также, следующее предложение, референцию именной группы в котором можно описать как ‘я и еще один человек, ты и еще один человек – мы с тобой вдвоем идем’:

?ali ?undu:ba gali?

мы.двое вы идти-Прес

‘мы с тобой вдвоем идем’

Локутивная иерархия {Говорящий > Адресат > Нелокутор} определенным образом проявляется и в **йидине** – во всех приводимых Диксоном примерах местоимение ‘мы’ всегда располагается в самой левой позиции, местоимение ‘вы’ располагается правее местоимения ‘мы’, но левее местоимения третьего лица или неместоименной именной группы (ср. в разделе 1.1 главы первой о референциальной неоднородности сочинительной множественности).

Форма ассоциативной множественности, образуемая от имени собственного с помощью показателя *-koto* в языке **хишкарьяна** (карибский), может поглощать референцию следующих за ней имен собственных [пример из личного сообщения Э. Моравчик, источник Десмонд Дербишир]. То же отмечает Вестерман для языка занде (адамауа-восточный) [Вестерман 1963: 69]:

a-Dindika	na	Ngindo
PL-Диндика	и	Нгиндо
‘Диндика и Нгиндо’		

Случай языка **йидин** требует особенно пристального внимания. В разделе 4 первой главы я говорил о том, что ассоциативность (или, по крайней мере, репрезентативность) может выражаться, среди других средств, показателем сочинения именных групп. В таких языках, как **баскский**, дирбал и йидин, именная группа [X and]_{NP} с отсутствующим вторым сочиняемым членом понимается репрезентативно ‘X и кто-то еще’ (показатели *eta*, *-gara* и *-ba* в баскском, дирбале и йидине, соответственно [Кинг 1994; Диксон 1972; Диксон 1977]). Если рассмотреть теперь «полноценные» сочинительные конструкции, в которых второй сочиняемый присутствует, то окажется, что такие конструкции теоретически могут интерпретироваться как формы репрезентативности с поглощением референта, ср. баскский:

I) Maria eta Jonek
‘Мария и Хуан’

II) Maria eta
‘Мария и другие’

а) [N and N]_{NP} или
б) [[N ASS] N]_{NP}

а) [N and ∅]_{NP} или
б) [N ASS]_{NP}

Очевидно, что выбор одной из двух интерпретаций конструкций (I) и (II) определяется тем, какую из функций показателя *eta* (*-gara*, *-ba*) мы считаем исходной, что не в последней степени связано с относительной частотностью конструкций (I) vs. (II). Если баскское *eta*, считающееся продолжением латинского *et*, естественно считать сочинительным союзом с дополнительными функциями репрезентативного показателя, то с показателем *-ba* в йидине ситуация скорее обратная. Действительно, этот показатель материально тождествен форманту, выделяемому в местоимении *?indūba* ‘вы’ (ср. *?indu* ‘ты’), что является аргументом в пользу первичности репрезентативной функции, по крайней мере, с исторической точки зрения.

3.3. Именное vs. местоименное поглощение: проблема типологии

Эти примеры были призваны показать, что поглощение референта характерно не только для местоимений множественного числа, но и, шире, для субстантивов с репрезентативной структурой множественной референции. С другой стороны, несмотря на эти примеры, результаты предварительного исследования данного вопроса заставляют предположить, что поглощение референта может быть в целом типологически более характерным для местоимений, чем для ассоциативных форм. Так, например, татарские ассоциативы не допускают поглощения референта, хотя поглощение референта личным местоимением множественного числа в этом языке вполне возможно [работа с информантами и тексты мишарской экспедиции]. Объяснение такой асимметрии между местоименной и именной репрезентативностью может выглядеть следующим образом.

Как я уже сказал выше, функциональным основанием для появления конструкции с поглощенным референтом является необходимость эксплицитного указания на неэксплицированный референт местоимения. При этом в разделе 1.5 главы второй, обсуждая функциональную специфику местоименной репрезентативности, я указывал на то, что репрезентативная структура множественности у личных местоимений является в определенном смысле обязательной – она отражает особую доминирующую позицию, занимаемую локуторами в навязываемой им языком картине мира; формы аддитивной множественности для совокупностей типа ‘локутор и другие’ вообще недоступны.

В русском языке единственным способом описания группы лиц, в которую входит говорящий, является местоимение *мы*. Действительно, узус сочинительных

конструкций типа *я и ты* или *ты да я* крайне ограничен; в основном, это устойчивые выражения, выделительные контексты, возможно, также авторский текст:

Ты, да я, да мы с тобою.

На целом свете только ты и я!

Виноваты в этом ты и я.

То же справедливо в отношении совокупности лиц, в которую входит адресат – она может быть обозначена лишь именной группой, состоящей из местоимения *вы* (за исключением специальных контекстов обращения к множественному адресату, например: *Друзья!*) Иначе говоря, в русском языке действует правило следующего вида: для обозначения совокупности лиц, в которую входит говорящий (слушающий), должно использоваться личное местоимение «мы» («вы»). Правила такого рода ориентируются на прагматические стереотипы вида ‘говорящий всегда важнее, чем адресат’ (подобные тем, которые используются, например, при выборе фокусного референта личного местоимения, см. главу вторую). Можно сказать, что, с точки зрения русского языка, сочинительная конструкция *я и ты* не отражает прагматического неравенства говорящего и адресата, и поэтому вместо этой конструкции чаще всего используется местоимение *мы*.

Очевидно, прагматический стереотип в некоторых случаях навязывает говорящему средства выражения, структура которых не соответствует прагматической реальности. Для того, чтобы исправить последствия давления прагматического стереотипа и по крайней мере эксплицировать фокусный референт, говорящий вынужден прибегнуть к повторной референции к нефокусному члену группы, что и приводит к появлению конструкции с поглощенным референтом (*мы с Колей*).

С другой стороны, в английском языке правило об обязательности использования местоимения *we* ‘мы’, аналогичное русскому правилу об использовании *мы*, по-видимому, отсутствует. Действительно, конструкции типа *you and I*, *him and you*, *you and him* вполне допустимы и частотны. Предположительно именно поэтому в английском языке поглощение референта референцией личного местоимения множественного числа невозможно - **we_{i,j} and you_j*, **him_i and us_{i,j}*. То же имеет место, например, во французском и **грузинском** языках.

Таким образом, я выдвигаю гипотезу, что поглощение референта референцией личного местоимения множественного числа становится возможным в тех языках, где

невозможно (или затруднительно) эксплицировать нефокусный референт местоимения иным образом. Этот феномен является средством преодоления референциальной структуры личного местоимения множественного числа, которая отражает прагматический стереотип, но не всегда отражает прагматическую реальность, а во многих случаях усложняет структуру дискурса и в таких случаях оказывается функционально неэффективной.

Согласно данной гипотезе, в языках, которые позволяют немаркированные сочинительные конструкции типа 'я и он' (например, английский), феномен поглощения референции не ожидается; в тех же языках, которые не позволяют или сильно маркируют сочинительные конструкции типа 'я и он', он в том или ином виде (конструкции типа *мы с тобой* или поглощение референции ИГ личным показателем в глаголе) встретится. (Возможен и третий вариант – употребление 'мы', 'вы' может быть обязательно лишь в части контекстов; тогда поглощение референта, возможно, будет ограничена такими контекстами.)

Вернемся теперь к именным ассоциативам. Как я показал выше, то, что использование в русском языке местоименной формы с репрезентативной структурой референции обязательно в случае группы лиц, в которую входит говорящий, оправдывается прагматическим стереотипом *говорящий всегда доминирует над адресатом и нелокуторами*. С другой стороны, языковые ситуации, в которых группу лиц – нелокуторов обязательно описывать репрезентативной формой даже при прагматической необходимости эксплицировать других членов совокупности, куда менее вероятны, если вообще возможны. Действительно, если говорящему необходимо обеспечить идентификацию всех членов совокупности, он назовет их каждого по отдельности или использует актуализированную форму аддитивной множественности, для совокупностей типа 'локатор и другие' вообще недоступную (см. раздел 1.5).

Прагматические условия, при которых конструкция Имя-Ass Имя оказывается возможной, подлежат особому исследованию; но уже сейчас можно сказать, что они вряд ли могут быть характерны для прототипической ассоциативности, описывающей ассоциируемую с фокусным референтом устойчивую совокупность лиц (например, семью), так как идентификация остальных референтов уже в достаточной степени обеспечена их отношением к фокусному референту. Поэтому экспликация одного из

нефокусных референтов может быть возможна скорее в случае репрезентативного значения 'X и кто-то еще', как это имеет место в дирбале и йидине.

Неясны причины употребления ассоциатива в конструкции 'Митра'-DU 'Варуна'-[DU], в которой вообще не остается неэксплицированных референтов. Возможно, здесь употребление ассоциатива носит смещенный характер – показатель дуалиса используется как особого рода сочинение с выражением доминанции референта одного из сочиняемых членов над референтом другого (такая интерпретация предлагается рядом исследователей – в том числе [Хаспельмат в печати], где конструкции с поглощенным референтом вообще рассматриваются как особый тип сочинения). Точный ответ на этот вопрос потребует внимательного изучения текстовых данных.

Заключение

Целью настоящего исследования являлось изучение ассоциативности и связанных с нею явлений. В ходе исследования автор отталкивался от определения ассоциативности как в первую очередь референциального, а не функционально-семантического феномена, что позволило по-новому интерпретировать некоторые важные моменты типологии ассоциативности – например, частое формальное совпадение форм ассоциативной множественности с формами аддитивной множественности, а также семантическую специфику лексических неличных ассоциативов.

В работе аккумулирован значительный фактический материал по представленности ассоциативной множественности в различных языках мира. Так как исследование базировалось на типологически репрезентативной выборке языков, сделаны предварительные выводы об ареальной распространенности этого феномена.

Рассмотрены основные проблемы формальной типологии ассоциативности, в частности те типы, с интерпретацией которых связаны определенные проблемы, – посессивные ассоциативы и синтаксические ассоциативы. Важным результатом в области семантической типологии ассоциативов является гипотеза о первичности обозначения формами ассоциативной множественности родственных совокупностей и относительной периферийности обозначения теми же формами актуальных совокупностей лиц, не связанных устойчивыми группообразующими отношениями.

Анализируются важнейшие явления, смежные с ассоциативностью, – в первую очередь другие функционально-семантические типы репрезентативной множественности, такие как симилятивы, коррелятивные формы терминов родства, формы классификаторной множественности и др.

Во второй главе анализируются проблемы структурно близкой к ассоциативной множественности местоименной множественности. Уточнена получающая в последнее время признание «ассоциативная аналогия» местоименной множественности; указывается на предпочтительность сближения местоименного числа с репрезентативной множественностью вообще, а не с ассоциативным типом репрезентативной множественности в частности. Выделены основные возможные

референциальные типы употреблений личных местоимений, которые можно положить в основание дискурсивного исследования личных местоимений множественного числа.

Выявление определенных противоречий в «ассоциативной аналогии» потребовало создания такой модели местоименного числа, которая опиралась бы на правила выбора фокусного референта. Такие правила контролируются локутивными иерархиями, различными в разных языках; различия в локутивных иерархиях приводят к различиям в структуре местоименных систем. Введение локутивных иерархий позволило объяснить данные ряда языков с нетривиальными формальными характеристиками инклюзивного местоимения. Предлагаемая модель местоименного числа позволяет дать предположительный ответ на вопрос о том, почему местоимение 'мы' обнаруживает меньшую морфологическую регулярность (чаще имеет основу, отличную от местоимения 'я'), чем местоимение 'вы'.

Предлагается бинарная типология местоименного числа, различающая местоименные системы по отношению между структурной и количественной характеристикой множественной референции – какая из этих функций является первичной, а какая – имплицитной.

Предложено базирующееся на репрезентативной модели местоименного числа решение проблемы «поглощения референта» - особого свойства местоимений множественного числа, отмечаемого в русском и многих других языках мира. Конструкция с поглощенным референтом объясняется как способ указания на неэксплицированные элементы множественной референции личного местоимения. Гипотеза подтверждена аналогиями в области именной репрезентативности.

Приложение 1. Выборка языков проекта ВЯС

Abipon < GUAICURUAN
Abkhaz < NORTHWEST CAUCASIAN
 Acoma < KERESAN
 Ainu < AINU
 Alambak < SEPIK < SEPIK-RAMU
 Amele < MADANG < TRANS NEW GUINEA
 Apurina < MAIPUREAN
 Arabic (Egyptian) < SEMITIC < AFRO-ASIATIC
 Araona < TACANAN
 Armenian (Western) < ARMENIAN < INDO-EUROPEAN:
 Asmat < CENTRAL AND SOUTH NEW GUINEA < TRANS NEW GUINEA
 Awa Pit < BARBACOAN < PAEZAN
 Aymara < AYMARA
 Bagirmi < BONGO-BAGIRMI < NILO-SAHARAN
 Bambara < NW MANDE < NIGER-CONGO
 Barasano < TUCANOAN
 Basque < BASQUE
 Bawm < KUKI-CHIN-NAGA < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Beja < BEJA < AFRO-ASIATIC
 Brahui < NORTHWEST DRAVIDIAN < DRAVIDIAN:
 Bribri < TALAMANCA < CHIBCHAN
 Bukiyip < TORRICELLI
 Burmese < BURMESE-LOLO < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Burushaski < BURUSHASKI
 Cahuilla < TAKIC < UTO-AZTECAN < AZTEC-TANOAN
 Cambodian < KHMER < MON-KHMER < AUSTRASIATIC
 Canela-Kraho < GE-KAINGANG
 Carib < CARIB
 Cayuvava < CAYUVAVA
 Chalcatongo Mixtec < MIXTEC < OTO-MANGUEAN
 Chamorro < CHAMORRO < AUSTRONESIAN
 Chukchi < CHUKCHEE-KAMCHATKAN
 Coast Tsimshian < TSIMSHIAN < PENUTIAN
 Comanche < NUMIC < UTO-AZTECAN < AZTEC-TANOAN
 Copainala Zoque < MIXE-ZOQUEAN
 Cree < ALGONQUIAN < ALTAIC
 Daga < CENTRAL AND SE NEW GUINEA < TRANS NEW GUINEA
 Dehu < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Diola-Fogny < NORTHERN ATLANTIC < NIGER-CONGO
 Dongolese Nubian < NUBIAN < NILO-SAHARAN
 Ekari < WISSEL LAKES-KEMANDOGA < TRANS NEW GUINEA
 English < GERMANIC < INDO-EUROPEAN:
 Epena Pedee < CHOCO < PAEZAN
 Evenki < TUNGUS < ALTAIC
 Ewe < KWA < NIGER-CONGO
 Fijian < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Finnish < FINNIC < URALIC
 French < ITALIC < INDO-EUROPEAN:
 Fur < FUR < NILO-SAHARAN
 Garo < BARIC < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Georgian < KARTVELLIAN
 German < GERMANIC < INDO-EUROPEAN:
 Gooniyandi < BUNABAN
 Grebo < KRU < NIGER-CONGO
 Greek (Modern) < GREEK < INDO-EUROPEAN:
 Guarani < TUPI-GUARANI
 Haida < HAIDA < NADENE
 Hanis Coos < COOS < PENUTIAN
 Harar Oromo < EASTERN CUSHITIC < AFRO-ASIATIC
 Hausa < WEST CHADIC < AFRO-ASIATIC
 Hebrew (Modern) < SEMITIC < AFRO-ASIATIC
 Hindi < INDIC < INDO-EUROPEAN:
 Hixkaryana < CARIB
 Hmong Njua < MIAO-YAO
 Hungarian < UGRIC < URALIC
 Hunzib < AVARO-ANDI-DIDO < DAGESTANIAN < NAX-DAGESTANIAN
 Igbo < IGBOID < NIGER-CONGO
 Ika < ARUAK < CHIBCHAN
 Imbabura Quechua < QUECHUA
 Imonda < NORTHERN TRANS-NEW GUINEA < TRANS NEW GUINEA
 Indonesian < SUNDIC < AUSTRONESIAN
 Ingush < NAX < NAX-DAGESTANIAN
 Iraqw < SOUTHERN CUSHITIC < AFRO-ASIATIC
 Irish < CELTIC < INDO-EUROPEAN:
 Jakaltek < MAYAN
 Japanese < JAPANESE
 Kannada < DRAVIDIAN PROPER < DRAVIDIAN:
 Kanuri < SAHARAN < NILO-SAHARAN
 Kapau < ANGAN < TRANS NEW GUINEA
 Karo Batak < SUNDIC < AUSTRONESIAN
 Karok < KAROK < HOKAN
 Kawesqar < QAWESQAR
 Kayah Li < KAREN < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Kayardild < TANGKIC
 Kera < EAST CHADIC < AFRO-ASIATIC
 Ket < KET
 Kewa < EAST NEW GUINEA HIGHLANDS < TRANS NEW GUINEA
 Khalkha < MONGOLIAN < ALTAIC
 Khasi < KHASI < MON-KHMER < AUSTRASIATIC
 Khmu < PALAUNG-KHMUIC < MON-KHMER < AUSTRASIATIC
 Kilivila < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Kiowa < TANOAN < AZTEC-TANOAN
 Kiribatese < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Koasati < MUSKOGEAN
 Kobon < EAST NEW GUINEA HIGHLANDS < TRANS NEW GUINEA
 Kongo < BANTOID < NIGER-CONGO
 Korean < KOREAN
 Koromfe < GUR < NIGER-CONGO

Koyraboro Senni Songhay < SONGHAY < NILO-SAHARAN
 Krongo < KADUGLI < NILO-SAHARAN
 Kunama < KUNAMA < NILO-SAHARAN
 Kutenai < KUTENAI
 Ladakhi < TIBETIC < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Lak < LAK-DARGWA < DAGESTANIAN < NAX-DAGESTANIAN
 Lakota < SIOUAN < MACRO-SIOUAN
 Lango < NILOTIC < NILO-SAHARAN
 Latvian < BALTIC < INDO-EUROPEAN:
 Lavukaleve < SOLOMONS EAST PAPUAN < EAST PAPUAN
 Lealao Chinantec < CHINANTECAN < OTO-MANGUEAN
 Lepcha < LEPCHA < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Lezgian < LEZGIC < DAGESTANIAN < NAX-DAGESTANIAN
 Lower Grand Valley Dani < DANI-KWERBA < TRANS NEW GUINEA
 Luvale < BANTOID < NIGER-CONGO
 Maba < MABAN < NILO-SAHARAN
 Makah < WAKASHAN
 Malagasy < PHILIPPINE AUSTRONESIAN < AUSTRONESIAN
 Mandarin Chinese < CHINESE < SINO-TIBETAN
 Mangarayi < MANGARAYI
 Maori < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Mapuche < MAPUDUNGU
 Maranungku < DALY
 Maricopa < YUMAN < HOKAN
 Marind < MARIND < TRANS NEW GUINEA
 Martuthunira < PAMA-NYUNGAN
 Mataco < MATACO
 Maung < YIWAIDJAN
 Maybrat < WEST BIRD'S HEAD < WEST PAPUAN
 Meithei < KUKI-CHIN-NAGA < TIBETO-BURMAN < SINO-TIBETAN
 Mundari < MUNDA < AUSTRO-ASIATIC
 Murle < SURMA < NILO-SAHARAN
 Nama < CENTRAL KHOISAN < KHOISAN
 Navajo < ATHAPASKAN-EYAK < NADENE
 Ndyuka < CREOLE
 Nenets < SAMOYEDIC < URALIC
 Nez Perce < SAHAPTIAN < PENUTIAN
 Ngiti < BALENDRU < NILO-SAHARAN
 Ngiyambaa < PAMA-NYUNGAN
 Nivkh < NIVKH
 Nkore-Kiga < BANTOID < NIGER-CONGO
 Nunggubuyu < NUNGGUBUYU
 Oneida < IROQUOIAN < MACRO-SIOUAN
 Otomi < OTOMIAN < OTO-MANGUEAN
 Paamese < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Paiwan < PAIWANIC < AUSTRONESIAN
 Passamaquoddy < ALGONQUIAN < ALGIC
 Paumari < ARAUAN
 Persian < IRANIAN < INDO-EUROPEAN:
 Piraha < MURA
 Pitjantjatjara < PAMA-NYUNGAN
 Rama < MISUMALPAN < CHIBCHAN
 Rapanui < OCEANIC < AUSTRONESIAN
 Russian < SLAVIC < INDO-EUROPEAN:
 Sango < ADAMAWA-UBANGIAN < NIGER-CONGO
 Sanuma < YANOMAM
 Selknam < PATAGONIAN
 Semelai < ASLIAN < MON-KHMER < AUSTRO-ASIATIC
 Sentani < SENTANI < TRANS NEW GUINEA
 Shipibo-Konibo < PANOAN
 Sierra Miwok < MIWOK < PENUTIAN
 Slave < ATHAPASKAN-EYAK < NADENE
 Southeastern Pomo < POMO < HOKAN
 Spanish < ITALIC < INDO-EUROPEAN:
 Squamish < COAST SALISH < SALISH
 Suena < BINANDEREAN < TRANS NEW GUINEA
 Supyire < GUR < NIGER-CONGO
 Swahili < BANTOID < NIGER-CONGO
 Taba < S HALMAHERA-NW NEW GUINEA < AUSTRONESIAN
 Tagalog < PHILIPPINE AUSTRONESIAN < AUSTRONESIAN
 Tamazight < BERBER < AFRO-ASIATIC
 Tetelcingo Nahuatl < AZTECAN < UTO-AZTECAN < AZTEC-TANOAN
 Thai < KAM-TAI
 Tiwi < TIWI
 Tlingit < TLINGIT < NADENE
 Trumai < TRUMAI
 Tukang Besi < PHILIPPINE AUSTRONESIAN < AUSTRONESIAN
 Tunica < TUNICA
 Turkish < TURKIC < ALTAIC
 Una < MEK < TRANS NEW GUINEA
 Ungarinjin < WORORAN
 Urubu-Kaapor < TUPI-GUARANI
 Usan < ADELBERT RANGE < TRANS NEW GUINEA
 Vietnamese < VIET-MUONG < MON-KHMER < AUSTRO-ASIATIC
 Wambaya < WEST BARKLY
 Warao < WARAO
 Wardaman < GUNWINGUAN
 Wari < CHAPACURAN
 West Greenlandic < ESKIMO-ALEUT
 Wichita < CADDOAN < MACRO-SIOUAN
 Witoto < WITOTOAN
 !Xu < NORTHERN KHOISAN < KHOISAN
 Yagua < PEBA-YAGUAN
 Yaqui < TARACAHTIC < UTO-AZTECAN < AZTEC-TANOAN
 Yidiny < PAMA-NYUNGAN
 Yimas < NOR-PONDO < SEPIK-RAMU
 Yoruba < DEFOID < NIGER-CONGO
 Yuchi < YUCHI < MACRO-SIOUAN
 Yukaghir < YUKAGHIR
 Yup'ik < ESKIMO-ALEUT
 Yurok < YUROK < ALGIC
 Zulu < BANTOID < NIGER-CONGO

Приложение 2. Указатель языков.

абхазо-адыгские	31, 32, 34, 36, 38, 45	даргинский	31, 33, 38
абхазский	30, 33, 38	джабугай	176
аваро-андийские	7, 28, 31, 36, 92	диола-фони	175
аварский	31, 33, 36, 167	дирбал	50, 51, 52, 60, 61, 175, 180, 184
авестийский	64, 65	догон	32
австронезийские	26, 31, 34, 45, 46, 88, 133, 175, 176	дравидийские	25, 26, 30
агульский	31, 33, 53	древнегреческий	65, 68, 70
адыгейский	31, 33, 45	древнеисландский	26, 31, 46, 74, 88, 117, 175
аймара	141, 143	древненорвежский	32
алгонкинские	141, 144, 146, 149, 151	думи	26, 115, 116
алоторский	32	занде	180
амазонские	31, 32, 122, 146, 149, 152	западноатлантические	25, 28
английский	4, 7, 8, 14, 31, 32, 42, 48, 122, 131, 144, 148, 149, 152, 182, 183	зулу	30
апалаи	32	ик	32, 33, 115
арабский, мальтийский	52	илокано	131, 161, 162, 167
араона	30	индоиранские	26, 46
армянский	31, 34, 121	инуитатун	32
атапаскские	143, 144	испанский	31, 64, 69, 70, 73, 94, 112, 114
африкаанс	6, 31, 32, 46, 48	итальянский	164
ачоли	175, 176	йидин	30, 50, 51, 52, 60, 61, 62, 175, 179, 180, 179–80, 181, 184
багвалинский	7, 28, 31, 33, 36, 37, 53, 54, 59, 64, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 80, 92, 95, 102–4, 105, 106, 112, 113, 114, 115, 153	кабардинский	31, 33, 36, 45
бамана	30	казахский	32
банди	32	калispел	32
бантоидные	30, 38	калькатонго миштек	64, 112
банту	5, 32, 86, 126, 175, 176	капау	133
бари	176	кариб	141, 143, 159, 160
баскский	30, 50, 51, 52, 60, 62, 180	карок	31
башкирский	5, 31, 36, 53, 57, 63, 115	каях ли	30, 48
бенгали	32, 46, 47	кера	26, 31, 47, 61, 115
бирманский	30	керекский	32
болгарский	5, 32, 40, 41, 42, 43, 52, 53, 64, 65, 71, 73, 76	кетский	64, 112
брахуи	25, 30, 36, 38, 99	кечуа, имбабура	88, 121, 122, 142
бугийский	150	кечуа, хуалуга	134, 135, 136
букийип	30	киранти	26, 32, 37, 115
бунабан	26, 31	кирибатеэ	31
вардаман	5, 6, 30, 156	кирунди	175
венгерский	6, 30, 39, 40, 41, 43, 44, 76, 78, 99, 176	китайский (кантонский)	32
вепсский	130	китайский (пекинский)	5, 14, 28, 30, 32, 35, 46, 47, 50, 90, 91, 124, 135, 163, 164, 166, 167
вери	158, 159, 160, 161, 162, 167	кобон	35, 47
вьетнамский	26, 92	койсанские	31, 32, 46, 147, 149
гавайский	32, 176	команчи	6, 30, 115
гаро	30	коми	31, 36, 115
грузинский	28, 30, 34, 40, 41, 43, 44, 64, 65, 70, 73, 76, 110, 117, 182	конго	28, 30, 38
гуниянди	26, 29, 31, 61, 62	конджо	150
гуринджи	32	корейский	30, 33, 37, 125
дани	31	корякский	32
		кпелле	32, 175
		креольские	5, 32, 34, 35, 46, 47, 48
		кри, полевой	146, 152
		кронго	30

кубачинский	77	пенутийские	29, 30
кулунг	32	персидский	31
кхо-кхо	32	пиджины	5, 32, 46, 47
лакский	30, 33	пираха	122, 123
латынь	7, 65, 68, 69, 70, 71, 155	польский	32, 40, 41, 43, 64, 65, 76, 176
лаху	32	помо, центральный	6, 32
лезгинские	5, 30, 33, 36, 76, 130, 167	помо, юго-восточный	32
лезгинский	30, 39, 43, 65, 125, 165	пулар-фульфульде	25, 28, 32, 37, 62, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 82, 84, 85, 86, 102, 104, 105, 106, 110, 112, 113
лепча	5, 30, 38	рама	149, 151
лимбу	32, 37	рапануи	30, 35, 44, 45, 155, 156
литовский	175	романские	164
логбара	176	русский	8, 9, 14, 16, 18, 22, 26, 31, 37, 42, 43, 61, 65, 66, 69, 70, 77, 78, 93, 107, 108, 109, 110, 111, 114, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 142, 144, 146, 152, 153, 152–54, 164, 168, 152–54, 177, 179, 181, 182, 183, 186
локо	32	саамский	32
лоома	32	санго	30
луганда	32	санскрит	6, 7, 39, 51, 52, 64, 65, 67, 69, 70, 71, 73, 79, 112, 113, 115, 155, 178
макассарский	150	санума	31, 149, 150, 152
малайский	46	сахаптинские	29, 30, 175
манде	32, 175	сванский	151
маньчжурский	37, 50	сербско-хорватский	175
маори	31, 45, 176	сесото	5, 32
маранао	159, 160	сетсвана	5, 32
марийский	31, 36	слейв	143
мейтхей	5, 30, 57, 64	сонгай	28, 30, 37
менде	175	суахили	31, 35, 86, 175
микронезийские	31, 175, 176	сурсурунга	133
мокилезский	175	табасаранский	5, 33, 38, 40
монгольские	33	тагальский	30, 35, 44, 45, 176
монгольский	30, 33, 37	татарский	12, 20, 23, 25, 27, 28, 31, 35, 36, 37, 56, 57, 59, 61, 64, 69, 70, 73, 77, 78, 82, 92, 102, 105, 106, 110, 112, 113, 115, 175, 181
муна	149, 150	темне	175
навахо	143	тибето-бирманские	5, 26, 30, 32, 33, 34, 37, 38, 48, 57, 115, 125, 163
нага-пиджин	32	тиви	115
нама	31, 46, 147, 148, 151, 152	тимбукушу	32
нанайский	32, 38	тофаларский	31, 36
нахско-дагестанские	5, 8, 28, 31, 33, 34, 36, 38, 77, 92	тунгусо-маньчжурские	32, 34, 37, 38, 88
нганасанский	68	тупи-гуарани	31
нганьгитьемерри	5, 32, 33, 115	турецкий	22, 30, 36, 38, 92, 164, 165, 167
нгиямбаа	6, 156	тюркские	5, 26, 31, 34, 36, 88, 130
не пама-ньюнга	5, 29, 31, 32, 115, 156	удэгейский	37
невари	32, 57, 163, 164, 167	узбекский	31, 36, 130
нез персе	30, 92, 175	уйгурский	32
немецкий	31	украинский	42, 64, 73, 112, 175
нивхский	4, 5, 20, 25, 30, 34, 35, 36, 56, 64, 68, 124, 126, 167	уральские	88
нило-сахарские	28, 30, 32, 37	урубу-каапор	31
ниуэ	162, 167	фиджи	88, 91, 176
новогреческий	31	финно-угорские	31, 130, 176
нубийн	32	французский	31
нубийский, донголезский	32	фризский	32
нуэр	176	хантыйский	51, 52
оджибва, восточный	145	хауса	31, 46
океанические	30, 31, 32, 44, 45		
орочский	32, 38		
отжихереро	5, 32		
отоми	146, 147, 149, 151, 152		
пама-ньюнга	30, 32, 50, 156, 176		
папиаменту	32		
папуасские	158		
паумари	31		

хишкарьяна	37, 180	эвенкийский	30, 38, 155
ххоса	5, 32	эвенский	38
цоциль	176	эскимосские	6, 30, 32, 33, 34, 38, 52, 99, 164
чамалинский	31, 33, 38	эскимосский, западно-гренландский	30
чаморро	176	эскимосский, науканский	51, 79
чантал	32	эскимосский, северно-квебекский	32
чивенда	5, 32	южносулавесийские	150, 151
чувашский	36	юкагирский	25, 30, 34, 134, 135
чукотский	30	юпик	6, 32, 38, 39, 51, 52, 99, 164
чукотско-камчатские	32, 33, 34, 36	япиз	176
эве	30, 46, 175	японский	30, 33, 37, 74, 75, 78, 92, 112, 125

Библиография

- Алексеев, Атаев 1997: Алексеев, М.Е. Атаев, Б.М. Аварский язык. М.: Academia, 1997.
- Андреев 1957: Андреев, Н.А. Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
- Аоки, Уокер 1988: Aoki, Haruo and Walker, Deward E. Nez Perce oral narratives. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Апресян 1995: Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Аскуэ 1906: Azkue, Resurrección María de. Diccionario Vasco-Español-Francés. Tomo I. Bilbao – Paris, 1906.
- Аустерлиц 1959: R. Austerlitz. Semantic components of pronoun systems: Gilyak // Word 15, 1959.
- Барулин 1980: Барулин, А.Н. Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков, В.М. Андрущенко (ред.). М.: МГУ, 1980.
- Бем 1985: Boem, Gerhard. Khoe Kowar. Einfuehrung in die Sprache der Hottentotten. Nama Dailekt. Wien, 1985.
- Бенвенист 1974: Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бентли 1887: Bentley, W. Holman. Dictionary and Grammar of the Kongo Language. London: Baptist Missionary Society, 1887. [Reprinted 1967 by Gregg Press]
- Берлинг 1961: Burling, Robbins. A Garo Grammar. Deccan College Monograph Series 25. Poona: Deccan College Postgraduate and Research Institute, 1961.
- Блумфилд 1956: Bloomfield, Leonard. Eastern Ojibwa. Ann Arbor: UMP, 1956.
- Боксвелл 1967: Boxwell, M. The Weri pronominal system // Linguistics 29, 1967.
- Боргман 1990: Borgman, Donald M. Sanuma. In Desmond C. Derbyshire and Geoffrey K. Pullum, ed., Handbook of Amazonian Languages 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.
- Боссонг 1998: Bossong, Georg. Le marquage différentiel de l'objet dans les langue de l'Europe // Jack Feuillet (ed.) Actance et Valence dans les Langues de l'Europe. Berlin, New York: Mouton de Guyter, 1998.
- Брейс 1909: Brays, Denys. The Brahui Language Part I. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1909.
- Бромлей 1981: Bromley, H. Myron. A Grammar of Lower Grand Valley Dani. Pacific Linguistics, Series C, No. 63. The Australian National University, 1981.
- ван Дрим 1987: van Driem, George. A Grammar of Limbu. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
- ван Дрим 1993: van Driem, George. A Grammar of Dumi. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- Вернер 1987: Werner, Roland. Grammatik des Nobiin (Nilnubisch). Phonologie, Tonologie und Morphologie. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1995.
- Вестерманн 1963: Вестерманн, Г. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание, ред. Д.А. Ольдерогге, М.: ИЛ, 1963.
- Вестерманн 1963: Вестерманн, Д. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание. М.: ИЛ, 1963.
- Воронцова, Рахилина 1989: Воронцова М.И., Рахилина Е.В. Предметные имена в словаре // Пятая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Том II. АН СССР Институт Востоковедения. М.: Восточная литература, 1989.
- Выдрин 1997: Выдрин, В. Ф. Следы именной классификации в языках манде // Основы африканского языкознания (именные категории). Виноградов (ред.) М.: Аспект пресс, 1997.
- Гард 1995: Garde, P. Les tournures comitatives en russe // Язык и стих в России. UCLA Slavic Studies. Birnbaum, Henrik and Michael S. Flier (eds). М.: Восточная литература, 1995.

- Грайнвальд, неопубликованная рукопись: Grinevald, Colette. A grammar of Rama. Report to national science foundation. An unpublished manuscript.
- Гринберг 1988: Greenberg, Joseph H. The first person inclusive dual as an ambiguous category. *Studies in Language* 12, 1988.
- Дейвис 1981: Davies, John. *Kobon*. *Lingua Descriptive Studies* 3. Amsterdam: North-Holland, 1981.
- Дельбрюк 1893: Delbrück, Berthold. *Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. 3rd volume. *Syntax der Indogermanischen Sprachen*, Part 1. Tübingen: Strassburg, 1893.
- ден Бестен 1996: den Besten, Hans. *Associative DPs // Linguistics in the Netherlands*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1996.
- ден Бестен, в печати: den Besten, Hans. *The Complex Ancestry of the Afrikaans Associative Construction // A Carstens & H Grebe (ed.)*; Pretoria: Van Schaik, 2001.
- Дербишир 1979: Derbyshire, Desmond. *Hixkaryana*. *Lingua Descriptive Studies* 1. Amsterdam: North-Holland, 1979.
- Диксон 1972: Dixon, R.M.W. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge, 1972.
- Диксон 1977: Dixon, Robert M. W. *A Grammar of Yidin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Диксон 1988: Dixon, Robert M. W. *A Grammar of Boumaa Fijian*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Дональдсон 1980: Donaldson, Tamsin. *Ngiyambaa*. London – New York: Cambridge University Press, 1980.
- Дондуа 1975: Дондуа, К.Д. Категория инклюзива – эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском // *Статьи по общему и кавказскому языкознанию*. Л.: Наука, 1975.
- Дю Фе 1996: Du Feu, Veronica. *Rapanui*. London: Routledge, 1996.
- Есперсен 1958: Есперсен, Отто. *Философия грамматики*. М.: Иностранная литература, 1958.
- Жирков 1955: Жирков, Л.И. *Лакский язык. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Жукова 1974: Жукова, А.Н. Склонение имен существительных в паланском, карагинском и алоторском диалектах корякского языка // *Склонение в палеоазиатских и самодийских языках*. Л.: Наука, 1974.
- Закиев 1978.
- Исхаков, Пальмбах 1961: Исхаков, Ф.Г., Пальмбах, А.А. *Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во Восточной Литературы, 1961.
- Какумасу 1986: Kakumasu, James. *Urubu-Kaapor // Handbook of Amazonian Languages* 1. Desmond C. Derbyshire and Geoffrey K. Pullum, ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986.
- Каноничи 1995: Canonici, Noverino N. *Zulu grammatical structure*. Durban: Department of Zulu Language and Literature, University of Natal, 1995.
- Кацнельсон 1949: Кацнельсон, С.Д. *Историко-грамматические исследования*. М.-Л.: АН СССР, 1949.
- Кибрик 1997: Кибрик, А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // *Вопросы языкознания*, №4, 1997.
- Кибрик А.А. 1989: Кибрик, А.А. *Мы (лингвистические и социолингвистические наблюдения) // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Том II, лингвистика*. М.: Наука, 1989.
- Кинг 1994: King, Alan R. *The Basque Language: A Practical Introduction*. Reno: University of Nevada Press, 1994.
- Коваль 1997: Коваль, А.И. *Именные категории в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания (именные категории)*. Виноградов (ред.) М.: Аспект пресс, 1997.
- Коларуссо 1992: Colarusso, John. *A grammar of the Kabardian language*. University of Calgary Press, 1992.
- Комри 1981: Comrie, Bernard. *Language typology and universals. Syntax and morphology*. Oxford, 1981.
- Конклин 1962: Conklin, Harold C. *Lexicographical treatment of folk taxonomies. // Problems in Lexicography*. Householder and Saporta (ed.) Bloomington: Indiana University, 1962.
- Кононов 1956: Кононов, А.Н. *Грамматика современного турецкого литературного языка*. М.-Л., 1956.

- Кононов 1960: Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- Корбетт, в печати: Corbett, G. Number. Cambridge University Press.
- Корбетт, Митун 1996: Corbett, Greville G. and Mithun, Marianne. Associative forms in a typology of number systems: evidence from Yup'ik // *Journal of Linguistics* 32, 1996.
- Королев 1989: Королев, Н.И. Неварский язык. Наука, М., 1989.
- Коул 1982: Cole, Peter. Imbabura Quechua. *Lingua Descriptive Studies* 5. Amsterdam: North-Holland, 1982.
- Крейнович 1969: Крейнович, Е.А. Медвежий праздник у кетов // *Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты.* М.: Восточная литература, 1969.
- Кузнецова 1998: Кузнецова А. И. Типология категории числа в уральских языках // *Труды международного семинара Диалог-98.* Т. 1. Нариньяни А. С. (ред.) Казань, 1998.
- Кумахов 1971: Кумахов, М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
- Леонтьев 1974: Леонтьев, А.А. Папуасские языки. М.: Наука, 1974.
- Льюис 1967: Lewis, G. L. *Turkish Grammar.* Oxford University Press, 1967.
- Магомедова 1985: Магомедова, П.Т. Категория множественного числа имен существительных в чамалинском языке (семантический аспект) // *Микаилов 1985.*
- Магомедов 1963: Магомедов, А.А. Кубачинский язык. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1963.
- Магомедов 1965: Магомедов, А.А. Табасаранский язык (исследования и тексты). Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Мазо 1978: Мазо, В.Д. Группа существительного в бирманском языке. М.: Наука, 1978.
- Майтинская 1969: Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.
- МакГрегор 1990: McGregor, William. *A Functional Grammar of Gooniyandi.* Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- МакКэй 1978: McKay, Graham R. Pronominal person and number in Rembarnga and Djeebana // *Oceanic Linguistics*, Vol. XVII, No.1, 1978.
- МакКэй 1985: McKay, Graham R. Gender and the category unit augmented // *Oceanic Linguistics*, Vol. XVIII, No.2, 1985.
- Маколи 1996: Macauley, Monica. *A Grammar of Chalcatongo Mixtec.* University of California Publications in Linguistics 127. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Маслов 1956: Маслов, Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.
- Матисофф 1973: Matisoff, James A. *The Grammar of Lahu.* Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1973.
- Мейнверинг 1876: Mainwaring, Colonel G. B. *A Grammar of the Rong (Lepcha) Language.* Calcutta: Baptist Mission Press, 1876.
- Мельчук 1998: Мельчук, И.А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения. Москва – Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Меновщиков 1975: Меновщиков, Г.А. Язык науканских эскимосов. Л.: Наука, 1975.
- Меновщиков, Вахтин 1990: Меновщиков, Г.А. Вахтин, Н.Б. Эскимосский язык. Л.: Просвещение, 1990.
- Мерлан 1994: F. Merlan. *Wardaman.* Berlin: MdG, 1994.
- Метгьюз, Йип 1994: Matthews, Stephen and Virginia Yip. *Cantonese: a Comprehensive Grammar.* London, New York: Routledge,
- Микаилов 1985: Микаилов, К.Ш. (ред.) Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Митун 1999: Mithun, Marianne. *The Languages of Native North America (Cambridge Language Surveys).* Cambridge University Press, 1999.
- Молчанова 1975: Категория числа // *Опыт историко-типологического исследования иранских языков.* Том 2. М.: Наука, 1975.
- Моравчик 1994: Moravcsik, Edith. Group plural – associative plural or cohort plural. Email document, *LINGUIST List*: Vol-5-681. 11 June 1994. ISSN: 1068-4875.
- Недялков 1996: Nedjalkov, Igor. *Evenki.* London: Routledge, 1996.
- Оарс, Оарс 1968: Oates, W., and L. Oates. *Kapau Pedagogical Grammar.* Pacific Linguistics, Series C, No. 10 Canberra: The Australian National University, 1968.

- Осборн 1974: Osborne, C. R. *The Tiwi Language*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1974.
- Панфилов 1962: Панфилов, В.З. *Грамматика нивхского языка. Часть 1*. М.-Л.: АН СССР, 1962.
- Панфилов 1993: Панифлов, В.С. *Грамматический строй вьетнамского языка*. СПб., 1993.
- Питман 1980: Pitman, Donald. *Bosquejo de la Gramatica Araona. Notas Linguisticas, No. 9*. Riberalta, Bolivia: Instituto Linguistico De Verano, 1980.
- Плунгян 1995: Plungian V. *Dogon*. München: LINCOM Europa, 1995.
- Плунгян 2000: Плунгян, В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Полинская 1995: Полинская, М.С. *Язык ниуэ*. М.: Восточная литература, 1995.
- Поппе 1970: Poppe, Nicholas N. *Mongolian Language Handbook Series, Volume 4*. Washington: The Center for Applied Linguistics, 1970.
- Псянчин 2000: Псянчин, Ю.В. *Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Москва, 2000.
- Райс 1989: Rice, Keren. *A Grammar of Slave*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989.
- Райхле 1981: Reichle, Verena. *Bawm Language and Lore*. Bern: Peter Lang, 1981.
- Рассадин 1978: Рассадин, В.И. *Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении*. М.: Наука, 1978.
- Ре 1985: Reh, Mechthild. *Die Krongo-Sprache (Niino Mo-Di)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1985.
- Робертс 1987: Roberts, John R. *Amele*. London: Croom-Helm, 1987.
- Рукайзер 1997: Rukeyser, Alison. *A Typology of the Nominal Dual*. Master's thesis (e-mail document at <http://linguistics.ucdavis.edu/Ruk00.html#1121>).
- Самарин 1967: Samarin, William J. *A Grammar of Sango*. The Hague: Mouton, 1967.
- Скорик 1961: Скорик, П.Я. *Грамматика чукотского языка. Том 1*. Л.: АН СССР, 1961.
- Смит-Старк 1974: Smith-Stark, T. Cedric. *The plurality split // Papers from the tenth regional meeting, Chicago Linguistic Society*. La Galy, Michael W., Fox, Robert F. and Bruck, Anthony (eds). Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Соколовская 1980: Соколовская Н.К. *Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // Теория и типология местоимений*. Вардуль (ред.) М.: Наука, 1980.
- Солнит 1997: Solnit, David B. *Eastern Kayah Li: Grammar, Texts, Glossary*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.
- Суник 1982: Суник, О.П. *Существительное в тунгусо-маньчжурских языках*. Л.: Наука, 1982.
- Талибов 1985: Талибов, Б.Б. *К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке // в Микаилов 1985*.
- Тепляшина, Т.И. Лыткин, В.И. *Пермские языки. // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки*. Наука. Москва, 1976.
- Толсма 1999: Tolsma, Gerard Jacobus. *A grammar of Kulung. Proefschrift*. 1999.
- Унтербек 1992: Unterbeck, Barbara. *Plurale in Koreanischen. Überlegungen zur Dimension der APPREHENSION // ZPSK, 45*. Berlin, 1992.
- Уолфорт 1973: Wolfart, H. Christoph. *Plains Cree: A Grammatical Study*. Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 63, Part 5. Philadelphia: American Philosophical Society, 1973.
- Филимонова 1997: Филимонова Е.Ю. *К вопросу об иерархическом упорядочивании лиц. Выделенность второго лица. Гипотеза языковой корреляции // Вопросы языкознания, 4, 1997*.
- Фортескую 1984: Fortescue, M. *West Greenlandic. Croom Helm Descriptive Grammars*. Dover, New Hampshire: Croom Helm, 1984.
- Форххаймер 1953: Forchheimer, P. *The Category of Person in Language*. Berlin, 1953.
- Хайду 1975: Haidu, P. *The connective – reciprocal suffix in the samoyed languages*. In: Hajdu, Peter. *Samojedologische Schriften, Szeged 1975 (Studia Uralo-Altaica; VI)*.
- Хайндс 1986: Hinds, John. *Japanese*. London: Routledge, 1986.
- Хардман де Баугиста 1974: Hardman de Bautista, Martha. *Outline of the Aymara, Phonological and Grammatical Structure*. Gainesville: University of Florida, 1974.
- Харрисон 1976, Шелдон П.

- Хаспельмат 1993: Haspelmath, Martin. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Хаспельмат, в печати: Haspelmath, Martin. Coordination // Language typology and linguistic description, Shopen, Timothy (ed.) Cambridge: CUP.
- Хатчиссон 1986: Hutchisson, Don. Sursurunga Pronouns and the Special Use of Quadral Number // Pronominal Systems. Wiesemann (ed.) Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986.
- Хеккинг 1987: Hekking, Ewald. Gramática Otomí. Universidad Autónoma de Querétaro.
- Холленбах 1970: Hollenbach, Barbara. Inclusive Plural: a further look // Linguistics 56, 1970.
- Хофф 1968: Hoff, B. J. The Carib Language: Phonology, Morphology, Texts and Word Index. The Hague: M. Nyhoff, 1968.
- Хьюит 1979: Hewitt, B. G. Abkhaz. Lingua Descriptive Studies 2. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1979.
- Хэгман 1977: Hagman, Roy S. Nama Hottentot Grammar. Research Center for Language and Semiotic Studies. Bloomington: Indiana University, 1977.
- Чанг 1996: Chang, Suk-Jin. Korean. Philadelphia: John Benhamins, 1996.
- Чарни 1993: Charney, Jean Ormsbee. A Grammar of Comanche. Lincoln: University of Nebraska Press, 1993.
- Челиа 1997: Chelliah, Shobhana Lakshmi. A grammar of Meithei. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Чэпмен, Дербишир 1990: Chapman, Shirley, and Desmond C. Derbyshire. Paumari // Handbook of Amazonian Languages, Vol. 3. Desmond C. Derbyshire and Geoffrey K. Pullum, eds. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.
- Шахтер, Отанес 1972: Schachter, Paul, and Fe T. Otanes. Tagalog Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1972.
- Шварц 1985: Schwartz, Linda. Plural Pronouns, coordination and inclusion // Papers from the 10th Regional Conference on Language and Linguistics. Dept. of Linguistics, University of Minnesota. April 1985.
- Шеффлер, Лонсбери 1971: Sheffler, Harold W., Lounsbury, Floyd G. A Study in Structural Semantics. The Siriono System Kinship. New Jersey: Prentice-Hall, 1971.
- Эберт 1979: Ebert, Keren. Sprache und Tradition der Kera (Tschad), Teil III: Grammatik. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1979.
- Эли 1990: Egli, Hans. Paiwangrammatik. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1990.